

ФАНТ-ХАБАР

2025

21

ФАНТ-ХАБАР

2025

9 (21)

3 АНС-100!

27 Календарь. 2025. Октябрь

38 Такие дела. Сентябрь 2025

42 Голоса из Сетей

128 Источники

Первая страница:

Одна из лучших астрономических фотографий

2025 года по версии

Королевской обсерватории Гринвича

Редактор: БВИ
bvi@rusf.ru

<https://t.me/bratrazum>

<https://bvi.livejournal.com>

<http://bvi.rusf.ru/fx/fx021.pdf>

Арканар: Метагом, 2025

АНС – 100!

1 сентября 1959

Вот, кажется, и вся информация. Насчет денег придется малость подождать. Солидные издательства переводят деньги не сразу, а исподволь. Я, впрочем, напомню в Детгизе, может быть, из уважения к твоим слезам поторопятся. А вообще брось ныть, Борис Натаевич. Не так уж плохи наши дела, как год назад, когда мы с трепетом ждали выхода «Спонтанного рефлекса». Ты меня удивляешь, старый зад, и возмущаешь. Мы же только начали. Нам ещё расти и расти. Хочешь сразу в Брэдбери? Так не бывает. Мало того, чем дальше мы пишем, тем меньше я понимаю, как надо писать. Но всё впереди. Итак:

- а) Я несу «Яйцо» и принимаюсь за «СБП».
- б) Ты даешь к 15-му Десантников, после чего я направляю тебе на переплавку «8зПГ» и «ЧП».
- в) Думаю, либо в ноябре, либо в декабре я приеду, и мы обсудим то, что к тому времени будет сделано по «СБП» и по рассказам.

Согласен, рыжайший? Лентяй ты старый, и ворчун притом. Всё равно все говорят, что «СБТ» – хорошё-о, интересно, волнительно. На Арбате и на ул^{ище} Горького были очереди, и те, кому не хватило, пытались бить стекла. А я купаюсь в вонючих волнах славы и должен массе людей дарить авторские. Между прочим, от нашего с тобой имени (твою подпись я теперь подделываю запросто) подарено Варшавскому, Жигареву (гл^{авный} ред^{актор} «З-С»), Касселю, Пискунову (директор Детгиза) и дяде Кузе <Литвинчёву>. Да нужно еще и тете Мане <Теселько>, и дяде Грише, и дяде Коле <Литвинчёвым>. И еще товарищи, и Ким, и Ефремо-

ву тоже. И Андрееву. Тебе там хорошо лясы точить и зубоскалить, а я здесь отдувайся. Но я бодр, весел, и пишу «Яйцо», и ору весёлые песни.

АНС. Письмо брату

2 сентября 1949

Аркадий Стругацкий с супругой Инной и мамой.
Ленинград, сентябрь 1949 г.

3 сентября 1958

Письмо, которое ты, вероятно, уже получил позавчера, я опустил по дороге домой, а дома нашёл письмо от тебя. Теперь смотри, что получилось из-за твоей неторопливости с ответом: я, выходит, зря потратил время на переделку главы «Вальцев объясняет» и теперь совершенно не имею понятия о том, что делать дальше. Посылаю тебе три первые главы, разделяйся с ними, как знаешь. Я всё же решился продолжать работу в том направлении, которое определяется наличием главы «Г. И. Дауге объясняет». Концы прибирать придётся уже тебе. Впрочем, особенно страшного ничего не случилось, только будь внимателен и старателен, а впредь, когда я посыпаю запрос, отвечай немедленно.

Сейчас работаю над «Буднями», сделал почти треть, хотя нового внёс очень немного. Кстати, прошу тебя срочно выслать твой старый вариант первой главы – тот, где встречают межпланетников, – там есть материал, который мне понадобится для «Возвращения Хиуса».

Вот, пожалуй, всё. Повторяю, работай тщательно, особое внимание – речевые характеристики. Терзай мой вариант, не стесняясь. Страйся следовать правилу: каждая фраза должна иметь значение для текста и по возможности не только для данного участка текста, но и для многих последующих в будущем. Не знаю, понятна ли тебе моя мысль. Техника работы: не вписывай свой вариант поверх моего, а мой зачёркивай карандашом, зачёркнутое нумеруй и под этим номером печатай на отдельном листе, и оный отдельный лист подкалывай к моему листу. Так будет удобнее и нам, и машинистке. Понял?

АНС. Письмо брату

3 сентября 1965

Задержался и ПНвС. Дело в том, что этот старый болван Кирилл Андреев явился в Детгиз и стал хвастать Марии Михайловне <Калакуцкой>, как он своей блестательной рецензией спас в Мол<одой> гв<ардии> книгу Стругацких. Мария Михайловна не знала о наших затруднениях, Нинка её тщательно от этого отгораживала. Но после встречи с Кириллом она схватила сверку и стала читать, мало того, дала для гарантии читать Пискунову. Нинка на стену лезла, дралась как лев, но была в разгаре сражена приступом холецистита, или как это там у вас называется. Пришлось вступить мне, я ругался, но кое-чем пришлось пожертвовать. В частности, вместо «человека будущего» везде будет «идеальный человек». И ещё кое-что по мелочам. Но мне эти благодетели вроде Андреева-болвана уже надоели. Все хвастают, что это они сделали нас писателями. Подонки грязные.

АНС. Письмо брату

4 сентября 1969

Звонил неделю назад Ефремов – объясняться. Оказывается, его одолели претензии, что он в своём интервью в «Молодой гвардии» обгадил Стругацких. Так вот он хочет выяснить, обиделись ли мы? Ведь он только высказал свою точку зрения, мы тоже можем высказать нашу точку зрения, он не обидится. Я как вспомнил, что его интервью появилось сразу после Краснобрыжего и Дроздова, так у меня аж в глазах потемнело. Но я учиво сказал, что нет, с какой стати, конечно, мы нисколько не обиделись, хотя не припоминаем, что когда-либо где-либо критиковали его.

АНС. Письмо брату

4 сентября 1972

С мультишкой положение пока заторможенное, анабиотическое, поскольку общая паника в киномире не миновала и их. Собирались сменять директора и главного, на место должен был пойти зам^{<еститель>} директора и зав^{<едующий>} сценарным отделом, интриги, подвохи и прочее было в разгаре и изобилии, сейчас, кажется, выяснилось, что ничего там не изменится, и потому одни злорадно точат когти, а другие с тоской ожидают мести. Но есть предложение дать сценарий некоему Котёночкому (режиссёру «Ну, погоди!»). Паршивость заключается в том, что в Главке тоже полный разгром, и Мультстудией занимается сейчас Сытин. Хотя, с другой стороны, нет больше Баскакова, а всем временно руководит Павленок. Так что трудно сказать, как у нас с мультишкой.

Перевороты в Комитете по кино вызывают у меня приступы лёгкой тоски – если брать их вкупе с общим положением. В дополнение к ленинградским новостям могу тебе сказать, что и на Украине – т. е. на Довженке – и в Кишинёве тоже полетели все. Не исключено, что высший суд действительно имеет место, но больно дорого берут за судебные издержки: вон и Лёшку до инфаркта чуть не довели...

АНС. Письмо брату

5 сентября 1982

Разбрался я в своих намётках, и вот какие у меня предложения по ТП. [ТП – Торговцы псиной, что позже превратится в “Хромую судьбу”.]

I. Принимая во внимание, что а) есть смысл наметить пунктиром, как наш герой дошёл до жизни такой (как – не обязательно по прямой логике) и б)

за основу взята моя биография, имеет смысл вставить в текст ряд реминисценций. Я предлагаю:

1) эпизод моей первой любви – когда-то я его набросал, да никому не показывал, стыдно было, а нынче уже не стыдно;

2) в связи с агрессивной глупостью – эпизодик с неким полковником Снегирёвым и штабным соприором (Камчатка);

3) о том, как я застрелил под Кингисеппом немца в июле 41-го;

4) эпизод, как я впервые услышал «А первой болванкой...». Камчатка, затонувшие по башню танки, уныло поющие танкисты. Возможно, найдутся ещё реминисценции подходящего толка.

II. Далее, развить рассуждения героя о литературной критике. Критика в жизни героя (и нашей) никогда не помогала ни как читателю, ни как писателю.

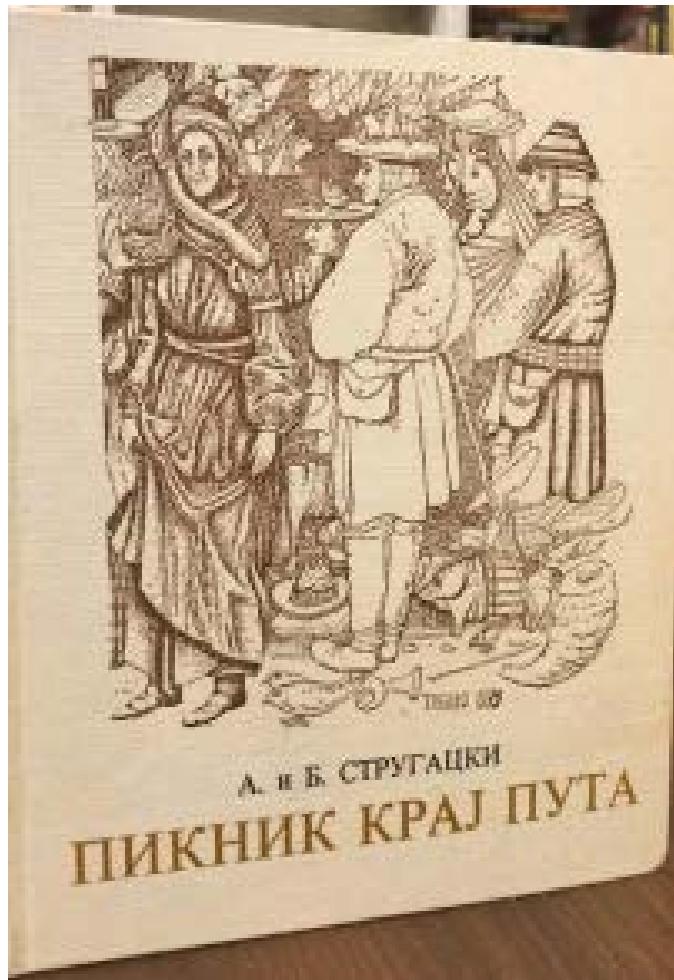
III. О начальстве (в т. ч. писательской организации) – ни разу в жизни не было у героя начальника, которого он искренне уважал.

IV. Надо бы хотя бы обозначить текущие увлечения и политические взгляды героя. Скажем, что-нибудь из книг, кот^{<орые>} ему в последнее время понравились (я предлагаю роман «Сёгун» – при встрече расскажу, на меня произвёл большое впечатление). И отношение к мировому бардаку – Ливан, Рейган и т. д.

V. Как ты посмотришь на такой тезис: меня ничто не удивляет, готов ко всему. В том смысле, что всё приму с покорностью, как бы давно уже этого ожидал: арест, атомную войну, гибель близких. А выражение возмущения, заинтересованности, ярости – это декорум, которого от меня ожидают и который я обязан обеспечить для внешнего мира.

АНС. Письмо брату

6 сентября 1979

Ковальчук передал мне ХВВ в английском издании – точная копия пейпер-бука США, только в твёрдой обложке и больше по формату, и с суперобложкой. А Милан Чолич привёз единственный – к сожалению – югославский экз ПнО с очень забавными абстрактными иллюстрациями.

Вчера по просьбе Белы встречался на книжной ярмарке с вице-президентом МакМиллана неким Холси. Симпатичный мужик, очень к нам уважителен. В частности сообщил, что средний уровень интеллектуальности фантастики Стругацких выше такого же ведущих фантастов США. Ну и прочее там.

АНС. Письмо брату

7 сентября 1966

Вчера встретился, наконец, с Карякиным. В «Узбекистане», сам понимаешь. Умный и очень эрудированный и страшно злой парень. Возраст 36 лет. Нас знает и любит. Потом к нам за столик вдруг уселся толстоватый короткий еврей с толстым носом и весёлыми глазами, в висящем свитере. Оказалось – Эрнст Неизвестный. Побратались. Тоже нас знает и любит. Одним словом, пришли в двенадцать, разошлись в семь. Много интересного. Потом расскажу.

АНС. Письмо брату

7 сентября 1972

Даю заказ. Список велик, но это, разумеется, на тот случай, если многого не удастся найти, чтобы у тебя был выбор и чтобы не искать много и долго. Что из этого попадётся, то и бери. Итак:

ЖЕНСКОЕ:

куртка поролоновая (как у тебя, коричневая)
54 разм.,

брюки, брючный костюм 44 разм. 3-й рост,
кофта шерстяная, свитер 44 разм.,
туфли, босоножки, сапоги 36 разм.,
сумка хозяйств. и дамская,
белье (короткое) 55/56 разм. и 44 разм.

МУЖСКОЕ:

костюм тёмного цвета 56 разм. 5-й рост,
джинсы, не менее 56 разм. 5-й рост,

домашние туфли 45 разм.,
ботинки зимние, туфли на толстой подошве,
широкие 44 разм.,
шапка меховая 64 разм.,
большой хороший рюкзак.

Теперь так. Есть идея. Как тебе известно, я должен тебе 630 руб. Как ты смотришь на то, чтобы взять эти деньги из моей доли в польском гонораре? Если гонорара не хватит, чтобы покрыть долг, возьмёшь, сколько хватит, остальное останется на мне. Если хватит с избытком, купишь что-нибудь на избыток. Как считаешь? Отпиши.

Еще одно важное обстоятельство. Получая гонорар, обязательно (**обязательно**) возьми в издательстве справку, что ты получил гонорар за свои книги. Справку возьми в двух экземплярах. Один у тебя отберут польские таможенники, другой – наши. Иначе начнется неприятная мура при возвращении с вещами. Такое уже случалось, у одного нашего просто отобрали часть вещей, да еще обвинили в контрабанде. А у него была справка, но в одном экз., и он отдал ее польским таможенникам. Как он, сердяга, ни вопил, ему не поверили или не захотели верить.

АНС. Письмо брату

8 сентября 1988

Живём мы скверно, страшно неуютно. Всё – проблема. Ремонт, детский садик, квартира, переезд на дачу, сахар, горячая (и холодная) вода. Куда ни повернись, что бы ни потребовалось, даже самое жизненно необходимое, всюду натыкаешься на свинцовое мурло большого или крошечного начальника: не положено! Куда прёшь? Не твоё дело! Ещё раз о партконференции. Великое дело! Счастлив, что дожил до дней, когда такие дела волнуют до

зуда, не в пример прежним. Но! Положение первое: это событие стало поворотным пунктом в истории Родины. Верю. Положение второе: большинство делегатов – люди честные, ответственные, компетентные. Верю. Положение третье, ни для кого не секрет, что за десятилетия застоя многие и очень многие убеждённые коммунисты (я имею в виду коммунистов-ленинцев именно по убеждению, а не только по принадлежности) по разным причинам либо не были приняты, либо не пожелали вступать в партию. А ведь им тоже есть что сказать! Полагаю, в этом смысле партконференция не была полностью представительной. Напрашивается вывод: решения партконференции необходимо вынести на всенародное обсуждение.

О Советах. Вся власть Советам! Это, кажется, единственно мыслимый выход. Но что это значит – вся власть? Видится такое: всем Советам, вплоть до местных, до поселковых, предоставляется право наказывать любого начальника, от завара до министра, допустившего пакость на территории действия (компетентности) этих Советов. Грубо говоря, отключили горячую воду на профилактику, обещали включить к определённой дате и не включили – изволь отвечать перед Советом по всей строгости, изволь нести личную ответственность. Вот это и будет власть Советов. А не слезливые послания в вышестоящие инстанции.

Господи! Потеют финансисты, чтобы изыскать полтора миллиарда на пенсии колхозникам, нет средств на школы и больницы. А ведомствам, которые скandalно обанкротились, например печально знаменитому Министерству мелиорации, которым загублены миллионы гектаров плодородной почвы, выделили дополнительно ещё десять миллиардов. По мнению учёных, большая их часть

будет употреблена на дальнейшее насилие природы, стало быть, принесёт объективный вред.

И те же финансисты ночами не спят из-за того, что сократили продажу водки и бюджет лишился мнимого и страшного источника пополнения.

Или те министерские начальники, что взросли на рабском труде миллионов заключённых, которых в своё время щедро выделял незабвенный и неудобозабываемый Берия... Они свыклись со вседозволенностью и поплёвывают на нас с вами. Но могли бы они так кайфовать без высокого покровительства? Невозможно. О приоритете. Красный свет старому мерзкому лозунгу: государство превыше всего. Мы уже знаем, к чему это приводит. Нет. Нашим нынешним лозунгом должно быть: личность превыше всего!

Аркадий Стругацкий: «Личность превыше всего!» / Беседу вел К. Исааков // Молодой коммунар (Тула). – 1988. – 8 сент. – С. 4.

9 сентября 1961

Пришла рецензия Андреева на «Стажёра». Пересылать её я, пожалуй, не буду, громоздко, а вот её главные положения.

1. «Написана повесть умно и талантливо, но торопливо и фрагментарно».

2. Авторы произвольно и очень неудачно обединили эти, в общем разрозненные, рассказы фигурой Ю. Бородина.

3. Неудачно название, стажёр в действии не участвует и не является глазами авторов.

4. В отличие от других трилогий, «Стажёр» хорош – фигурой Юрковского, «это очень яркий герой, с очень сложным и одновременно цельным характером, и это большая удача авторов». Он всех заслоняет.

5. «Юра должен либо совсем исчезнуть, либо получить свою судьбу, свой характер и принять участие в действии».

6. «Внешний сюжет повести – облёт Солнечной системы, внутренний – смерть старого представления о героизме и победа нового героизма, растворившегося в пафосе труда».

7. «Всё время ждёшь, что пессимизму пролога будет противопоставлен пафос новой победы гения и труда, что Быков поведёт первую звёздную... Однако в рукописи этого нет; нет и эстафеты поколений, которая может быть противопоставлена уходящей эпохе».

8. Предложено показать Урановую Голконду и перенести на Венеру «Нищих духом».

Вот, в общем, и всё. Остальное – разговоры для тех, кто рукопись не читал.

АНС. Письмо брату

10 сентября 1959

Здравствуй, мин хер Боб.

Получил письмо твоё, льщу себя надеждой, что завтра-послезавтра получу и рассказ. Не могу не согласиться с твоей оценкой «БКА» [Белый конус Алаида] – именно «ннничеГо». Так ты узы его. Ату, и вообще – хватай и рви. Летальный исход, несомненно, не обязателен. Но весьма желательно было бы сохранить тему Десантника (или просто межпланетника), которого уже никуда не пускают по немощам его, но который пользуется огромным уважением, истощён этим уважением и старается делать, что может. Конечно, говорить об этом в лоб нельзя – разве что в мыслях его мелькает один эпизод из его бывших похождений. Вообще, можно даже не говорить, кем он был конкретно. «Уважаемый человек» и всё. Собственно, толстозадая

играет единственную роль по моей идее: её детская влюблённость – свидетельство величия Ашмарины в прошлом. Я бы не убирал женщину, это очень хороший катализатор настроения. Другое дело, что мне это не удалось показать. Что касается до слабости Яйца, то это, конечно, правильно, однако постарайся оставить его взаимодействие с японским дотом. Хотел бы я знать, сохранилась ли бы взрывчатка такое время? И – как хошь – а немного подвига нужно бы прицепить. А впрочем – теперь всё в твоих руках. Работай, браток, без стеснения, но изволь прислать мне машинописный текст чистым, стилистически отработанным и, если возможно, в двух экз-емплярах, да один непременно оставь себе. Насчёт баб ты тоже, пожалуй, прав, делаем мы их скверно, и даже Акико не составляет исключения. Но это как раз тот случай, когда посредственное лучше, чем ничего. Бабы – они, братец, чудесно оттеняют и выделяют характеры, а любовь, как известно, не картошка, но в силу полового размножения занимает в жизни большое место. Вот почкованьецем бы...

АНС. Письмо брату

11 сентября 1968

Песню Легиона пока не посылаю – рукопись у Нины, а я у неё ещё не был. Что касается названия Комитета, то – чёрт его знает, ничего приличного в голову не приходит. Разве что Комитет Помощи Слабым Силам? Или Комитет Поддержки Социалистического Сознания? Бредятина это всё. Поставь любое сокращение, какое тебе придёт в голову. В Деттизе это сокращение сомнений не вызвало, ну и ладно.

АНС. Письмо брату

11 сентября 1981

Итак, ещё одна молодёжная дискуссия об истинных ценностях бытия. Я люблю эти дискуссии. Хотя почти все они, если у редакции хватает терпения довести их до логического конца, завершаются утверждениями такого типа: «Нет ничего прекраснее высокого наслаждения поэзией Блока. Если вы этого не понимаете, мне вас жаль» (подпись – с полным именем, с указанием профессии и возраста) и «Самое большое наслаждение – это когда расписываешься в платёжной ведомости. И не заливайте мне насчёт поэзии» (подпись – инициалы или псевдоним). Затем следует резюме редакции, не скрывающей, что ей, редакции, более симпатичны любители Блока. А впрочем, любителей расписываться в платёжной ведомости она, редакция, тоже может понять и готова простить. И дискуссионеры умоляют, недовольные друг другом.

Нынешняя дискуссия, как и почти все предыдущие, началась публикацией письма сердитого молодого человека по фамилии Зоркий. Ему за двадцать, он работает, у него родители и друзья. Вот и всё, что нам о нём известно. И ещё: он считает себя представителем большинства своих сверстников (возможно, и не только сверстников).

На письмо в редакцию его распалила некая радиопередача, в которой (как следует из письма) утверждалось, что в начале XXI века человек будет бессребреник, альтруист, никогда не будет лгать, возлюбит классическое искусство и т. д. и т. п. Ему и его сверстникам на рубеже нового тысячелетия будет чуть больше сорока лет, самый расцвет трудовой деятельности, и именно он и его сверстники стройными колоннами вступят в новый век, а между тем он и его сверстники являются собой

полную противоположность фигуре, обрисованной в роковой радиопередаче: он любит деньги, он «разумный эгоист», он готов при нужде солгать, он терпеть не может классику, а любит детективы и поп-музыку. Причём меняться к лучшему в честь перехода в третье тысячелетие он и не собирается. Так пусть же все эти радиофутурологи не морочат людям голову, а найдут в себе смелость открыто заявить: в начале XXI века человек ничем не будет отличаться от человека сегодняшнего...

И, как всегда в таких случаях, грянула дискуссия. И, как всегда в таких случаях, горячие молодые головы потянули кто в лес, кто по дрова. А вовсе немолодые головы даже обратились в редакцию с просьбой, так сказать, устроить игру в одни ворота – запретить высказываться сторонникам автора. К чести редакции следует заметить, что на эту ложь во спасение она не пошла.

Аркадий Стругацкий: Себялюбие – наш главный враг / Беседу вела С. Шнегас // Комсомолец Татарии (Казань). – 1981. – 11 сентября. – С. 2–3.

12 сентября 1958

Третья глава... Должен тебе сказать, брат мой и друг мой же, что на первый взгляд она меня просто восхитила. Живо, смачно и любезно сердцу. И если бы я писал это письмо вчера, я бы этим определением и ограничился. Но за ночь и особенно по дороге на работу мне пришли в голову кое-какие мыслишки. Дело в том, что ты таки отбросил то, что я старался всунуть в эту главу: идею того, что Быков является очень образованным в своей области человеком, в курсе последних достижений ядерной энергетики и всем этим живо интересуется. Так, давая сухое и, возможно, не совсем удобова-

римое рассуждение о принципе фотонной ракеты, я имел целью не только сообщить читателю о технике, но и показать, что Быкову это **известно, как и всякому инженеру-ядернику**. Далее, разговор об абсолютном отражателе неизбежно должен был возникнуть, ибо Быкову, опять-таки как инженеру-ядернику, не могло быть неизвестным, в чём главная препона в фотонных ракетах. Отсюда логически вытекает необходимость упомянуть о сгоревших моделях фотонных ракет, о «Змее Горыныче» – первой модели на абсолютном отражателе, о верфях на искусственных спутниках. Подумай над этим и сообщи своё мнение, да не задерживай.

АНС. Письмо брату

12 сентября 1969

Читал ли ты в «Журналисте» подноочную статью Свининникова? Это гораздо хуже Краснобрыжего, это уже политические обвинения. А рыло у него на фото – втроём не обдрищешь. Где они таких набирают? Кстати, обратил ли ты внимание на то, сколько в этом году шума вокруг Стругацких? Фельетон Краснобрыжего, рецензия Лебедева, статья в «Огоньке» Дроздова, статья в «Соврассии», статья в «Литературке», статья Свининникова в «Журналисте». Ого! Шесть статей за шесть месяцев. Теперь ещё следует ожидать ругательной статьи в «Литературке». Что касается «Комсомолки», то, мне кажется, они побоятся.

Реноме наше растёт с появлением этих статей. Реклама, бля, реклама. «Знание – сила» на коленях умоляют нас дать им что-нибудь, написать что-нибудь этакое, о светлом будущем. Я только отмахиваюсь.

АНС. Письмо брату

13 сентября 1962

Командировка по Западному Казахстану от «Молодой гвардии».

Слева направо: Юрий Полухин, Иван Лысцов, Бела Клюева, Борис Гайкович, Джим Паттерсон, Аркадий Стругацкий.

Гурьев, сентябрь 1962 г.

14 сентября 1945

Leningrad, 14.9.45.

14 сентября 1958

Дорогой Бебкин!

Для последней главы я задумал одну деталь «в порядке приближения к эпохе», но забыл её включить. Впрочем, это лучше, возможно, она тебе не по-

нравится. Вот идея. Быков вечером перед стартом (хотя бы после прощального обеда) нервно и рассеянно просматривает в читальне гостиницы последние газеты. Перечислить заголовки «Правды» того времени: «Исландские школьники на каникулах в Крыму», «Запуск новой ТЯЭС (термоядерной электростанции) мощностью в полтора миллиона киловатт в Верхоянске», передовая «Смелее внедрять высокочастотную вспашку», «Дальневосточные океанские совхозы дадут государству сверх плана триста миллионов тонн планктона», фельетон «Обыватель в министерском кресле», сообщения из-за границы: «Обсуждение в конгрессе США законопроекта о национализации ракетостроительной промышленности», «Стереокинофестиваль стран Латинской Америки в Буэнос-Айресе», «Строительство англо-китайско-советской геофизической обсерватории в Антарктиде» и т. д.

Быков читает газету, затем решительно складывает её и прячет в карман «на память» – последняя газета на Земле. Понимаешь, это как бы пульс родины, который Быкову хочется ощущать и в далёком рейсе. Родины не только в смысле СССР, но вообще Земли.

АНС. Письмо брату

15 сентября 1959

Дорогой и любезный брат наш и соавтор!

Получил я Ваше ЭССССЭё. Что я могу, так сказать... Конечно, интересно. Читается. Даже волнительно немного. Но! А) Рассказ не оригинален. Ни по замыслу, ни по исполнению. Летальное воздействие на межпланетников неземной фауны (а равно и флоры) было неоднократно описано за границей и с теми же настроениями. См^{<отри,>} напр^{<имер,>} рассказ в «Борьбе за мир» и Азимова «Неудавшаяся миссия». Однако тема – это полбеды.

Я всегда стоял за то, что старые темы можно и должно использовать, если ты способен дать что-то новое. Что дал ты? Люди удались. Прекрасные люди, отличные диалоги. Правда, чувствуется этакий надрыв и усталость, как у межпланетных тружеников, эксплуатируемых кровожадной «Компанией Металлов и Минералов, Инкорпорэйтэд». Да это пустяки и легко исправить. (Только не считай, что я против усталости. Но усталость должна быть с другим оттенком.) Далее. Сюжет скверен. Как только читатель добирается до того места (стр. 7), где становится понятным, что мухи представляют опасность, он, читатель, немедленно представляет себе, что будет дальше: безнадёжная борьба экипажа, стремление взорваться, лишь бы не завезти заразу на Землю и, наконец, полная и безусловная дезинсекция на платформе инсектицидов или ультранасадок. Спасти сюжет могла бы только неожиданная, по возможности юмористическая развязка. Далее. Не продуманы и технические детали. А) Что они жрут, эти мухи, раз они так здорово размножаются? Б) Почему против них не действует ультразвук? Откуда эта уверенность? Ультразвук действует на всё что угодно, даже на железо. В) Самое главное, опять-таки: что они жрут? Можно сделать, что они жрут кислород, тогда понятна будет и торопливость капитана: они в два счёта сожрали весь воздух на корабле. Надо подумать.

То новое, что ты внёс в тему – споры в космосе, ты не развил совершенно, старый сундук. Это необходимо развить. Вот, пожалуй, и всё про «ТЧ».

Теперь два слова о дисциплине. Мы работаем очень скверно. Я обязался к двадцатым числам сентября дать в два журнала два наших рассказа. Тебя потянуло на ЭССЭёё. Ладно, дело твоё. Я попробую в качестве одного из рассказов толкнуть эссеёё, хотя я уже вижу и слышу, как на меня посмотрят и что

скажут по этому поводу. Над «ТЧ» ещё работать и работать, а где второй рассказ? Я ждал «Д», как рассказ, который будет нуждаться лишь в самых незначительных поправках, иф эни. Давай наперёд договоримся работать в унисон с планом. Я понимаю, свобода творческого замысла и пр., но план есть план.

Одним словом, давай так. Срочно работай над «БКА» и высыпай. Жду к двадцатому. Я буду в поте спины трудиться над «ТЧ», ибо рассказ стоит того, несомненно, но нужно свершить указанные поправки. Всё это нужно срочно, срочно, срочно. Жми, Боренька. Если придёт на ум вариант хорошего конца для «ТЧ» – звони или пиши срочно. А «Д» придётся отложить. Пойдёт, по-видимому, на будущий год.

Мы очень выросли, Бэмби. Я знаю, что ещё года полтора назад плясал бы качучу над «ТЧ», но сейчас – нет. Не буду плясать. Мы очень правильно делаем, что тычём друг друга мордой в собственное дерьмо. В этом, я полагаю, основная польза соавторства.

Да, есть тема рассказа. Первый межпланетник, выдравшись, наконец, из объятий и поздравлений, укрывается у себя дома и, с облегчением вздохнув, закуривает. И вдруг из дома напротив радио. Передают «Космические частушки» в исполнении хора Птибурдукова. Поют низкие женские развратно-рязанские голоса. А он слушает, трясясь от бешенства, и вспоминает труд, напряжение, опасности, а хор поёт: «Милай Петя на ракете, а я на камбани-и-и...» И рассказ назвать: «Пошлость». А?

АНС. Письмо брату

16 сентября 1959

14 сентября, в 0 часов 02 минуты 24 секунды по московскому времени, беспилотная космическая ракета землян достигла Луны. /.../

Это была древняя мечта человечества, порождённая неутолимой жаждой знания, – дотянуться до неба, до Луны, до планет и звёзд и узнать, что они собой представляют. До нас дошли сказки, легенды, первые фантастические истории, рассказывающие о путешествиях на Луну, – как и в других случаях, нетерпеливая мечта начала с фантазий. Пожалуй, нет и не было на Земле народов, в творчестве которых не отразилось бы стремление очутиться в загадочной чёрной бездне, усеянной звёздами. К Луне и к звёздам путешествовали и античные авторы, и герои народных сказок. Бурей занесло на Луну великого враля барона Мюнхаузена, а бессмертный Сирано де Бержерақ, дурача графа де Гиша, предложил ему на выбор целых шесть способов добраться до Луны – в том числе и воздушный шар, и пороховую ракету, и «магнитный двигатель». Ганс Пфальль у Эдгара По достиг Луны на воздушном шаре. Люди рассчитывали попасть на Луну всевозможными средствами – от нечистой силы и пузырьков с росой до парусных кораблей и воздушных шаров включительно. Это и понятно – слишком велик был тогда разрыв между мечтой и знаниями.

Но шло время, человек узнавал о природе вселенной всё больше, и мечта принимала всё более определённые очертания. И не на игре ума, а на достаточно точном математическом расчёте строят свой проект достижения Луны герои Жюля Верна во второй половине прошлого столетия. Артиллерист Барбикен и его спутники летят на Луну в пущечном ядре, выпущенном из исполинского орудия. Герои Верна облетели Луну, рассмотрев наш спутник с близкого расстояния. /.../

Штурмовать Луну из пушки пытались после Жюля Верна некоторые другие писатели, гораздо менее известные, а спустя некоторое время великий фантаст Герберт Уэллс послал своих героев на

Луну при помощи устройства, экранирующего тяготение. Как известно, мистеры Кэвор и Бэдфорд обнаружили на Луне необыкновенную утилитарную цивилизацию разумных муравьёв. Для английского романиста фантастика была лишь средством литературной проверки его довольно одиозных экономических построений. Но именно за фантастику ценят Уэллса современные читатели и за большой писательский дар, который вводит нас в мир необычайных приключений. /.../

Но мечта не стоит на месте. Её провозвестники, писатели и поэты, тянутся дальше, в коммунистическое будущее мира. Их герои уже пересекают Солнечную систему по всем направлениям, высаживаются на Марсе, на Венере, на спутниках планет-гигантов. В превосходном научно-фантастическом романе «Туманность Андромеды» И. Ефремов показывает нам, что и в далёком будущем не прекращается борьба, гигантская благородная борьба Человека против природы. Человек уже не обороняется, он наступает. Эскадры звездолётов летят к далёким мирам, пытливая мысль бросает Человека на новое, невиданное завоевание – на преодоление физической природы пространства и времени.

АНС. *Исполнение мечты* // *Литература и жизнь* (М.). – 1959. – 16 сент. – С. 3.

16 сентября 1977

В Таллине я находусь в связи со съёмками фильма «Сталкер». Съёмки ведёт замечательный наш режиссёр Андрей Тарковский. Идея фильма возникла у него после прочтения нашей повести «Пикник на обочине». Андрей Арсеньевич обратился к нам с предложением работать над сценарием фильма. В результате этого сотрудничества на свет появилась совершенно новая творческая идея, в которой от повести почти ничего не осталось, разве

что термин «сталкер», обозначающий профессию человека, который ходит в зону, оставшуюся после посещения Земли космическими пришельцами. Средоточием её является точка, где исполняются желания. Туда, за чудом, и отправляются герои картины: Сталкер, Учёный и Писатель. В процессе этого похода первоначальные намерения героев меняются. Вывод, который режиссёр предлагает зрителям, формулируется примерно так: чудо не лежит ВНЕ человека, чудо – в самом человеке. Любая истинная, гуманная идея находит воплощение в нашем социуме не при помощи внешнего «чуда», а в результате деятельности человека, в его тесной взаимосвязи с социумом.

АНС. Человек и неведомое / Беседовал Б. Тух // Вечерний Таллин. – 1977. – 16 сент. – С. 3.

17 сентября 1968

1. В пятницу вызвала меня к себе Нина Матвеевна, вручила рукопись с отдельными поправками и велела её к будущей среде привести в рабочий вид, ибо она уходит в больницу и хочет успеть сдать в производство. Три дня мы с Ленкой потели: надо было заклеить все чёрные места кусочками бумаги с «ротмистрами» и «легионерами», перепечатать некоторые неисправимые страницы, перепечатать и подклейте неисправимые части многих страниц; надо было отпечатать так называемые «заголовки» и «чужие шрифты» (это всё рабочая редакторская терминология), а также оглавление; надо было, наконец, написать редакторскую аннотацию. Мы прошли через всё это, и вчера вечером, вымазанные kleem, с опустошёнными душами, попирая ногами горы обрезков бумаги с напечатанными там «ротмистрами» и «легионерами», присели отдохнуть. Сейчас еду в Детгиз отдавать рукопись,

а Нина сдает её – возможно, сегодня же – в производство.

2. Слушай «Марш Боевого Легиона»! Тра-та-та... та-та!

Вперёд, легионеры, железные ребята!
Вперёд, сметая крепости, с огнём в очах!
Железным сапогом раздавим супостата!
Пусть капли свежей крови сверкают на мечах...

Железный наш кулак сметает все преграды.
Довольны Неизвестные Отцы!
О как рыдает враг! Но нет ему пощады!
Вперед, легионеры-молодцы!

АНС. Письмо брату

17 сентября 1970

Оо получена сверка, на этой неделе, видимо, Нина понесёт его в цензуру. Молись. Впрочем, надеюсь я, что всё обойдётся благополучно. Детгиз, со своей стороны, твёрдо намерен выпустить книгу в этом году. Пискунов попробовал было дать нам всего 50 тыс. тиража (тогда бы нам больше ни копейки не заплатили), но Нине и Калакуцкой удалось отстоять нам 75 тыс.

АНС. Письмо брату

18 сентября 1963

Теперь так. Льщу себя надеждой, что с работы ты удерёшь. И вот почему. Как мы ни крутились, а нам придётся заняться кино. При студии Довженко волею министра культуры и члена ЦК КПСС Романова создаётся объединение научно-фантастических фильмов. К традициям студии оно никакого отношения не имеет, не беспокойся. Руководить им будет некий Карюков Михаил Фёдорович, который ещё в 39-м году пострадал за попытку наладить

производство научной фантастики в кино. Дело со-лидное. Этот Карюков пришёл ко мне от Ефремова с просьбой принять участие в работе объединения, быть одним из его создателей. Ефремов согласен быть шефом. Льготы сногсшибательные. Полное невмешательство в авторский замысел.

Безредакционность. Контроль только со стороны таких людей, как <Виктор> Шкловский и Ефремов. Сама задача: создать такие фильмы, которые будут смотреть не менее ста миллионов людей и которые купят не менее ста зарубежных стран. Мы на этой студии будем хозяева. В случае успеха отдают целую фабрику с присоединением Одесской студии в более далёкой перспективе. В ЦК ему сказали: мы вас всем обеспечим, а вот о сценариях заботьтесь сами. Карт-бланш.

Что здесь нужно конкретно? А. Завтра мы ещё раз встречаемся у Ефремова и договариваемся о формах контроля (нашего) над работой (их). Б. Им для начала, чтобы показать способности, необходимо пять-шесть сценариев. Ефремов даёт к ноябрю сценарий «Туманности Андромеды». Я предложил киносборник из трёх-четырёх киноновелл с участием фильмов Стругацких, Днепрова, Гансовского и кого-нибудь из ленинградцев. А как со сценарием «Далекой Радуги»? И ещё я задумал набросать на пробу сценарий по «Попытке к бегству». Я его вижу.

Мы образуем худсовет этого объединения. Карюков божится, что наше мнение в переговорах с высшими будет его мнением. А здорово, ведь наш гигант, когда к нему обратились за рекомендациями, сказал: «Прежде всего Стругацкие. А об остальных подумаем». Между прочим, выяснилось, что Ефремов очень авторитетен для всех там. Суди сам, мог ли я отказаться?

АНС. Письмо брату

19 сентября 1969

В прошлое воскресенье закончил наконец перевод Хола и в понедельник отнёс в «Мир». На последней странице в машинке отскочила буква «о», сидел без машинки до вечера среды, потом пришёл мастер и починил. ОOOООооооОООО. Неплохо, да? Я, впрочем, подозреваю, что перевод опять вернут на доработку, хотя я на этот раз полностью сохранил весь словарь и стиль оригинала, не нарушая при этом русского словосложения. Ну, вот тогда можно будет с текстом порезвиться.

АНС. Письмо брату

20 сентября 1989

Открытие конвента «Соцкон-89».

Михаил Якубовский, Владимир Савченко, Леонид Куриц, Аркадий Стругацкий, Еремей Парнов.

Коблево, сентябрь 1989 г.

21 сентября 1951

Down here there is no single apple or other fruits,
and all of us are to be satisfied with poor cucumbers

and nuts. Here in Kansk now we have possess no bread enough, no meat enough, no fruits enough, only vodka – no wine – only vodka. And we are killing our sorrows in it.

АНС. Письмо брату

22 сентября 1974

Новости такие.

Я связался с Гусевым Геннадием Михайловичем – бывший куратор Жемайтиса от главной редакции МолГв, ныне, видимо, работник аппарата Демичева или отдела культуры. Он и Беляев связывались с Ганичевым и Авраменко, те им всё время врали. Я попросил встречи. Гусев возразил, что сперва надо добиться для нас договора, а потом уже встретимся и по другим делам. Может, он прав. Была у меня беседа с Медведевым. Как и ожидалось, он категорически против ДоУ. Я повторил ему всю аргументацию, которая нами выработана. Кажется, не помогает. Тогда я объявил, что иду в ЦК. Тут он съёжился, но храбро пискнул, что-де и в ЦК не побоится высказать свое мнение. Сволочь он, вот что. Сейчас он укатил в отпуск. Приедет – будут вместе с начальством плести козни. Это уж точно. Погром он в фантастике учинил дикий, оставил всего два названия на 75-й год, а Беле на днях предложил искать другую работу. Конечно, у него за спиной все эти подлецы из руководства – от Ганичева до Авраменко. Но на Беле, я полагаю, они подавятся. Она тоже собирается в ЦК.

АНС. Письмо брату

23 сентября 1958

Вчера получил остатки первой части, сегодня у меня академический день, и я доправил первую часть до конца. Теперь её можно сдавать на машинку, что я и сделаю в ближайшее время. По-моему,

стало значительно лучше, хотя Ленке и не так нравится – возможно, потому, что она путается в новых именах и в технических описаниях. Технических описаний стало значительно больше, но, на мой взгляд, они вполне под силу любому мальчишкедевятикласснику, так что меня это мало волнует. Ведь не можем же мы писать, как Уэллс, не давая никаких объяснений. И хорошо, что не можем. Тема-то уж очень математико-техническая. Кстати, Ленка рекомендует вставить (чтобы показать широту интересов межпланетников) какой-нибудь литературный диспут, вроде значения общего культурного уровня для специалиста. Скажем, Спицын утверждает, что Шекспир ему для вождения корабля не нужен, а Юрковский его опровергает, и Быков в глубине души сочувствует Юрковскому, ибо имел много приятнейших часов за классикой. Что-нибудь в этом роде. Что касается колорита будущего, то он, на мой взгляд, вполне выдержан.

АНС. Письмо брату

23 сентября 1962

После выступления перед читателями.

Аркадий Стругацкий (в нижнем ряду крайний слева), Иван Лысцов (второй слева). Бела Клюева (четвертая слева), Юрий Полухин (в верхнем ряду второй слева), Борис Гайкович (третий слева), Джим Паттерсон (пятый слева).

Актюбинск, 23 сентября 1962 г.

23 сентября 1972

На свадьбе Ткачёва. Слева направо: Елена Воскресенская, Аркадий Стругацкий, физик Александр Исаевич Калина, подруга Михайловой, невеста Оксана Михайлова, мать невесты, Мариан Ткачёв.

Москва, 23 сентября 1972 г.

24 сентября 1983

Аркадий Стругацкий.
Москва, 24 сентября 1983 г.

25 сентября 1980

Новостей особенных никаких, кроме того, что я тебе сказал по телефону: организовал три внутренние рецензии космонавтов. Сначала через В. Губарева состыковался с Олегом Макаровым и про-

вёл у него очень милые три часа. Он немедленно согласился написать отзыв сам, а также получить таковой же у Феоктистова. Затем связался с Гречкой, он уезжал в Софию, но на следующей неделе вернётся и тоже напишет. Кроме того, Мирер пишет небольшое предисловие, которое кто-нибудь (не решено ещё – кто) подпишет.

АНС. Письмо брату

26 сентября 1961

Меня забрали в армию на три месяца, буду стажироваться в одной из академий на казарменном положении с послезавтра до Нового года, с отпусками на воскресенье. Таким образом, «Стажёр» придётся делать порознь, и притом срочно. Времени уже мало. Пиши и присытай мне свои соображения. Пиши чаще. В казармах, я думаю, найду время для работы.

АНС. Письмо брату

26 сентября 1978

Приезжала Бела и умоляла придумать повод отсрочить издание ГЛ в США и изложить этот повод в вежливом виде «МакМиллану». Я сопротивлялся, но дело в том (по словам Белы), что Панкин получил сверху втык, что Стругацких слишком пропагандируют за рубежом вместо того, чтобы пропагандировать Маркова, Чаковского и Ко. Якобы Панкин просит это наше письмо чуть ли не как одолжение. Я больше не стал противиться и тут же, не сходя с места, написал Панкину черновик письма к «МакМиллану», в котором объяснил: мы-де перерабатываем повесть и потому просим отсрочки на года полтора, а затем, если с переработкой пройдёт благополучно, то пришлём её для перевода, а если нет – дадим «добро» на издание в прежнем варианте.

АНС. Письмо брату

27 сентября 1987

Брайан Олдисс, Сам Люндуал, Аркадий и Борис Стругацкие.

Всемирный конгресс любителей фантастики.

Брайтон, август-сентябрь 1987 г

28 сентября 1958

Сообщаю тебе некоторые новости, могущие тебя заинтересовать. Первое: звонил в бухгалтерию «З-С», там сказали, что двадцать шестого выслали тебе гонорар. Второе: отдал на машинку первые две части «СБГ». Третье: Кассель тяжело болен и лежит вместо отпуска в больнице. Я хотел было отправиться в Детгиз и выяснить относительно договоров, но тут вмешалось четвёртое обстоятельство – меня посылают в колхоз. Отправляюсь завтра. Сегодня одновременно с этим письмом посылаю тебе то, что успел сделать, – первые три главы. Остальное придётся сделать тебе самому по твоей копии и выслать мне по возможности скорее. Я вернусь, вероятно, десятого, и к этому сроку вся третья часть должна быть у меня на столе. При обработке учти следующие обстоятельства:

1) Язык Дауге должен быть с латышским оттенком. Побольше «латинских» слов – абсолютно, отнюдь и т. д., нарочитая сложность и некоторая неловкость, связанность речи.

2) Во время похода «Мальчика» впихни несколько раз упоминание о загадке Тахмасиба – можно даже написать, что они наталкивались на незнакомые геологические образования, кольцевидные и кирпичного цвета, что повергало их в замешательство и лёгкую панику.

3) Лиловые полосы, которые видел Быков, относятся только к красной плёнке. Из других мест их убери, дабы не мозолили глаза читателю.

4) Всё о папиросах и табаке не забудь выбросить.

5) То обстоятельство, что «змеи» – психоз Дауге, а не реальность, показать немедленно, в конце четвёртой главы, чтобы не оставалось сомнений даже у дураков.

6) Пересмотреть сцену дня рождения. В частности, заменить коньяк виноградным вином. Описа-

ние перспектив звездоплавания дай почётче и тут же снова провели разницу между мнениями Юрковского и Быкова относительно «прелести новизны» и пионеров. Не забудь Юпитер.

7) Помни всюду, что панцирь «Мальчика» не из металла, а из пластика.

8) Вспышки на южной стороне неба сделай не сразу же после перерыва связи, а через сутки. Вообще уточни тайм-тэйбл.

Везде на всем пути вставь, что Ермаков ровно в 20.00 через сутки вылезает каждый день и смотрит на юг.

9) «Мальчик» не берёт пленку манипуляторами потому, что Ермаков инстинктивно пытается отвести машину от всяких бед и посыает вместо машины разведчиков.

10) Сделай конец после отточия и отступа. На полстраницы. Юрковский спит, обмотанный бинтами, «Хиус» мчит в пространстве, Быков рассказывает, Мих^{аил} Ант^{онович} плачет – «слёзы по толстым добрым щекам». Сигналы ракетодрома: ту-ут... ту-ут... ту-ут... И всплески на экране стереолокатора. Сигналы несутся от берегов Голконды, над чёрной тугой тучей, над могилами Ермакова, Дауге, Бондепадхая и десятков других... над очагами страшной и невероятной жизни – загадки Тахмасиба.

Вот это сделай, и всё.

АНС. Письмо брату

29 сентября 1957

А заметь, сколько появилось научной фантастики. Издали отдельно «Астронавты», «Аргонавты Вселенной» – убожество, мир гигантских насекомых на Венере, но именно на Венере. В журналах идёт «Туманность Андромеды», «Прохождение Немезиды», «Планетный гость», «Звёздный человек» – и всё, кроме «Инея на пальмах», астрономическое.

Не следует сомневаться, что появятся ещё и ещё. Но все эти вещи (кроме, конечно, «Туманности») объединяют по крайней мере две слабости: а) их пишут не писатели – в них нет ни стиля, ни личностей, ни героев; язык их дубов и быстро приедается; сюжет примитивен и идея одна – дешёвый казённый патриотизм, б) их писали специалисты-недоучки, до изумления ограниченные узкой полоской технических подробностей основной темы. Широты знаний и необходимой эрудиции у них не чувствуется. Они тяжеловесно топчутся на одном месте, назойливо втолковывая читателю, что дважды два четыре.

И ещё одно – этого, по-моему, не учитываешь даже ты. Они смертельно боятся (если только вообще имеют представление) смешения жанров. А ведь это громадный выигрыш и замечательное оружие в умелых руках. В принципе это всем известно: научная фантастика без авантюры скучна. Голого Пинкертонса могут читать только школьники. Но пользоваться этим законом никто не умеет. Первую серьёзную пробу в этом отношении для научной фантастики сделали мы в «СБТ», хотя ещё не подозревали об этом. А теперь надо тщательно продумать все возможности и выступить смело.

Чтобы яснее была тебе моя мысль, приведу высказывание одного из крупнейших наших литератороведов А. Аникста о «Тихом американце», книге несомненно оригинальной и замечательной: «“Тихий американец” – произведение разностороннее, содержащее и элементы детектива, и черты романа тайн; это и психологическая драма, и военный репортаж, и произведение с откровенно эротическими мотивами, и острый политический памфлет. Всё это сплетено так органически, что одно неотделимо от другого, и читателю только остаётся удивляться

тому, как убедительно звучит это неожиданное сочетание столь разнородных элементов».

Понял, браток? Понимаешь теперь, какой громадный козырь упускают наши горе-фантасты? Наши произведения должны быть занимательными не только и не столько по своей идее – пусть идея уже десять раз прежде обсасывалась дураками, – сколько:

а) по широте и лёгкости изложения научного материала; «долой жюльверновщину», надо искать очень точные, короткие умные формулировки, рассчитанные на развитого ученика десятого класса;

б) по хорошему языку автора и разнообразному языку героев;

в) по разумной смелости введения в повествование предположений «на грани возможного» в области природы и техники и по строжайшему реализму в поступках и поведении героев;

г) по смелому, смелому и ещё раз смелому обращению к любым жанрам, какие покажутся приемлемыми в ходе повести для лучшего изображения той или иной ситуации. Не бояться легкой сентиментальности в одном месте, грубого авантюризма в другом, небольшого философствования в третьем, любовного бесстыдства в четвёртом и т. д. Такая смесь жанров должна придать вещи ещё больший привкус необычайного. А разве необычайное – не наша основная тема?

АНС. Письмо брату

29 сентября 1962

Командировка по Западному Казахстану от «Молодой гвардии».

Слева направо: представитель комсомольской организации Уральска, Джим Паттерсон, Аркадий Стругацкий, Иван Лысцов, Бела Клюева, Борис Гайкович, Юрий Полухин.

Уральск, 29 сентября 1962 г.

30 сентября 1974

Аркадий Стругацкий дома.
Москва, 30 сентября 1974 г.
Фото Геннадия Шакина

30 сентября 1978

Агоп Мелконян, Елена Стругацкая, Аркадий Стругацкий.
Болгария, гора Витоша, 30 сентября 1978 г.

30 сентября 1981

Ковальчук сообщил, что в Меце (Франция) ПнО получил первый приз «Золотой Демон» за лучшее произведение НФ 1981 года. По слухам, этот «Демон» – хорошенъкая статуэтка. Скорее всего, нам её не видать. В лучшем случае пошлют за ним («Демоном») Парнова, а он её опять по пьянке потеряет.

АНС. Письмо брату

Календарь фантастики: Октябрь

3 октября: Трусость редакторов не перешибёшь...

100 лет назад родился **Владимир Николаевич ФИРСОВ** (1925-1987), русский писатель, автор сборника «Звёздный эликсир», повестей «И жизнь, и смерть», «Сказание о Четвёртой Луне», романа «Срубить крест».

Первая книга писателя – сборник «Звёздный эликсир» – вышла лишь после смерти автора. Ещё спустя несколько лет на страницах журнала «Уральский следопыт» была опубликована повесть «Сказание о Четвёртой Луне», написанная автором ещё в 1969 году. «Повесть хвалили все, но никто не печатал. Я понял, что трусость редакторов не пе-

решибёшь, и убрал «Луну» подальше...». Повесть, напечатанная благодаря настойчивости В. И. Бугрова, в 1995 году была номинирована на российскую премию «Странник-95».

3 октября: Наставник астронавтов в кино

100 лет назад родился **Юджин Лютер ВИДАЛ-мл. (Гор ВИДАЛ)** [Eugene Luther VIDAL, Jr. (Gore VIDAL)] (1925-2012), американский писатель, драматург, эссеист, автор романов «В поисках короля», «Мессия», «Калки», «Сотворение мира», «Дюлот», «Майра Брекенридж», «Майрон», «Репортаж с Голгофы», «Смитсоновский институт», пьесы «Визит на маленькую планету».

Селестиальный близнец Владимира Фирсова оказался гораздо успешнее. Помимо фантастических, он написал ещё около тридцати романов, выведших авторы в ряды современных классиков. Самым нашумевшим был роман «Майра Брекенридж», в котором Гор Видал высмеял все явления американского общества, не пощадив даже американскую мечту. В 1997 году писатель сыграл роль руководителя центра по подготовке астронавтов в фантастическом триллере «Гаттака».

3 октября: Любила игры своих авторов

95 лет назад родилась **Нина Михайловна ДЕМУРОВА** (1930-2021), русский литературовед, автор книг «Льюис Кэрролл», «Июльский полдень золотой...», переводчица произведений Дж.М.Барри, К.Бъерк, М.Гарднера, Р.Даля, Л.Кэрролла, Э.Лира, Э.А.По, Г.К.Честертона.

О Демуровой вспоминает её ученица – филолог и переводчица Александра Борисенко: «Нина Михайловна вообще была сама по себе – никогда не состояла в Союзе писателей, не была ничьей протеже, не занималась ни в каком семинаре. Книга «Питер Пэн» попалась ей на лотке в Индии и перевод ждал своего часа целых десять лет, переводчиком «Алисы» она стала благодаря невероятному капризу судьбы, не была обласкана никакой властью, не имела особых регалий. Но трудно, пожалуй, найти более известного и любимого переводчика, к которому столько читателей испытывали бы настолько личную благодарность».

3 октября: Жизнь – хорошая штука!

90 лет назад родился Армен Борисович **ДЖИГАРХАНЯН [Արմեն Բորիսի Զիգարխանյան]** (1935-2020), армянский актёр, режиссёр и педагог, исполнитель ролей в к/ф «Четвёртый» (Гвиччари), «Вкус халвы» (Эмир), «Короли и капуста» (Били Кью), «Дульсинея Тобосская» (Отец Альдонсы), «Али-Баба и сорок разбойников» (Атаман разбойников Хасан), «Рецепт её молодости» (Граф Гаук), «Сказки старого волшебника» (Младший министр), «Крик дельфина» (Стюард), «Город Зеро» (Пал Палыч, директор фабрики), «Тринадцатый апостол» (Давид, директор приюта), «Физики» (инспектор полиции Рихард Фосс), «Две стрелы» (Глава рода), «Сны» (Доктор), «Волшебник Изумрудного города» (эпизод), «Дон Кихот возвращается» (Санчо Панса), «32 декабря» (Карен Завенович), «Гамлет. XXI век»

(Могильщик), «Золотая рыбка в городе N» (Дед Петя), «12 месяцев» (Дедушка Маши).

Из интервью: «Говорю честно и ответственно – хорошую жизнь я прожил, хорошую! Не кокетничаю. При всех сложностях её. Она была интересной. Я получил гораздо больше, чем думал. То счастье от театра, кино, работы, замечательных встреч, какие у меня были, ни с чем не сравнить. А что-то не получилось, не случилось – это моя проблема. Я стараюсь даже в свои 80 с небольшим спокойно принимать жизнь. А когда наступит какой-то вечер, когда жизнь начнёт угасать, я должен иметь право себе сказать: «Вот это я сделал хорошо, это – не очень. Всё было, но прожил как мог. Теперь понимаю, что, может быть, этого не надо было делать, может быть, лучше вместо того поступить иначе. Но уж как получилось». Какова истина? Где мы с вами найдём её? Думаю, её не найти никогда. Поэтому будем любить то, что мы делаем. Потому что жизнь – хорошая штука!»

6 октября: Дельфины в космосе

75 лет назад родился **Глен Дэвид БРИН [Glen David BRIN]** (р. 1950), американский писатель и учёный-астрофизик, автор циклов «Возышение», «Глина», романов «Дело практики», «Почтальон», «Земля», «Сезон Величия», «Бытие», сборников «Река времени», «Инаковость», «Завтра наступает», «Сквозь чужие глаза», «Яркие завтра».

Первый роман цикла «Возышение» – «Прыжок в Солнце» – вышел в 1980 году. Человечество в этом романе занимает довольно серьёзное положение в межгалактической иерархии цивилизаций прежде всего потому, что самостоятельно занялось Возышением (по Брину это помочь другим расам в развитии и освоении разума). Люди возвысили две земные расы – дельфинов и шимпанзе (причём шимпанзе тайно возвышают другие расы обезьян, в частности, горилл). В этом цикле земляне путешествуют по космосу на специальных кораблях, которые приспособлены для участия в экипажах дельфинов, то есть в кораблях отсеки заполнены водой,

чтобы дельфины могли свободно перемещаться по кораблю наравне с людьми и шимпанзе.

8 октября: По тропинкам от дюн

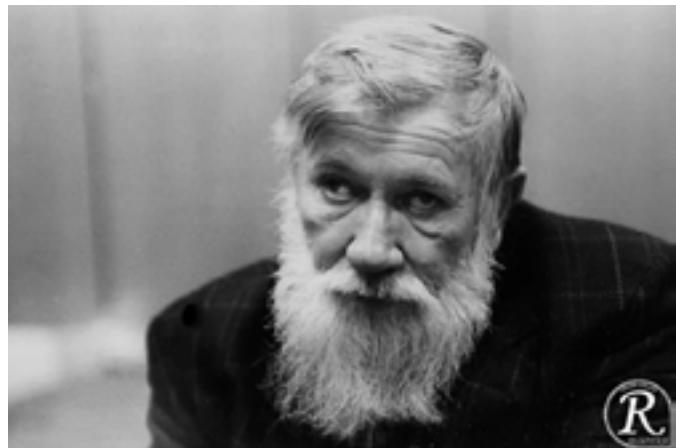

105 лет назад родился **Франклайн /Фрэнк/ Патрик ХЕРБЕРТ-младший [Franklin /Frank/ Patrick HERBERT, Jr.]** (1920-1986), американский писатель, автор серии романов о Дюне, романов «Дракон в море», «Зелёный мозг», «Улей Хельстрома», «Барьер Сантароги» и др.

Из интервью Фрэнка Херberта: «Идея «Дюны» пришла ко мне, когда я собрался писать статью (кстати, статью эту я так и не закончил) о контроле за перемещением песчаных дюн. Песчаные дюны похожи на большие массы воды, только движутся медленнее. Люди, которые обращаются с ними как с жидкостью, учатся ими управлять. Идея меня восхитила, и я стал изучать песчаные дюны, а от песчаных дюн только один логический шаг до пустыни. Я стал накапливать данные, компоновать их и вскоре обнаружил, что данных у меня слишком много и для статьи, и для рассказа. Я не знал в точности, сколько данных у меня было, но их было очень много, больше того, от этих данных под всеми углами

разбегались тропинки к ещё большему количеству информации. Я отправился по этим тропинкам...».

8 октября: «Абрашка Терц, карманник всем известный...»

100 лет назад родился **Андрей Донатович СИНЯВСКИЙ (Абрам ТЕРЦ)** (1925-1997), русский писатель, автор сборника «Фантастические повести», повестей «Суд идёт», «Любимов», статьи «Что такое социалистический реализм?», книг «Прогулки с Пушкиным», «В тени Гоголя».

Существуют различные версии того, как КГБ удалось раскрыть псевдонимы Синявского и Даниэля, но ни одна из них не может считаться доказанной. «О том, как КГБ узнало о том, кто такие Абрам Терц и Николай Аржак, в точности неизвестно до сих пор, однако утечка информации, безусловно, произошла за пределами СССР: Ю. Даниэлю на допросе показали правленный его рукой экземпляр его повести «Искупление», который мог быть найден только за рубежом», – пишет Александр Даниэль.

Писателей обвинили в написании и передаче для напечатания за границей произведений,

«порочащих советский государственный и общественный строй». Даниэль был обвинён в написании повестей «Говорит Москва» и «Искупление» и рассказов «Руки» и «Человек из МИНАПа». Синявский был обвинён в написании повестей «Суд идёт» и «Любимов», статьи «Что такое социалистический реализм», а также в том, что пересыпал за границу произведения Даниэля.

13 октября: Голем или Хлестаков?

100 лет назад родился Эдвард Артурович АРАБОГЛЫ (1925-2001), русский учёный-философ и социолог, критик, публицист, специалист по социальному прогнозированию, автор книг «В лабиринте пророчеств», «Демографические и экологические прогнозы», «Обозримое будущее. Социальные последствия НТР: год 2000», автор статей о творчестве А.Азимова, П.Буля, Ф.Карсака, С.Лема, Р.Мерля, Дж.Оруэлла, редактор сборника «Будущее в настоящем».

Из послесловия Э.А.Араб-оглы к «Голему XIV» Станислава Лема: «В преподносимых нам размышлениях Голема об эволюции, человеческом разуме и судьбах цивилизации обнаруживается «лёгкость мыслей» ещё более необыкновенная, чем их поразительная скорость. И в конечном счёте в обличье Голема перед нами предстаёт не кто иной, как электронный Хлестаков, самоуверенный, тщеславный и явно глуповатый. И не мы ему, а он нам явно начинает докучать своими парадоксальными глупостями. Подобно Хлестакову, присваивавшему себе «Юрия Милославского» Загоскина и «Женитьбу Фигаро» Бомарше, Голлем столь же бесцеремонно занимствует все свои глубокомысленные идеи у Курта Гёделя, Людвига фон Витгенштейна, Маршалла Маклюэна, Фридриха Ницше, толкуя их мысли вкрай и вкось, выворачивая их наизнанку и превращая в совершенно неудобоваримую эклектическую окрошку».

15 октября: На летательной машине «Фантазия»

150 лет назад родился Сергей Тимофеевич ГРИГОРЬЕВ-ПАТРАШКИН (Сергей ГРИГОРЬЕВ; С.НОВОДУМСКИЙ; Сергей ПАТРАШКИН; С.ПОТРАШКИН) (1875-1953), русский писатель и журналист, автор повести «Гибель Британии», рассказов «Московские факиры», «За метеором», «Тройка Ор-Дим-Стах», «Новая страна».

Виталий Карацула уточняет: «Кроме вышеуказанных фантазий, Сергей Григорьев в 1934 году написал для журнала «Пионер» серию фантастических миниатюр под названием «Инженер Гидролюбов в поисках вечного двигателя». Некто Иван Игнатьевич Гидролюбов, его племянник Юра и Никита Яковлевич Болотников Младший на летательной машине «Фантазия» путешествуют по стране со скоростью 300 000 километров в секунду. Сначала из Москвы они перенеслись к Днепрогэсу, а затем в Крым, чтобы посмотреть самую крупную и мощную ветросиловую установку. В итоге они ещё посетили и дальний север, где на берегу Полярного океана осмотрели силовую установку для использования зимой тепла морской воды».

15 октября: История и фантастика

75 лет назад родился **Кынчо КОЖУХАРОВ [Кънчо КОЖУХАРОВ]** (р. 1950), болгарский фэн

и писатель, автор романов «Последняя охота Хана», «Фактор доброты», «Тракийская ловушка», «Жив до востребования», сборника «Китайский песочный котёнок», переводчик произведений А.Азимова, Р.Асприна, Г.Диксона, У.Ле Гуин, М.Ленской, Л.Нивена, Б.Олдисса, Ф.Саберхагена, Дж.Р.Р.Толкина, Р.Хайнлайна, Е.Халь и И.Халля, Д.Шорина.

Кынчо Кожухаров много внимания уделяет телевизионным и радиопередачам, провёл более 50 интервью, был автором идеи и сценария передачи «Телевизионный референдум», которая была прекращена после третьего выпуска из-за слишком критичного отношения к властям. С сентября 2023 года является ведущим еженедельной передачи «Искажённая история». Один из основателей и председатель фонда «Фантастика», организатор фестиваля «Золотой хан». Кроме того, является автором множества сценариев фантастических комиксов, самый известный из которых в Болгарии комикс по «Властелину колец» Толкина.

15 октября: Золотое перо России

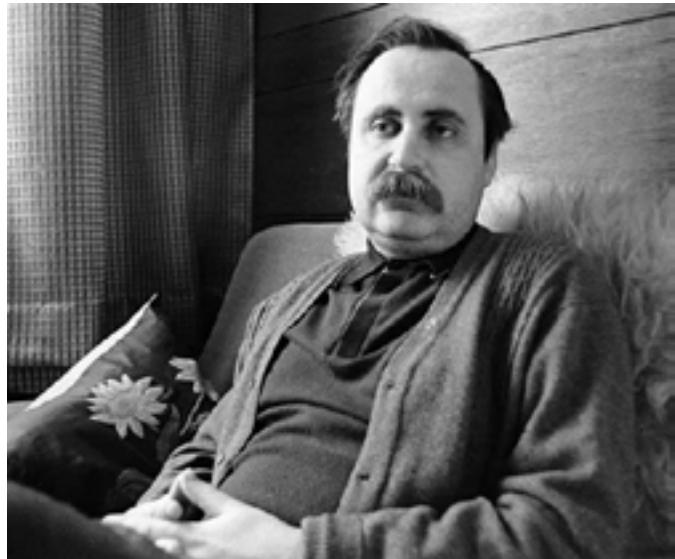

70 лет назад родился **Борис Лазаревич ВИШНЕВСКИЙ** (р. 1955), русский журналист, член группы «Людены», интервьюер Б.Н.Стругацкого, автор книги «Братья Стругацкие. Двойная звезда».

Один из самых известных политиков Санкт-Петербурга, признанный министерством юстиции России иностранным агентом, был вынужден сложить депутатский мандат Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Благодаря усилиям Бориса Вишневского в городе ранее безымянная площадь неподалёку от дома, где жил Борис Стругацкий, была названа площадью братьев Стругацких, а на доме установлена мемориальная доска.

20 октября: И про пенициллин!

90 лет назад родился **Еремей Иудович ПАРНОВ** (1935-2009), русский писатель, автор сборников «Падение сверхновой», «Уравнение с Бледного Нептуна», «Последнее путешествие полковника Фосетта», «Зелёная креветка», «Ярмарка теней», «Три кварка», романов «Душа Мира», «Море Дира-

ка», «Ключья тьмы на игле времени» (все – с М.Емцевым), романов «Сны фараона», «Бог паутины», «Тайнопись Апокалипсиса», цикла «Альбигойские таинства».

Из последнего интервью писателя: «Я не касаюсь всего бреда, который идёт по телевидению. Но даже передачи, которые как бы научные... Недавно на первом канале опять бесовщина – «Плесень»! Просто позор. Ермольева получила Сталинскую премию за разработку советского пенициллина. Химически он ничем не отличался от американского, поскольку один и тот же грибок. Я знал Ермольеву. Пенициллины различались только уколом: наш был очень болезненным. Думаю, потому, что у нас тогда ещё не было чистого новокаина. Всё остальное было один к одному. А в фильме говорится, что наш был лучше. Наш народ привык верить печатному слову, не говоря уж о телевидении... Ну что тут можно сказать? Мне это напомнило Салтыкова-Щедрина. Он сейчас самый актуальный писатель для нашего времени. «У них (он говорит о нас) было всё,

как в самой просвещённой державе: юриспруденция, железные дороги, наука, книгопечатание. Но не как у других, а лучше». И ещё мне страшно нравится, как у него говорит один из градоначальников: «Дело в том, что наш народ в изумлении надо держать». А оболванивание начинается ещё в школе, и это не может быть случайным».

20 октября: **Ни одного лишнего слова**

75 лет назад родился **Андрей Михайлович СТОЯРОВ** (р. 1950), русский писатель, автор романов «Монахи под луной», «Я – Мышиный Король», «Боги осенью», «Жаворонок», «Личная терапия», «Не знает заката», «Маленькая Луна», «Мы, народ...», «Обратная перспектива», «Тёмные небеса», «Милость Господня».

Из предисловия Аркадия и Бориса Стругацких к книге «Изгнание беса»: «Ни одного лишнего слова, жеста, эпизода, – но и ни единого потерянного звуна фабулы. Никаких туманных изысков в области психологии, минимум рефлексии, но это – совершенно необходимый минимум, без которого наступила бы атрофия художественного образа.

Благородная скромность и отточенность детали, никакой кудрявой витиеватости, никаких сюжетных излишеств – только то, что абсолютно необходимо для создания достоверной и непротиворечивой картины мира,искажёного фантастическим допущением».

22 октября: **Не Маугли и не Тарзан**

100 лет назад родился **Виталий Михайлович ЧЕРНОВ** (1925-1989), русский писатель, автор романа «Сын Розовой Медведицы».

На этот роман в своё время написал рецензию Аркадий Стругацкий: «Перед нами приключенческий роман о судьбе ребёнка, выращенного и воспитанного дикими зверями. Сюжет не нов, к нему обращались многие писатели, в том числе и классики (Киплинг), и популярные литераторы бульварного типа (Берроуз); до них, вероятно, этот сюжет можно встретить в мифах и фольклоре почти всех народов мира. И это говорится, конечно, вовсе не в упрёк автору: произведение судят не по новизне сюжета, а по новизне мыслей и позитивной информации, которые оно содержит. В этом отношении (во всяком случае, в смысле позитивной информации) роман В.Чернова выгодно отличается от тех, кто писал на эту тему до него. Легко видеть, что В.Чернов хорошо знаком со взглядами современной науки на проблему «дикого человека», что он отнёсся к этой проблеме совершенно серьёзно и избежал соблазна (а соблазн был, вероятно, очень велик) сбиться на красивую сказку по следам Киплинга или на оголтело-примитивную антропоморфическую приключенщину «тарзаньего» типа. В этом отношении черновский Хуги является, пожалуй, совершенно новым литературным героем, а такое новаторство нужно всячески приветствовать».

26 октября: Про сыворотку правды

125 лет назад родилась **Карин Мария БОЙЕ** [Karin Maria BOYE] (1900-1941), шведская писательница, автор романа «Каллокайн».

Единственное обращение к фантастике скандинавской поэтессы было написано в 1940 году и имело подзаголовок «Роман из XXI века». Это классическая антиутопия о тоталитарном государстве, в ко-

тором учёный Лео Каль создаёт сыворотку правды, которую называет своим именем – «каллокайн». После успешного испытания нового препарата принимается закон, который позволяет свободно использовать каллокайн на гражданах. Теперь вне закона объявляется антиимперское настроение. И человека можно судить не за конкретное правонарушение, а за то, кем он является: его характер мыслей, склад ума, мировоззрение. Очень удобно.

27 октября: Зачинатель фантастики в Румынии

100 лет назад родился Ромулус БЭРБУЛЕСКУ (Ана Барбара РЕБЕДЖА) [Romulus BĂRBULESCU (Ana Barbara REBEGEA)] (1925-2010), румынский писатель, автор романов «Параллель-Энigma», «Ласковая змея бесконечности», «Ферма каменных людей» (все – с Дж.Анания), «Катарсис».

До того, как обратиться к фантастике, Ромулус Бэрбулеску работал чернорабочим, грузчиком в порту, шахтёром, строителем на железной дороге. Окончил Институт театрального и кинематографического искусства, работал актёром в Бухарестском театре комедии, снимался в кино, выступал на радио, писал сценарии радиопьес. После знакомства с Джордже Анания начал писать фантастику, не без влияния книг Ивана Ефремова, братьев Стругацких, Станислава Лема.

28 октября: Принц с лопатой

70 лет назад родился Василий Павлович ЩЕПТЕНЁВ (р. 1955), русский писатель, автор циклов «Чёрная Земля», «Рассказы о невиданных зверях», «Хроники Навь-города», «Подвиги Арехина», «Перегровка», романов «Седьмая часть тьмы», «Брюсова

жила», «Гамбит Смерти», «Исполняющий обязанности», «Рикошет», сборников «Тёмные зеркала», «Наш человек на Марсе», «Певчие ада», «Марс, 1939».

В 2018 году на телеканале «Россия – Культура» был показан фильм «Египетские боги Петра Ольденбургского». Фантастическая история о том, как Петр Ольденбургский нашел в воронежской земле артефакты, доказывающие, что и египетские фараоны, и египетский пантеон пришли в Египет из Чёрной Земли Воронежа, была позаимствована из историй Щепетнёва. О чём автор писал в открытом письме руководству телеканала: «О случайном совпадении речи быть не может, поскольку в фильме часто и со вкусом цитируют письма Ольденбургского

Забелину, дневник Ольги Ольденбургской, якобы найденные в архивах, упоминают подземную лабораторию Петра Ольденбургского и т. д. Разумеется, и письма, и дневниковую запись, и лабораторию, и вообще всю историю я выдумал. Сочинил. По закону жанра. До этого их не существовало в природе. И Петр Ольденбургский археологией не занимался, покуда я не дал ему в руку лопату».

31 октября: Пoэт и кибрид

230 лет назад родился Джон КИТС [John KEATS] (1795-1821), английский поэт-романтик, автор поэм «Эндимион», «Гиперион», «Ламия», «Канун св. Агнессы», вдохновивший своим творчеством Д.Симмонса на создание тетralогии о Гиперионе и Эндимионе.

Реальный Джон Китс прожил всего 25 лет, но умудрился за невероятно короткий срок своей жизни стать генератором идей и настоящей музой нескольким поколениям. Неслучайно Дэн Симмонс оживил Китса, воплотив в виде кибрида, искусственного интеллекта в теле человека. Его создали как модель поэта, чтобы он смог прожить новую жизнь.

Такие дела**Сентябрь, 2025:**

1 сентября: Йожеф Кройль Бугнер (Джо Багнер) [József Kreul Bugner (Joe Bugner)] (р. 13 марта 1950), английский боксёр венгерского происхождения, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Шериф и мальчик пришелец», «Пороги времени», «Уличный боец», «Рёв», «Затерянный мир», «Путешествие к центру Земли», «Плохое поведение». 75 лет. (*Википедия*)

1 сентября: Грэм Грин [Graham Greene] (р. 22 июня 1952), канадский актёр индейского происхождения, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Капитан Пауэр и Солдаты будущего», «Дождь без грома», «Приключения Дракона Дадли», «Норт», «За гранью возможного», «Полтергейст: Наследие», «Пси Фактор: Хроники паранормальных явлений», «Приговорённая к самоубийству», «Никита – двойная жизнь», «Первая волна», «Томми-оборотень», «Волчье озеро», «Коллекционер человеческих душ», «Фил инопланетянин», «Рассказ омар», «Свежезахороненные», «Быть Эрикой», «Сумерки. Сага. Новолуние», «Сумерки. Сага. Рассвет», «Атлантический рубеж», «Вызов», «Любовь сквозь время», «Неестественный», «Американские боги», «Хижина», «Плыущие по течению», «Проект Синяя книга», «Дёготь», «V значит Возмездие», «Оленьи рога», «Одни из нас», «Семена», «Эхо», озвучил м/ф «Сказочные истории для всех детей», «Турок. Затерянный мир», «Легенда о тайном проходе». 73 года. (*Википедия*)

1 сентября: Скотт Шпигель [Scott Spiegel] (р. 24 декабря 1957), американский режиссёр, сценарист, актёр и кинопродюсер, исполнитель ролей (и прочий участник киносъёмок) в к/ф «В лесах», «Зловещие мертвецы», «Мертвец по соседству»,

«Робот-ниндзя», «Человек тьмы», «От заката до рассвета 2: Кровавые деньги Техаса», «Человек-паук», «2001 маньяк», «Хостел», «Требуется няня», «Затащи меня в Ад». 67 лет. (*Мир фантастики*)

3 сентября: Розалин Дrexлер [Rosalyn Drexler] (р. 25 ноября 1926), американская художница и писательница, автор романа «Девушка-космополит». 98 лет. (*Wikipedia*)

3 сентября: Жак Жозеф Анри Шаррье [Jacques Joseph Henri Charrier] (р. 6 ноября 1936), французский актёр и кинопродюсер, исполнитель роли в к/ф «Солнца острова Пасхи». 88 лет. (*Википедия*)

4 сентября: Джорджо Армани [Giorgio Armani] (р. 11 июля 1934), итальянский модельер и предприниматель, был художником по костюмам к/ф «Матрица», «Тёмный рыцарь», «Бэтмен», «Элизиум – рай не на Земле». 91 год. (*Википедия*)

7 сентября: Василий Васильевич Головачёв (р. 21 июня 1948), писатель и художник, автор циклов «Чёрный человек», «Хроники Реликта», «Смутное время», «Катарсис», «Не будите спящих джиннов», «Евангелие от Зверя», «Посланник», «Цикл о династии Ромашиных», «Регулум», «Запрещённая реальность» и многого другого. 77 лет. (*Эдуард Геворкян*)

7 сентября: Стюарт Норман Крейг [Stuart Norman Craig] (р. 14 апреля 1942), британский художник-постановщик, работал над всеми фильмами о Гарри Поттере, а также над к/ф «Супермен», «Сатурн-3», «Человек-слон», «Грейстоук: Легенда о Тарзане, повелителе обезьян», «Мэри Райли», «Мстители», «Тарзан. Легенда», «Фантастические твари и где они обитают». 93 года. (*Николай Подосокорский*)

8 сентября: Владимир Михайлович Лесовой [Володимир Михайлович Лісовий] (р. 15 марта 1947), украинский режиссёр, драматург, кукольник,

постановщик спектаклей «Кот в сапогах», «Волшебная лампа Аладдина», «Бременские музыканты», «Белоснежка», автор пьес «Принцесса на горошине», «Волшебное кольцо, или Сказка за три пятака», «Кому нужен снеговик?», «Волшебник 101». 78 лет. (*Вікіпедія*)

8 сентября: **Аза Алибековна Тахо-Годи** (р. 26 октября 1922), филолог-классик, философ, автор работ «Поэтические тропы Гомера и их социальный смысл», «Греческая мифология», «Греческая культура в мифах и символах», биографии А.Ф.Лосева в серии «Жизнь замечательных людей», мемуаров «Жизнь и судьба: Воспоминания», переводчица «Мифов Древней Греции» Роберта Грейвза. 102 года. (*Николай Подосокорский*)

9 сентября: **Стефано Бенни [Stefano Benni]** (р. 12 августа 1947), итальянский писатель-сатирик, поэт, драматург, журналист, автор романов «Земля!», «Баол. Тихая ночь режима», «Сирано де Бержерак», «Тропа Ангела», сборников «Грамматика Бога», «Мисс Галактика», пьесы «Таинственное: Путешествие в тишину Телониуса Монка». 78 лет. (*Википедия*)

9 сентября: **Полли Дин Холлидей [Polly Dean Holliday]** (р. 2 июля 1937), американская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «NBC Special Treat», «Американский театр», «Гремлины», «Конрад», «Удивительные истории». 88 лет. (*Википедия*)

10 сентября: **Ютта Бауэр [Jutta Bauer]** (р. 9 января 1955), немецкая писательница и художник, автор иллюстраций к книгам Вальдруна Бенке, Кристен Бойе, Клауса Кордона, Джеймса Крюсса, Кристины Нёстлингер, Бено Плудры, Петера Хёртлинга, автор книг-иллюстраций «Сельма», «Ворчебрюзг», «Однажды мама ругалась», «Кот Леон. Воззрения Его

Пушейшства», «Королева цветов», «Ангел дедушки». 70 лет. (*Википедия*)

10 сентября: **Дон Джейфри Мелдрам [Don Jeffrey Meldrum]** (р. 24 мая 1958), американский антрополог и криптозоолог, автор книги «Сасковч: Легенда встречается с наукой». 67 лет. (*Википедия*)

10 сентября: **Агнесса Оскаровна Петерсон** (р. 9 сентября 1936), актриса театра и кино, исполнительница ролей в спектаклях «Принцесса Турандот», «Золушка», «Мистерия-Буфф», «Мартовские иды», «Пиковая дама», «Чудо святого Антония», «Дон Жуан и Станарель». 89 лет. (*Википедия*)

15 сентября: **Энтони Джаспер Мейтленд [Antony Jasper Maitland]** (р. 17 июня 1935), британский детский писатель и художник, автор иллюстраций к книгам Леона Гарфилда и Рут Эйнсворт, множества обложек, работал над оформлением Комнаты ужасов в Музее мадам Тюссо. 90 лет. (*Википедия*)

15 сентября: **Мэрилин Ноулден [Marilyn Knowlden]** (р. 12 мая 1926), американская киноактриса, снимавшаяся в детском возрасте, исполнительница роли в к/ф «Приговорённый к жизни». 99 лет. (*Википедия*)

16 сентября: **Чарльз Роберт Редфорд-младший (Роберт Редфорт) [Charles Robert Redford Jr. (Robert Redford)]** (р. 18 августа 1936), американский актёр, режиссёр и продюсер, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Сумеречная зона», «Пьеса недели», «Час Альфреда Хичкока», «Паутинка Шарлотты», «Первый мститель: Другая война», «Пит и его дракон», «Открытие», «Мстители: Финал». 89 лет. (*Николай Подосокорский*)

17 сентября: **Рифаэль (Рифф) Рональд Марковиц [Rifaél (Riff) Ronald Markowitz]** (р. 30 ноября 1938), американский и канадский радиоведущий, режиссёр, сценарист и продюсер, вместе с Льюисом

Чеслером и Ричардо Ротстайном создал мистический телесериал-антологию «Автостопщик». 86 лет. (*Википедия*)

20 сентября: **Валерия Васильевна Врублевская** (р. 19 декабря 1938), украинская писательница и драматург, автор книг «Перстень», «Сказки Труханового острова», «Неожиданные путешествия», «В тени деревьев, которых нет: Женщина и гипнотизёр», пьесы «Искушение Хомы Брута». 86 лет. (*Википедия*)

20 сентября: **Юрий Ахтюмович Шайгарданов** (р. 29 июля 1954), российский кинооператор, снимавший к/ф «Собачье сердце», «Бременские музыканты & Со». 71 год. (*Николай Подосокорский*)

24 сентября: **Людмила Ивановна Гавrilova** (р. 17 ноября 1951), актриса театра и кино, исполнительница ролей в спектаклях «Пеппи Длинныйчулок», «Клоп», «Малыш и Карлсон, который живёт на крыше», в к/ф «Время летать», «Любовь-морковь 3». 73 года. (*Николай Подосокорский*)

26 сентября: **Дан Семёнович Маркович** (р. 9 октября 1940), художник и писатель, автор романа «Vis vitalis», повестей «ЛЧК (Записки старого человека)», «Ант», «Остров», «Белый карлик», «Последний дом», «Жасмин», циклов микrorассказов «Махнуть хвостом», «Трамвай – моё ощущение», «Мир велик», сборников «Здравствуй, муха!», «Перебежчик», «На границе света и тени», «Паоло и Рем». 84 года. (*Википедия*)

29 сентября: **Александр Александрович Бушков** (р. 5 апреля 1956), писатель, автор циклов «Сварог», «Шантарский цикл», романов «Волчья стая», «Самый далёкий берег», «Нелётная погода», сборников «Стоять в огне», «Волчье солнышко», «Анастасия». 69 лет. (*Сергей Жарковский*)

29 сентября: **Геннадий Петрович Нилов** (р. 1 октября 1936), актёр, исполнитель ролей в к/ф «Прода-

вец воздуха», «Снегурочка», «Капитан Немо», «Анна Карамазофф». 88 лет. (*Николай Подосокорский*)

29 сентября: **Юрий Александрович Чернавский** (р. 17 марта 1947), советский, немецкий и американский композитор, автор песен «Зурбаган», «Маргарита», «Супермен», «Робот», музыки к к/ф «Сезон чудес», «Выше Радуги», «Бегущая по волнам». 78 лет. (*Николай Подосокорский*)

R.I.P. – Дополнения:

12 мая: **Лорна Рейвер [Lorna Raver]** (р. 9 октября 1943), американская актриса, исполнительница ролей в к/ф и сериалах «Звёздный путь: Вояджер», «Притворщик», «Вне веры: Правда или ложь», «Элли МакБил», «Зачарованные», «Первый взгляд», «Затащи меня в Ад», «Пятое путешествие Синдбада». 81 год. (*Дэвид Лангфорд*)

21 июня: **Игорь Юрьевич Шахин** (р. 16 марта 1947), писатель, поэт, журналист и литературовед, автор сборников «Мастера», «Мой убил мамонта», «Ангелы живут в аду», «Слепые поводыри», «Баловень судьбы». 78 лет. (*Аргументы и факты*)

2 августа: **Норман Эшли [Norman Eshley]** (р. 30 мая 1945), английский актёр и писатель, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Тайна и воображение», «Затерянный континент», «Департамент С», «Рандалл и (покойный) Хопкирк», «Пьеса дня», «Широкий мир тайн», «Триллер», «Дом смертного греха», «Сверхъестественное», «1990», «Спокойной ночи, дорогая». 80 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

4 августа: **Майкл Джеймс Уэйл [Michael James Whaley]** (р. 13 мая 1951), британский телеведущий и актёр, исполнитель роли в к/ф «Холод и тьма». 74 года. (*Дэвид Лангфорд*)

5 августа: Стэнли Макгиг [Stanley McGeagh] (р. 30 августа 1936), ирландский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Доктор Кто», «НЛО», «Пьеса дня», «Бурк и Харе», «Земля, забытая временем». 88 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

6 августа: Кристофер (Крис) Хамильтон Бидмид [Christopher (Chris) Hamilton Bidmead] (р. 18 января 1941), английский сценарист и журналист, автор ряда сценариев сериала «Доктор Кто». 94 года. (*Дэвид Лангфорд*)

7 августа: Терри Аллан Марри [Terry Allan Murray] (р. 11 июня 1953), американский библиограф («Указатель научно-фантастических рассказов в журналах, 1926-1995») и коллекционер, вместе со старшим братом Эдвином собравший несколько десятков тысяч фэнзинов, комиксов, настольных игр, которые передал в Библиотеку Университета Дьюка. 72 года. (*Дэвид Лангфорд*)

9 августа: Реймонд (Рэй) Майкл Брукс [Raymond (Ray) Michael Brooks] (р. 20 апреля 1939), английский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Джеканори», «Вторжение Далеков на Землю», «Рандалл и (покойный) Хопкирк», «Пьеса дня», «Смерть по часам», «Мистер Бенн», «Озадаченные», «Приключения Алисы в стране чудес», «Шоу плоти и крови», «Дом Кнута». 86 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

10 августа: Марк Эстрин [Marc Estrin] (р. 20 апреля 1939), американский писатель, автор романов «Сны насекомых: Полураспад Грегора Замзы», «Плач Юлиуса Маранца». 86 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

12 августа: Рональд (Ронни) Рид Ронделл-младший [Ronald (Ronnie) Reid Rondell Jr.] (р. 10 февраля 1937), американский актёр, каскадёр и постановщик трюков, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Монстр в университете городке», «Час Альфреда Хичкока», «Путешествие на дно океана», «Семей-

ка монстров», «Доктор Голдфут и бикини-машины», «Бессмертный», «Остров фантазий», «Малолетний вампир», «Чужие среди нас», «Последний киногерой», «Звёздный путь: Первый контакт», «Матрица: Перезагрузка». 88 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

13 августа: Майкл Фред Слоун [Michael Fred Sloan] (р. 14 октября 1946), американский писатель, продюсер и сценарист, принимал участие в работе над к/ф и сериалами «Братья Харди и Нэнси Дрю встречают Дракулу», «Звёздный крейсер “Галактика”», «Альфред Хичкок представляет», «Возвращение человека на 6 миллионов долларов и бионической женщины», «Гость», «Бионическая разборка», «Кунг-фу: Возрождение легенды», «Бионическое будущее?», «Ночи Малибу», «За гранью возможного», «Землетрясение в Нью-Йорке», «Таинственная женщина». 78 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

23 августа: Гай Лиллиан III [Guy H. Lillian III] (р. 20 июля 1949), американский любитель фантастики, редактор и издатель около 30 фэнзинов, участник многих конвентов и анекдотов. 76 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

24 августа: Флойд Левин [Floyd Levine] (р. 23 февраля 1932), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф и сериалах «Чудо-женщина», «Силы Мэтью Стара», «Рыцарь дорог», «Аэроплан 2: Продолжение», «Великий сыщик», «Человек-животное», «Ужас подземелья», «Зомби из Кап-Руж», «Миссис Птеродактиль», «Вавилон 5: Третье пространство», «Наблюдатели: Возрождение», «Комната кошмаров», «Знакомьтесь: Дэйв», «Тысяча слов». 93 года. (*Дэвид Лангфорд*)

Голоса из Сетей

1 сентября:

Думал тут по сложным и личным ассоциативным цепочкам о Стругацких и понял, что сюжет ненаписанного «Белого Ферзя» – не финал, сюжет, о котором мало кто помнит: как именно Максим Каммерер проникает в Белую Империю-то? – эхом вторит сюжету «Помутнения» (A Scanner Darkly) Филипа К. Дика. В «Белом Ферзе», он же «Операция ‘Вирус’», Каммереру делают «ментальную маску» – в черновиках это некто Иллиу Баратма Капсук (или Капсукас, был такой литовский коммунист, кстати, плюс, видимо, Клаату Барада Никту), оттого и «вирус», собственно. А у Дика, как мы помним, наркоман Боб Арктор – это на деле агент полиции «Фред», причем постепенно личности эти расходятся, и «Фред» перестает помнить, что он Боб, а Боб – что он «Фред». Финал «Помутнения» – ровно тот, что герой, превратившийся в идиота, тем не менее каким-то верхним «Я» работает против системы распространения наркотика – который тут, ясно, метафора, его получают из травы под названием Mors ontologica, «смерть духа». Максим в «Белом Ферзе» с этого, я так понял, начинает – чтобы попасть в эту сансару, надо принять личину, «когда Бог вышел из Питанских болот, его ноги были в грязи».

Чего я не понимаю – это могло ли влияние иметь место. Я не видел упоминаний, чтобы АНС читал этот роман и вообще какие-либо романы Филипа Дика в оригиналe, но это мало что значит, чего он только не читал. Я также не понимаю, когда в сюжете появилась «ментальная маска» – была ли она там с самого начала, с 1984 года, когда роман обсуждался впервые, или же могла появиться в 1989 году, когда «Помутнение» было напечатано в журнале

«Юность», №№ 4-6, через год после того, как в «Юности» же напечатали «Отягощенных злом» Стругацких (1988, №№ 6-7). Подозреваю, что в «Юности» кто-то из братьев читал Дика точно. Далее следы как-то теряются – текст начала черновика у нас в виде файла, набранного БНС в 1991 или 1992 году, а слова АНС или БНС, что сюжет был почти весь проработан с самого начала, тоже значат неясно что.

Возможно, более знающие помогут? Всегда остается вероятность, что АНС читал Дика в оригинале, конечно, чуть не в 70-е. Или что АБС и Дик набрали на один и тот же сюжет независимо, точнее, по обстоятельствам, которые куда весомее обычного чтения книги.

Николай Караев

Очень занятная статья Кирилла Еськова «Социология утопии», посвященная Миру Полудня. Кирилл Юрьевич проговаривает там (да простится мне) очевидное – что описываемый в части пассионариев Полдень есть отражение викторианской Британской Империи с ее public schools (там формировались поведенческие кодексы элитарных джентльменов – строителей утопии, а не в казармах все-таки), социальной мобильностью, колонизирующими цивилизаторством, культом работы (что-то, а трудиться викторианцы умели на всех уровнях) и даже культом охоты. Всё так, и я бы добавил только, что Полдень – это отражение не столько реального викторианства (о котором полвека назад не то что братья Стругацкие – вообще мало кто знал, его только-только начинали изучать после десятков лет отторжения и поношения), сколько, да, литературного – Киплинга в первую очередь.

Как это стыкуется с коммунизмом и левой идеей? Очень хорошо стыкуется, тут Еськов зря пишет, что Полдень – не коммунизм. Поздневикторианский

период, при всех его (немалых) ужасах, был самым близким к коммунизму по динамике. Резкое расширение образования, расцвет филантропических обществ, запредельные социальные лифты (см. карьеру Бенджамина Дизраэли хотя бы – еврей, писатель, фанфарон, авантюрист, а потом хоба – один из лучших премьер-министров Империи). Неслучайно и родился коммунизм в его марксистском изводе именно там и тогда.

И, да, всё это имело свои ограничения – но Киплинг о них не писал (Диккенс писал, впрочем, кое о чём). И расизм в викторианстве зашкаливал (невзирая на то, что лучшие викторианцы давали разительный пример космополитизма), тот же «Панч» без слез читать невозможно, рефлексия есть, но карикатур с обезьяноподобными ирландцами больше. И в колониях всё было не радужно, но тут как раз у АБС «это другое»: наблюдатели и прогрессоры, конечно, писались с джентльменов-разведчиков вроде капитана Ричарда Фрэнсиса Бёртона (человек годами успешно выдавал себя за араба и даже совершил хадж, не будучи мусульманином), но без собственно колонизаторства, никакие материальные выгоды Империи прогрессорами не движут в принципе.

А так – да: среди человеческих типов, которые могли бы стать примером для каждого из нас, мало найдется лучше типа английского джентльмена с его традиционными вкусами и представлениями о чести и религии, с его симпатиями, взглядами и инстинктами (Андре Моруа «Полковник Брембл и его друзья»).

Хотя для советских и западных (Еськов бесконечно прав, ставя Полдень в контекст Glorious Sixties) шестидесятых тут есть и другие обстоятельства, я думаю, но об этом Фрэнк Герберт в «Дюне» исчерпывающе написал.

Николай Караев

НОЧЕВАЛА ТУЧКА ЗОЛОТАЯ (№4)

Дата-то у нас нынче какая – можно сказать, кроваво-красный день календаря. Или золотой? Поздравляю всех причастных и сочувствующих. Лета, конечно, жалко, однако будем надеяться, что и осень принесет нам не только плохое, вроде нового закона о рекламе, но и хорошее. И что второго будет побольше.

Итак, что еще можно сказать о нашей героине? С головой у нее, может, и не все в порядке, зато эмоции бьют через край: она в красках описывает гибель собственной матери, что не мешает ей тут же положить глаз на охранника (тебя душат, а ты такая: какой симпатичный!), кокетливо уподобляет себя спелому фрукту (не персику ли? впрочем, у англичан в этом смысле, как ни странно, больше в ходу помидор), не обделена художественным вкусом – полузадуменная, успевает оценить качественную отделку сжимающей ее горло рукавицы...

И тут я хотел бы поспорить с авторами анализа, на который ссылался в предыдущем посте. Отметив многочисленные нестыковки в тексте, они заключают: readers shouldn't end up rooting for the antagonist, то есть не будут читатели переживать за такого странного персонажа. Да нет же, дорогие коллеги, еще как будут! Читателям – а вернее, читательницам – таких книг логика на фиг не нужна. Им нужны эмоции плюс некоторое количество эстетики: метафоры, желательно с игрищем подтекстом, умеренное разнообразие лексики, – а всего этого тут, как мы видим, вполне хватает. И то, что героиня находится в легком неадеквате, только подчеркивает ее готовность к самым отчаянным эротическим приключениям. Что, собственно, от нее и требуется.

И потому нам, занявшим позицию переводчика, пора отключить критическое мышление. Потому

что теперь мы должны вспомнить о своих магических способностях (в конце концов, перед нами фэнтези, надо же соответствовать) и – крибле, крабле, бумс – перевоплотиться в эту неуравновешенную, но такую обаятельную Сейрис. Не простушку (пусть не вкручивает нам про мамашину, а стало быть, и свою крестьянскую кровь: она умеет изъясняться складно), но и не аристократку – а в общем, самую обычную девчонку (которую, сдается мне, вполне можно считать альтер-эго ее создательницы), и говорить дальше исключительно ее голосом, ничуть не удивляясь ни смыслу сказанного, ни ее поступкам и уж тем более не критикуя их. Не наше это, как справедливо указывают нам рассерженные фанаты, собачье дело.

Владимир Бабков

2 сентября:

Памяти Владислава Петровича Крапивина.

Пять лет сегодня.

Говорить трудно, а молчать как будто нечестно.

Владислав Петрович Крапивин – любимый писатель детства. И не только детства, любимые не бывают бывшими, они с нами всегда.

Благодаря его книгам трижды менялась моя жизнь.

В первый раз – когда я впервые прочитала повесть «Та сторона, где ветер» и узнала, что книги могут быть такими. Про тех героев, конечно, но и про нас. Про каждого и для каждого.

Потом были «Тroe с площади Карронад» и «Колыбельная для брата», «Летящие сказки» и истории про Джонни Воробьева. И кусочки повести про Заставу на Якорном Поле и мальчика Ёжики, у которого умерла мама. Кусочки – потому что из журнала «Пионер», с которым у меня как раз тогда что-то

не получилось – то ли выписать, то ли вовремя забрать из почтового ящика.

Во второй раз жизнь изменилась после 2011 года и Крапивинской премии. Я увидела и узнала тех, без кого, наверное, вряд ли появились бы мои повести для подростков. И еще увидела Севастополь.

В третий – когда более чем взрослой читала его книги, которые не смогла найти в детстве.

Его книги были рядом всегда. И будут.

Светлая Память, Владислав Петрович. Светлая Память.

Екатерина Каратникова

В связи с НФ-рассказом Даниила Гранина – нефантастическая, но важная в том числе для фантастики история.

В 1970 году Даниил Гранин написал повесть «Кто-то должен», как обычно для него – о советских ученых. Фабула там такая. В первой части к ученному Дробышеву – сравнительно молодому, еще сорока нет, но уже успешному, небестранному и сделавшему при этом правильную научную карьеру, причем из низов, – в его большую уютную квартиру, где Дробышев живет с женой и дочерьми, приходит рабочий (по сути) Селянин, с женой. Селянин придумал что-то там в электротехнике, что могло бы дать стране весомую экономию, пробовал это дело пробить, наткнулся на ученого-функционера Брагина, который предложил сделать, так сказать, совместную работу. Селянин, будучи фанатиком и автором любимой идеи, с негодованием отказался. Брагин стал ставить ему всякие административные подножки. Селянин пошел в министерство. Потом в суд. Мучал себя, жену и сына, домучал себя до нервного срыва, полежал в психбольнице, что доверия ему не прибавило. И вот пришел к Дробышеву – тот для Селянина последняя надежда.

Дробышев – человек сложный. Он сам прошел путь Селянина, он всё знает про ученых, в том числе про Брагина (который тоже не такой простой, кстати), он в принципе служит науке. В свое время он сам сделал карьерно верный выбор, согласился (не с Брагиным) на «совместную работу» – и вуаля. Ну и там еще сложная история – Дробышев на месте проникается взаимной симпатией к жене Селянина. И вот как бы ради нее, но и вообще, он Селянина словесно бьет и унижает так, чтобы тот согласился на предложение Брагина, поделился разработкой, а за это Брагин устроит его на завод в провинции, ну и карьера, возможно, пойдет.

Во второй части через два с лишним года Дробышев и Селянин встречаются на теплоходе по пути в Кремнегорск. За это время они поменялись ролями: Селянин – согласился на всё, стал соавтором Брагина, живет в Кремнегорске, начальник среднего звена на заводе, забыл про науку, счастлив в трехкомнатной квартире, правда, окончательно потерял себя и стал похож на манекен, но что уж тут. А Дробышева та встреча в квартире изменила в другую сторону: он, наоборот, ухватился за потенциально великанскую идею, всё бросил, пробивает лабораторию, ночей не спит, измотал семью, больное сердце, едет на кремнегорский завод доставать какие-то нужные ему детали (а Селянин обещает, что будет против, – зачем?) В общем, «всюду наблюдается противоположность единства и единство противоположностей». Написано изумительно, психологические бои напряженнейшие, смыслов прорва, все – достоевски сложные люди, всё сложно.

Повесть написана в 1970-м. И это литература. А теперь жизнь.

Примерно в это же время – точнее я определить не могу, действие происходит между 1967-м и 1973-м годами, – молодой, но уже признанный,

похваленный Хрущевым и зятем его Аджубеем сценарист и режиссер Соломон Шульман увлекается темой ядерной бомбы и пишет сценарий фильма. Он отказывается от предложения стать режиссером совместной советско-итальянской картины, где продюсером был бы Дино де Лаурентис, а главную роль играла бы Татьяна Самойлова – его, Шульмана, гражданская жена. Его в итоге бросает сама Таня Самойлова. Он запирается в подвале и по двадцать часов в день работает над сценарием. Почти без денег, почти без жратвы. Годами.

Сценарий готов, его высоко ценят ядерные физики, включая Петра Капицу, ставшего другом Шульмана. Шульман несет сценарий на «Мосфильм», посыпает в «Искусство кино». Тема, понятно, закрытая, но есть выход – «совместная работа». Нужен маститый соавтор сценария. Им становится писатель Даниил Гранин. Сценарий утверждают. Дальше там хождения по мукам, Шульману отказывают в праве быть режиссером, режиссерами пытаются стать Калатозов, Ромм, всё мимо, потом назначают Игоря Таланкина. Таланкин с Шульманом оперативно ругается, проект типа закрывают. А потом открывают. И начинаются съемки. Съемки фильма «Выбор цели» о Курчатове, авторы сценария – Даниил Гранин и Игорь Таланкин.

Сценарий при этом почти один в один – Соломона Шульмана. Шульман в ужасе. Шульман идет в суд.

Тут драматический момент, читатель ждет уж анхэппи-энда о советском застойном тоталитарном суде, в котором ничего не докажешь. О нет, читатель! Суд принимает дело. В суд идут свидетелями те самые физики, включая Капицу. Сценаристы Фрид и Дунский выносят экспертное заключение: это чистый плагиат, воровство, кое-где заменены фамилии, но из сценария Шульмана в сценарий Гранина и Таланкина перекочевали даже опечатки.

Шульман выигрывает суд. Получает деньги. И имя в титрах. Ну а фильм доснимут, конечно, средства уже потрачены, не останавливать же.

И почти полвека спустя после необщения Гринин – на десятом десятке – по телефону бросает тоже далеко не молодому Шульману: «Я вспомнил, с кем я говорю, вспомнил наше расставание и мне расхотелось встречаться». Вот тут изложена эта история. И она не выдумана – суд-то был.

Сравните с повестью «Кто-то должен». Местами один в один, да? Только Гринин тут – не Дробышев и не Селянин. Гринин тут – Брагин. И мне очень интересно, случилась история с фильмом до или после? Что это – отстраненное описание? Или, скажем так, вопрос кармы к писателю?

Я когда-то понял, что худшее, что может произойти с писателем, – это когда он становится собственным второстепенным персонажем. С Грининым случилось именно это. Наверное, стоит все-таки прибавить, что *sub specie aeternitatis* куда важнее роль Даниила Грина в избиении Иосифа Бродского, абсолютно неблаговидная, но это уже совсем другая история.

Николай Караев

Катрин Чиджи «Pet»

Птица (не)счастья

Земля антиподов, Новая Зеландия, ближе мне, чем можно ожидать. Там живут сестра с зятем и племянниками, там однокурсница с семьей. Они даже знакомы, Новая Зеландия – в миниатюре мир, который тесен. Мы из поколения героини, двенадцатилетней в году, прославленном другой книгой. 1984, Веллингтон, Джастина с отцом переживают первый, после смерти мамы и жены, год. Тяжелый год, когда у девочки начались приступы, похожие на большой эпилептический припадок, а самым

близким ей человеком стала подруга-китаянка Эми. Девчонки примерно равны по социальному статусу: родители Эми держат овощной магазин, у отца Джастины антикварная лавка, живут по соседству и ходят в одну школу.

А в школе новая учительница, все ее обожают. Миссис Прайс само совершенство, примерно как Мэри Поппинс в исполнении Натальи Андрейченко. Красавица и умница, икона стиля и образец безупречных манер, педагог от бога, умеющий найти подход ко всем, очаровать кого угодно. Любой в классе вне себя от счастья, когда она просит раздать тесты или выбрать испачканную мелом тряпку (почему такой способ не приходил в голову нашим учителям, в советской школе тряпки положено было мочить, отчего они покрывали доску меловыми разводами, а засохнув, становились заскорузлыми и получали статус «сифы»). Такого калифа-на-час миссис Прайс называет своим Птенчиком и нет большего счастья, чем удостоиться этого звания. Но постоянные ее любимцы, классная красавица Мелиssa из самой богатой семьи и Карл, в которого влюблены все девочки. Эми с Джастиной не светит оказаться в их числе.

До того дня, после приступа героини, когда пропала ее ручка. Подаренная мамой незадолго до болезни, в корпусе которой плыл по волнам кораблик. Джастина берегла ее, считала своим талисманом и писала контрольные только ею. Готовясь к тесту по земноводным, девочка открыла пенал, не нашла ручки, в ранце и на парте ее тоже не было. Тест Джастина провалила, ничего не написав, а когда учительница оставила ее после уроков для беседы, когда узнала о ее горе и впервые назвала своим птенчиком, когда подвезла на Крайслере до дому и проговорила час с папой, который впервые после

маминой смерти выглядел веселым – тогда началась новая жизнь.

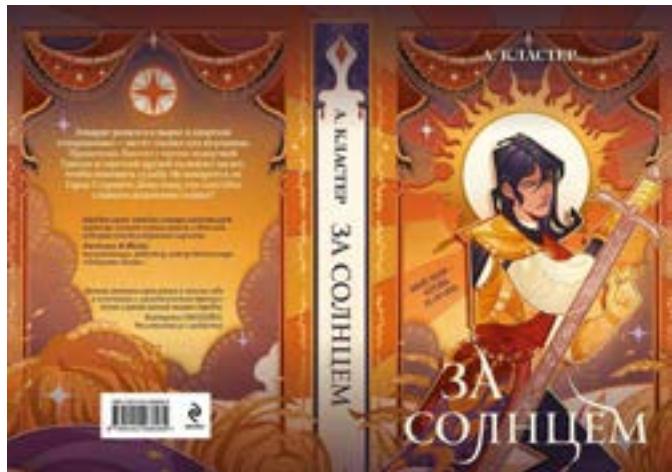
Та, в которой Джастина была птенчиком, с ней хотели дружить все, а с Эми отношения сами собой разладились – похоже та завидовала подруге. Да и не по статусу она сделалась взлетевшей в заоблачные выси Джастине. Мамина ручка оказалась первой в череде пропаж у одноклассников, маленькие детские сокровища продолжили исчезать, а вор казался неуловимым. И стоит ли удивляться, что подозрение пало на Эми, не такую как все, китаянку. А может не само пало, кто-то его направил? Катрин Чиджи написала идеальный триллер. Безжалостное исследование манипуляторства и черноучительства; история, то и дело меняющая вектор, с каждым поворотом становясь интереснее; все аккуратно развешанные ружья здесь выстрелят, а ненадежная рассказчица добавит горечи сомнения к сладости разгадки.

От соблазна приравнять писательнице к Донне Тартт или Тане Френч удерживают некоторые логические нестыковки (да, я «заклепочница», прошу), но «Птенчик», однозначно, лучший триллер лета, Чиджи я продолжу читать. И да, ее можно послушать аудиокнигой Вимбо, Ольга Плетнева, голос Беатрикс Киддо в «Убить Билла», бесподобна.

Майя Ставитская

«За солнцем», Алекс Кластер. Изд. Эксмо

Юный Анкарат всегда слышал голос подземного солнца – такое питает каждый город, дарует ему жизнь. Юный Анкарат всегда мечтал о лучшей судьбе для своего квартала. Юный Анкарат был осужден за проступок, и именно в этот момент на него обратили внимание архитекторы судеб... и теперь он ввязан в нечто большее, чем может себе помыслить. Вскоре ему придется покинуть родной

город, чтобы увидеть мир. Сразиться с обстоятельствами и собственными страхами.

«За солнцем» – классическое становление героя в весьма нетривиальном и красочном сеттинге. Структурно роман прост: герою необходимо осознать с себя и справиться с испытаниями. Большая часть них связана с тем, что Анкарату пришлось стать пешкой в глобальной игре. Казалось бы, типовая модель для эпического фэнтези, однако у этого романа есть то, чего обычно жанру сильно не хватает – поэтическая красочность. Речь не только о красивом и ритмичном слоге, напоминающем ни то сказочное, ни то мифологическое повествование, а об умении автора работать с цветами, звуками, запахами. На них делается особый акцент – и картина получается более сочной, а всякое движение, даже очень медленное – в роман долго вкатываешься, – чуть более динамичным.

Непросто решить, кто задумывался главным героем текста. То ли мир, то ли Анкарат. И вроде бы сперва кажется, что мира здесь слишком много, но вскоре убеждаешься в обратном; слишком много здесь, напротив, героев. Иногда ловишь себя на

мысли: хочется углубиться в интересную и концептуальную мировую географию, политику и механику на стыке фэнтези, мифологии и даже легкого стимпанка. Итого, «За солнцем» – хороший пример свежего подхода к жанру без подражания Толкину, или Тэду Уильямсу, или Роберту Джордану. Привычное блюдо, приготовленное с необычными вкусовыми добавками и приправами.

Ну и в конце концов – это просто красиво!

Денис Лукьянов

Читать осенью: Медвежье молоко, Елена Ершова

Отлично провела выходные с этой историей.

Елена Ершова очень круто соединила детектив про маньяка с фантастическим миром перевертышей, навок, двоедушников и древних богов,

а происходит всё в карельском лесу, припорошенном первым октябрьским снегом.

Не буду вдаваться в детали сюжета, чтобы вы могли подойти к этой книге примерно с нулевым представлением, как это сделала я сама. Скажу лишь, что **начинается все с пропажи подростков**: некоторых из них находят уже погибшими – с ягодами рябины по рту. К расследованию привлекают особого эксперта – у него отменный нюх, но сомнительная репутация и сильная зависимость от фаз луны. В то же время в Медвежьеворск приезжает Оксана с дочерью, она бежит из Питера от матери в Карелию к отцу, которого не видела с самого детства. Что может пойти не так?

Динамика у истории отличная: события от лица сразу нескольких героев, короткие главы, эпизоды, интрига и яркий мир, правила которого раскрываются постепенно.

Думаю, «Медвежье молоко» отлично уложилось бы в формат небольшого киносериала, тем более там есть несколько действительно жутких и кинематографичных моментов.

Рекомендую как увлекательное осеннее чтение на стыке жанров детектива, хоррора и славянского фэнтези.

Александра Прохорова

Неожиданно глубокий пассаж от автора Марианны, из будущей энциклопедии «Трудно плыть боком быть богом»:

«...Остается главный вопрос, на который нет ответа: как сделать так, чтобы один счастливый мир не попытался сожрать другой, не менее счастливый?»

Много думал.

Александр Егоров

НОЧЕВАЛА ТУЧКА ЗОЛОТАЯ (№5)

Наконец-то мы добрались до переводов – любительского (ЛП) и «официального» (ОП), – и уже первая реплика очень показательна. Напомню ее:

“Y’know, there’s really no need for all this violence.”

А еще напомню, что это говорит пойманная с поличным воровка поймавшему ее представителю власти (в ЛП это страж, в ОП – гвардеец). Звучит это и по-английски не слишком натурально, но кто их там знает, как они выражаются в таких ситуациях. А по-русски вышло вот что:

ЛП: – Знаешь, на самом деле нет никакой необходимости во всем этом *насилии*.

ОП: – Зачем так сразу силу-то применять?

В ЛП мы имеем чистейший, ничем не замутненный подстрочник (если не считать слова «никакой», у которого нет прямого соответствия в оригинале, – кстати, его появление свидетельствует о том, что даже самые беспощадные борцы с отсебятиной порой позволяют себе немного лишнего) – и в данном случае это не оскорблениe, а просто констатация факта. Даже курсив, и тот заботливо сохранен – а зачем? Чтобы читатель прочел про себя это слово, как в школе учили, «с выражением»? Оно и так стоит в конце фразы, а стало быть, уже выделено интонационно. И все равно, представить, чтобы живой человек сказал такую фразу по-русски, когда его схватили за горло, не поможет даже самое буйное воображение. Я уж не говорю о том, что тыкать *милиционеру* гвардейцу значит нарваться на крупные неприятности.

Автор ОП пошел в правильном направлении – но, по-моему, не дошел. «Применять силу» – слова из лексикона *милиционера* гвардейца, а не нормального человека. На это можно возразить, что героиня старается говорить на понятном для это-

го позолоченного балбеса языке. Мне кажется, так себе оправдание.

А как лучше было бы это перевести? По-моему, тут стоит быть посмелее. Как вам, к примеру, такой вариант:

– Пожалуйста, отпустите меня!

Как вы считаете, дорогие любители честных любительских переводов, можно так вольничать или нет? Если вы думаете, что это и есть отсебятина, то вы ошибаетесь. Это вполне безобидный переводческий финг ушами, а отсебятина – гораздо более неприятная штука. Может, мы с ней еще встретимся, а может, и нет; посмотрим.

Владимир Бабков

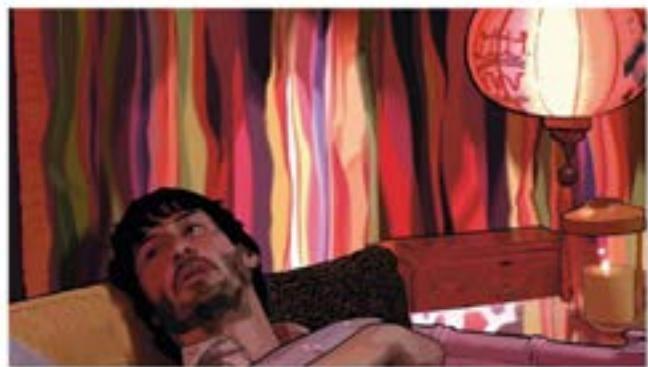
3 сентября:

Прервал долгую разлуку с “Оранжевой серией” романом “Помутнение” Филипа Дика (перевод Баканова). Текст автобиографический, опубликован в семьдесят седьмом, после завязки фантаста с амфетамином.

Для Дика – грядущее, для нас – прошедшее, шестеро употребляют препарат “С” в середине девяностых. Население делится натрое: чинуши, инертные обыватели и наркозависимые. Арктор – агент под прикрытием, тоже глотает таблетки. И дом его сродни притону, как дом самого Дика. Как и воспоминания о дочерях. Как и список друзей-жертв зависимости.

«Этот образ жизни не отличается в корне от вашего, он просто быстрее. Счет идет не на десятилетия, а на недели или месяцы».

В «Помутнении» нет той фантазии из “Мечтают ли андроиды об электроовцах?”, “Убика” или «Стигматы», зато есть нечто неосозаемое, но столь же сиюмбытное. Роман выбивается из бестселлеров Дика,

как выбивается “Простая история” из фильмографии Линча.

Героев мучает распад идентичности. Галлюцинации, дереализация, паранойя, и прочие беды с башкой. Текст даже начинается с поиска невидимых вшей на теле Джерри. Всюду распиханы метафоры расщепленного сознания, от буквальных до едва осязаемых.

Хрестоматийный финал для подобной истории – откровение и возврат героя в истинную реальность. Путь же Арктора обрывается пустотой, его личность растворяется.

Линия отравленного сознания – главная, хотя детективный и социальный (подавление гражданина государством и корпорациями) слои также продуманы и достойно написаны.

“<...> Иногда мне хочется сойти с ума. Но я *попытался* как.”

– Это утраченное искусство, – сказал Хэнк. – Возможно, со временем выпустят инструкцию. Всякий раз, сидя напротив Хэнка и докладывая, Фред испытывал в себе глубокую перемену. О ком бы ни шла речь, что бы ни происходило, все теряло смысл”.

Еще подростком я увидел фильм Линклейтера. Стоило мне открыть текст, Арктор обернулся Киа-

ну Ривзом, Баррис – Робертом Дауни мл., а Донна – Вайноной Райдер. И до последней страницы меня преследовали навязанные образы.

Решение отснять и анимировать каждый кадр бросает тебя в сдобренный психоделиком GTA San Andreas. И придает тревожности. При погружении влегкую почувствовать, будто ты и сам закинулся препаратором «С».

Фильм самодостаточен. Трудно описать словом, но будто Дик говорил другое. Из недавнего так вышло с “Петровыми в гриппе”: Сальников написал тепло, а Серебренников снял холодно. Вопрос скорее температуры и тона, языка, чем художественной ценности. Где у Дика петляют полные безысходности речи, у Линклейтера такой ироничный драйв. На мой вкус в кино утрачена вполне себе документальная обреченность персонажей.

Зачем читать? Возможно, один из лучших текстов в тематике.

Григорий Копейкин

6-8 сентября в болгарском городе Пазарджике пройдёт конвент фантастики «Булгакон». Конвент ежегодно проводится в Болгарии с 2000 года по инициативе Юрия Илкова создателя и председателя Клуба фантастики, эвристики и прогностики «Аркадий и Борис Стругацкие». В этом году конвент приурочен ещё и к 50-летию клуба. Интересный состав участников намечается. Главная приглашённая звезда – британец Адриан Чайковски, лауреат множества премий. Также приглашены: известный китайский фантаст Баошу, знаменитый редактор и издатель Нил Кларк (США), двукратный лауреат Еврокона итальянец Франческо Версо, классик немецкой фантастики Эрик Симон, болгарская писательница, получившая премию Еврокона в этом

году (правда, за переводческую деятельность) Елены Павлова и многие другие.

С Юрием Илковым, кстати, я встречался на Европоне в Питере. Правда, наше общение ограничилось лишь «шапочным знакомством». На фото – он в Питере рядом с Атанасом Славовым, которого я знал лучше. На заднем плане тоже знакомые люди.

Вертер де Гёте

Я приехал в Венецию чуть позже прочих киноманов, но уже посмотрел немало примечательного. Глубокой ночью попал на настоящий *midnight movie* – «Орфей» по комиксу великого Дино Буццати. С утра, толком не выспавшись, побежал на 3D панорамный фильм «На другой Земле», снятый в Гонконге по этюдам Уэйна Макгрегора, – голограммы его танцов проникли в самую гущу зрителей. Конечно же, не пропустил «Дневники Одзу», а сейчас иду на «Головокружение Ким Новак».

Здесь есть кинозал прямо в лагуне, и там показывают фильмы для тех, кто приплывает на лодках. Короче говоря, отдохнуть будем в следующей жизни.

Дмитрий Волчек

Режиссер Александр О. Филипп в детстве увидел фильм Хичкока «Головокружение» и заметил, что бордовые обои в ресторане, по которому идет Ким Новак, точно такие же, как в его гостиной. С этого

началась его фиксация на актрисе (не так ли рождаются серийные убийцы?), и теперь он снял фильм «Головокружение Ким Новак».

Новак давно бросила ненавистный Голливуд и отдалась живописи: рисует мистические портреты своей покойной бабушки в вихре разноцветных штрихов. Большая часть ее пожитков сгорела в двух калифорнийских пожарах, но фотоальбомы и гардероб уцелели, и кульминация фильма – появление серого костюма, в котором героиня и ее двойница ходили в «Головокружении». Oh my Gosh! – воскликнёт Новак, извлекая знаменитый костюм из коробки, и нам остается только повторить эти слова.

Фильм начинается с жалоб Новак на старость и болезни, но это не помешало ей прилететь в Венецию на премьеру и продемонстрировать искусство пластических хирургов. Вот так она выглядит в свои 92 года. Могла бы быть моей внучкой.

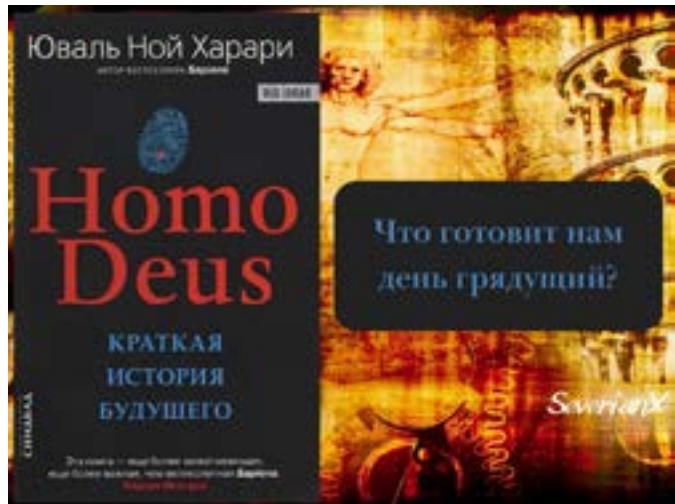
Дмитрий Волчек

Юваль Ной Харари «Homo Deus: Краткая история будущего»

Жанр: Non-fiction

Оценка: 7/10

«Homo Deus» – это смелая попытка осмыслить возможное будущее человечества, исходя из его прошлого и настоящего. Харари, израильский историк и автор книги «*Sapiens. Краткая история человечества*», строит свои рассуждения на фундаменте, заложенном в предыдущей книге. Если «*Sapiens*» объяснял, как человек стал доминирующим видом, преодолев голод, болезни и войны (с последним можно спорить), то «*Homo Deus*» задаётся вопросом: «К чему мы будем стремиться, когда в основном решим эти проблемы? И чем станет человек в мире, где технологии перекраивают саму его сущность?»

Харари утверждает, что современный мир основан на «религии» гуманизма, где высшими ценностями являются человеческий опыт, чувства и желания. Однако достижения в биотехнологии, ИИ и нейронауках подрывают эту основу. К чему же пришли современные достижения науки? Человек – это алгоритм. Наши решения, чувства и даже сознание могут быть сведены к биохимическим процессам и обработке данных. Таким образом, если мозг – это сложный биологический компьютер, то «свободная воля» также оказывается под вопросом. Даже сама индивидуальность оказывается под угрозой. Технологии «взлома человека» (от генной инженерии до мозговых имплантов) могут сделать понятие уникальности личности устаревшим. Подобные открытия угрожают сделать человека «ненужным» с экономической и военной точек зрения. Что будет с понятиями равенства, свободы, демократии, если биотехнологии создадут биологическое неравенство, а алгоритмы будут знать нас лучше, чем мы сами?

Один из самых мрачных прогнозов – возникновение огромного социального слоя людей,

экономически и политически бесполезных в мире, где ИИ и автоматизация выполняют почти всю работу, а решения принимают алгоритмы. Что будет с их жизнью, смыслом существования?

Ещё один неутешительный прогноз – разделение человечества на виды. Биоинженерия и киберинтеграция могут привести не к единому «улучшенному» человечеству, а к его расколу на биологические касты: бессмертные «боги» (*Homo Deus*) с невероятными способностями и «обычные» люди, ставшие бесполезным пережитком прошлого. Тут в качестве примера из фантастики можно привести «*Видоизмененный углерод*» Ричарда Моргана с его долгоживущими мафами или «*Князя Света*» Роджера Желязны, где колонисты с Земли стали новыми богами.

Освободившись от пут голода, болезней и войн, человечество обратится к новым, гораздо более амбициозным и рискованным проектам. Во-первых, бессмертие. Преодоление старения и смерти как величайшего вызова биологии. Во-вторых, вечное блаженство. Поиск способов постоянного поддержания состояния счастья, возможно, химическими или нейротехнологическими средствами. Тут нельзя не вспомнить «*О дивный новый мир*» Олдоса Хаксли. В-третьих, божественные способности. Усиление физических и когнитивных возможностей человека до уровня, который ранее приписывался богам с помощью биоинженерии, киберинтеграции и искусственного интеллекта.

Один из самых провокационных тезисов Харари – возникновение новой глобальной религии или идеологии – Датаизма. Ее догма: ценность любого явления или процесса определяется его вкладом в обработку информации (данных). Цель – создание всеобъемлющей системы обработки данных (подобно «интернету всего на свете» на стероидах),

а смысл жизни в свободном потоке информации. Самое страшное преступление по мнению датаистов – ограничение свободы информации.

К плюсам книги я бы отнес масштабность мышления. Харари отлично соединяет историю, биологию, философию, экономику и теологию, создавая панорамную картину возможного будущего. Книга не даёт готовых ответов, но задаёт критически важные вопросы, заставляя читателя задуматься о фундаментальных ценностях, смысле жизни и направлении развития цивилизации. При этом автор не утверждает, что будущее обязательно будет таким. Он исследует возможности, основанные на текущих трендах, чтобы предупредить о потенциальных ловушках и побудить к осознанному выбору пути.

Ну и куда же без минусов. Харари излишне верит в силу технологий, недооценивая роль социальных, политических, культурных факторов и способность человечества к регуляции и сопротивлению. Также автор игнорирует и адаптивность. Книга рисует довольно мрачную картину будущего для большинства людей (того самого «ненужного класса»). Однако человечество исторически демонстрировало способность адаптироваться к радикальным изменениям, находить новые мысли и социальные модели. Ну и самая моя главная придирка – повторение идей. Многие концепции уже были представлены в «*Sapiens*» и здесь лишь развиваются, но не всегда принципиально ново. Автор будто бы раз за разом возвращается к одним и тем же постулатам, из-за чего грешит самоповторами.

Итог: «*Homo Deus*» – не прогноз, а предупреждение и приглашение к размышлению. Сам Харари отнюдь не футуролог, а историк. Некоторые его размышления показались мне занятными, иные спорными, но сама книга страдает от вторичности. Если

убрать из книги лишнюю воду, могла бы выйти ещё одна часть к «*Sapiens*». Слишком мало в ней нового для тех, кто уже прочел первую часть.

Алексей Севериан

НОЧЕВАЛА ТУЧКА ЗОЛОТАЯ (№6)

ЛП: В городе Зильварен было общеизвестно, что ложь стражу равносильна смерти. Я узнала об этом на собственном горьком опыте, как и большинство других зильваренцев. Почти год назад я наблюдала, как один из людей королевы, облаченный в кованые золотые доспехи, выпотрошил моего соседа за то, что тот солгал о своем возрасте. А до этого, что было гораздо хуже, я молча стояла на улице, когда моей матери перерезали горло, и струи горячей плебейской крови лились на раскаленный солнцем песок.

Чтобы вам не ходить за оригиналом, повторю его:

It was common knowledge in Zilvaren City that to lie to a guardian meant death. I knew this in a first-hand, painful way that most other Zilvarens did not. Almost a year ago to the day, I'd watched one of the queen's men clad in beaten golden armor gut my neighbor for lying about his age. And before that, and far worse, I'd stood silently in the street while my mother's throat had been split wide open, spilling jets of hot, peasant blood into the sunbaked sand.

Начнем со смысловой ошибки во второй фразе: в оригинале написано не «как и большинство», а «в отличие от большинства». Но даже если не заглядывать в оригинал, эта фраза вызывает недоумение: если ты узнала, что за ложь убивают, *на собственном горьком опыте*, то извини, дорогая, но ты труп. На английском, кстати, тоже написано не очень-то ловко, но уж лучше было поправить его в другую сторону и написать что-нибудь вроде

«я знала об этом не с чужих слов» или «я убедилась в этом сама».

Остальное в переводе относительно приемлемо, но есть несколько мест, сразу выдающих неопытность переводчика и, соответственно, очень характерных именно для любительской продукции. Перечислю их.

1. «В городе Зильварен было общеизвестно» вместо более естественного «Всем жителям Зильварена (всем в Зильварене) было известно». А если избавиться от «узнала» во второй фразе, то в первой можно попросту написать: «Все жители Зильварена знали».

2. Перевод *watched* как «наблюдала» вместо «вилила». Наверно, не стоит подробно объяснять, в чем разница.

3. Явно не подходящее по тону молодецкое «выпотрошил». И не спешите с заменой: «выпустил кишки» тоже не пройдет.

4. Буквальное «люди королевы» (как-то сразу представляется известный роман под альтернативным названием «Все люди короля»).

5. «За то, что тот». Даже Калли Харт избегает слишком заметных случайных повторов и подбирает синонимы: *split open – crack open, spill – yield...*

6. Где ударение в последней фразе: «перерЕзали» или «перерезАли»? Судя по однородному «лились», нужно выбрать второй вариант, но тогда выходит, что горло пришлось пилить долго: видимо, крестьянские особенно прочны. Если же предпочесть первый, синтаксис получается слишком неуклюжим, не спасает даже запятая после «горла».

Скажете, все это мелочь придирки? Конечно, а для чего еще я тут сижу.

В следующий раз почитаем ОП.

Владимир Бабков

Задира

Я еще на кафедре работал, пришел ко мне Слава Запольских. Возбужденный, с решительным предложением – требовать переименования проспекта Ворошилова!

Я давай тупить:

– Какого Ворошилова? «Что, где, когда?»

У Запы взгляд сделался холодным, как сталь. Рядом кресло стояло, но он сел на батарею, опустил глаза и, обращаясь к безмозглому стулу, на котором я сидел, резко осудил наркома обороны СССР как со-участника людоедских репрессий. Тогда, на первой волне перестройки, в стране начались переименования городов и улиц. В Перми перестройка, собственно, только в этом и заключалась: переименовали улицу Жданова обратно в Осинскую. Коммунисты были недовольны переименовщиками. Владислав Запольских был недоволен коммунистами.

Я устыдился своей пассивности и сел за пишущую машинку.

– Диктуй.

Суровый Запа стал диктовать обращение в горисполком, причем, сердился на приличный вид письма, с отступами и интервалами, без опечаток:

– Похоже на прошение! А мы не просим, мы требуем! Пусти, я сам.

Сел за машинку и выколотил криво, косо, с нарочитыми ошибками, депешу дерзкую и грубую в отношении Клиmenta Ефремовича.

И надо же, не прошло и года, как проспект Ворошилова переименовали в Парковый проспект!

Владимир Кишин

4 сентября:**НОЧЕВАЛА ТУЧКА ЗОЛОТАЯ (№7)**

ОП: В нашем городе Зильварене всякому было известно: совершил гвардейцу – прощайся с жизнью. Я эту истину, в отличие от многих земляков, постигла, можно сказать, из первых рук, на самых что ни на есть наглядных примерах, и уроки были болезненными. Около года назад мне пришлось наблюдать воочию, как страж королевы, облаченный в доспехи из кованого золота, выпустил кишки моему соседу, потому что тот неверно назвал свой возраст. А до этого случилось кое-что пострашнее: я онемело стояла на площади и смотрела, как из рассеченной мечом шеи моей родной матери хлещет горячая простонародная кровь, орошая иссущенный солнцами песок.

Этот перевод определенно выполнен не новичком. В нем нет смысловых ошибок (едва ли стоит считать ошибкой явно сознательную замену улицы, street, на площадь, пусть даже причины такого решения непонятны), английский синтаксис не проплывает, а русский хоть и тяжеловат, но правилен. Видно, что каждая фраза пропущена не только сквозь англо-русский словарь, но и сквозь мозги. Об этом говорит не только синтаксис. Название Зильварен с мягким знаком после «л» смотрится на русском лучше, чем Зилварен в ЛП. А еще одна мелочь заслуживает того, чтобы обсудить ее подробнее.

Какой словарь предложит перевести sunbaked как *иссущенный солнцами*? А ведь солнца там действительно два. И вы никогда не догадаетесь об этом, если сядете за перевод, не прочитав книгу (как сейчас, увы, поступают даже некоторые переводчики, считающие себя профессионалами). Подумаешь, потом поправим, говорят они. Да вы за всю книгу столько накосячите, что потом не только

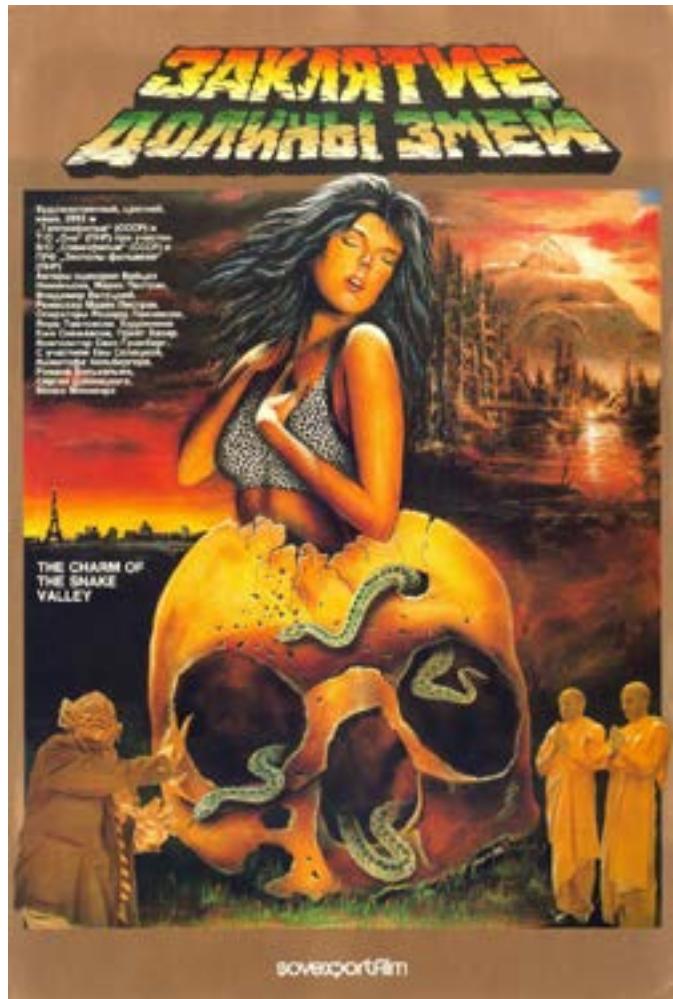
сами – никакой редактор не исправит. Так что автору ОП – респект за внимание и добросовестность (автор ЛП, если помните, тут ошибся, а я и не заметил).

Так что же, все в ОП хорошо? Да нет, к сожалению. Есть парочка тех же недочетов, что и в ЛП: *наблюдала вместо видела*, неуместное *выпустил кишки* (за что она так не любит соседа? представьте, что вы рассказываете так о гибели человека, к которому относитесь неплохо: а где сосед? – да ему кишки выпустили). Но главная неприятность – со стилем. Смотрите:

постигла истину, наблюдать воочию, облаченный, неверно, онемело, орошая иссущенный песок.

И это говорит та же героиня, которая через несколько строк скажет I can't fucking breathe? Не знаю, как это переведено в ОП, но проблема в любом случае остается: либо вы превращаете героиню в кого-то совсем другого, либо ее рассказ будет напоминать диалог двух монтеров: «Ты лжешь! – Бля буду, воочию наблюдал!». Понятно, что так взбесило фэнтезиманов (а точнее, наверно, фэнтезивуменов) и что они называют старомодностью, отсебятиной и, простите не мой французский, «Достоевским в жопе». Не знаю, как насчет Федор Михалыча, но со стилем автор ОП явно промахнулся. Чтобы окончательно в этом убедиться, прочтем позже еще один абзац – а сейчас отмечу напоследок еще два мелких промаха. Во-первых, неудачно выбрано слово *простонародная* – не нравится *крестьянская*, так напишите хоть *плебейская*. И во-вторых, *постигла истину* тут вообще не годится. Если совершишь, тебя убьют – это, ну не знаю, закон жизни, но уж никак не истина, да и постигать тут особо нечего.

Владимир Бабков

Недавно Британский институт кино составил список лучших восточноевропейских НФ-фильмов. Восточноевропейская фантастика не так часто привлекает внимание и появление списка вызвало некоторый резонанс. Хотя многие любопытные фильмы в список не вошли. А я ведь и сам составлял подобные списки. На Фантлабе, в частности. Вот, к примеру, неоднозначный фильм «Заклятие долины змей». Публикую краткий обзор из старой

своей статьи на Фантлабе. «Заклятие долины змей» (Klątwa Doliny Węzy, Польша-СССР, 1987) – нф, хоррор. Экранизация повести Роберта Стрэттона (В. Гурницкого) «Хобби доктора Травена». Вторая совместная работа поляков (режиссёр Марек Пестрак) и тогда ещё советского «Таллинфильма» после «Дознания пилота Пиркса». Но если в «Пирксе» в главных ролях играли советские актёры, то этот фильм является польским в гораздо большей степени. В Польше фильм включили в десятку худших польских фильмов всех времён – за нелепые спецэффекты, слабый сценарий и заимствования у Индианы Джонса. Хотя по тем временам он был вполне годным и привлёк в советском прокате от 25 до 32 миллионов человек (по разным данным). Известные польские актёры – Роман Вильгельми (вообще звезда!), Кшиштоф Колбергер (в 1983 г. играл в кругом шведском боевике «Миссия Ниндзя»), Ева Салацкая (один из секс-символов польского кино конца 80-х – 90-х гг.), приключенческий сюжет, змеи, пришельцы, ужасы, экзотика (съёмки проходили во Вьетнаме), но... Но сейчас фильм в основном помнят по сцене с горящей во лбу инопланетянина лампочке («это уже не Бричер»). В любом случае, фильм – не скучный, в крайнем случае его можно воспринимать как высококачественный трэш. К сожалению жизнь всех актёров, исполнителей главных ролей в этом фильме оборвалась довольно рано. Вильгельми и Колбергер умерли от рака (первый в 55, второй в 60 лет), а Ева Салацкая и вовсе умерла в 49 от аллергии на укус пчелы.

Вертер де Гёте

В дружественном канале увидела ссылку на новость о том, что канадская писательница Эллисон Макбейн написала 34 книги за 34 недели, желая этим доказать, что писатели еще повоюют с ИИ.

Ох.

У Макбейн, по ее собственным словам, скопилось множество идей и сюжетов, самых разных жанров (в статье упомянуты НФ, романтика и вестерны). Это вполне возможно – в моем собственном чулане пылится ненамного меньше ненаписанных историй, придуманных еще до появления нейросетей. Но скорость написания кажется совершенно дикой и волей-неволей заставляет вспомнить старый анекдот про секретаршу, которая печатает 1000 знаков в минуту.

Это не литература, понятно. Беллетристика? Но даже для жанровой прозы слишком быстро. Хотя можете поправить меня, о знатоки AuthorToday – я в курсе, что там пруду надо выдавать постоянно, иначе карета превращается в тыкву, но что-то мне подсказывает, что и там никто 34 книги за 34 недели не пишет.

Фактически, это перформанс. Если целью было попасть в новости, то задача выполнена. А вот в плане противоборства с ИИ Макбейн, по-моему, подтвердила противоположную истину – ИИ легко превосходит человеческую скорость письма и монтирует сюжеты из клише быстрее, чем писательский ноутбук выходит из спящего режима. Соревноваться с ним по быстроте абсолютно бессмысленно, потому что если смотреть со стороны (а не через философские очки), то быстроногий Ахилл, разумеется, без всяких усилий обгоняет черепаху. Мы живем не внутри софизма, хоть иной раз кажется, что таки да.

Что может человек такого, чего не может ИИ? Например, создать систему образов и встроить ее в текст, чтобы в нем развитие происходило не только через сюжет. ИИ этого не сможет, пока не начнет думать самостоятельно. Ну есть еще всякие другие

нюансы, то есть писатель-человек все еще может очень многое.

Правда, возникает вопрос, нужно ли «многое» читателю, особенно массовому. Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Наталия Осояну

О первых четырёх сериях сериала «Чужой: Земля»

На Земле терпит крушение космический корабль, возвращающийся из далёкой и долгой экспедиции, целью которой был сбор различных инопланетных тварей. Конечно, среди глазастых осьминогов, отвратных кровососов и кабачково-образных медуз есть и знакомые нам всем яйца сильно крупнее куриных, а также другие элементы жизненного цикла ксеноморфа. Иначе и смысла затевать всё это не было бы.

Главный конфликт возникает вот из-за чего: в будущем на Земле не задалось с демократией и вообще с государствами, всем заправляют пять мегакорпораций, среди которых привычная Вейланд-Ютани (ей принадлежал упавший корабль) и новая корпорация Продиджи, то есть Вундеркинд (корабль упал на её территории). Корпорации, пытаясь сделать человека бессмертным, проводят исследования по трём направлениям: кибернетически усовершенствованные люди (киборги), обладатели искусственного интеллекта (синтеты) и гибриды – синтетические существа с загруженным человеческим сознанием.

Синтетов я бы в эту гонку не включал, но авторам виднее.

Так вот, главными героями сериала становятся гибриды, детища корпорации Продиджи, результат первых экспериментов по переносу сознания. В несколько тел, надежность и возможности которых

многократно превосходят человеческие, загружены сознания смертельно больных детей.

Владелец корпорации Продиджи посыпает гибридов к месту крушения, чтобы проверить их возможности и завладеть таинственным грузом. Такова завязка сюжета.

Авторы сериала приятно удивили тем, что не стали в очередной раз пересказывать историю о космическом страшилище. Да, во время просмотра первой серии порой кажется, что смотришь тот самый первый фильм, декораторы и дизайнеры старались воссоздать эстетику и атмосферу корабля в мельчайших деталях. Но начало обманчиво, сюжет начинает развиваться в неожиданном направлении, авторы затрагивают множество интересных тем и задают экзистенциальные вопросы. В этом «Чужой: Земля» наголову превосходит того же «Ромула», сюжет которого превратился в одну большую отсылку к прошлым фильмам.

Тематика сериала отчасти пересекается с другой масштабной историей, третий сезон которой выходит в данный момент. В «Основании», сериале по мотивам цикла романов Айзека Азимова, тоже затронута тема копирования сознания. Тема, согласитесь, не свойственная для вселенной Чужих.

Детский разум во взрослом теле. Наставники гибридов, испытывающие родительские чувства. Молодой гений, возомнивший себя богом. Киборг, для которого миссия по доставке инопланетных тварей стала целью всей его жизни. Гибрид, ищащий брата. Проблема переноса сознания из живого тела в синтетическое. Проблема подчинения превосходящего интеллекта. Проблема контакта. Пока что авторам удаётся гармонично совмещать все эти элементы сюжета, но к середине сезона невольно задаёшься вопросом: а нужна ли в этом разнообразии ещё и любимая нами обливающаяся слюнками мордашка? Идей и историй здесь столько, что порой забываешь, ради чего, собственно, мы здесь все собрались. Чужой в сериале не на главных ролях, а ведь есть ещё и другой, не менее интересный инопланетный экземпляр, изучение которого явно не приведёт ни к чему хорошему.

Кроме того, сюжет сериала не позволяет сценаристам использовать весь ужасный потенциал образа ксеноморфа, ведь главные герои – гибриды. Их тела ксеноморфа не интересуют, а значит, и бояться особенно нечего.

Вундеркинд, тот самый, что владеет Продиджи, очень любит историю про Питера Пэна и превращает свой остров в эдакую Нетландию из сказки. Дети попадают на остров, на котором они перестают взрослеть, но пока ещё не ясно, кто же тут капитан Крюк. Перед актерами, исполнившими роли гибридов, стояла непростая задача – сыграть ребёнка во взрослом теле. И далеко не всем молодым актёрам удаётся убедительно омолодить сознание. Однако можно отметить игру исполнительницы главной роли Сидни Чендлер и Алекса Лоутера (Немик из первого сезона «Андора», автор манифеста), сыгравшего брата девочки, чей разум был перенесён в синтетическое тело, а из более опытных ак-

тёров – Тимоти Олифанта и Бабу Сизей. Оба играют нелюдей.

Если некоторых актёров можно упрекнуть в неубедительности, то сценаристы крепко ухватились за главную особенность сюжета, и раскрывают способы манипуляций детским сознанием. Психология гибрида и особенности его восприятия становятся центральной темой этой истории. Есть в ней и недостатки, которые легко можно было бы устраниТЬ, но о них как-нибудь в следующий раз.

В целом атмосфера сериала далека от фильмов Риддли Скотта, у Ноа Хоули и его соавторов своё видение вселенной. И это хорошо, так как отец-основатель и его последователи завели историю в тупик, из которого теперь приходится выбираться довольно радикальными методами, ломая основы и привнося в неё чуждые на первый взгляд элементы. Как минимум, авторов можно похвалить за смелость подхода и за способность рассказать свою историю в старых декорациях, не увязнув при этом в бесмысленных отсылках и оммажах.

На данный момент ставлю сериалу семь с половиной лицехватов из десяти и продолжаю наблюдение.

RocketMan

5 сентября:

Вера Сорока «Сказки слепого мира» (Альпина.Проза, 2025)

Однажды моим детям подарили набор для химических опытов «Горячее железо». Стоило положить моток стальной стружки на фольгу и коснуться его контактами щелочной батарейки, стружка вспыхивала – сеанс разоблачительной магии для гуманитариев и десятилеток. «Сказки слепого мира» похожи на этот нехитрый фокус, таящий в себе

неожиданный эффект: ты вытаскиваешь из-под обложки вроде бы знакомые артефакты, но до поры тебе в голову не приходило сочетать их подобным образом и с таким эффектом.

Уже во второй книге Вера Сорока продолжает конструировать новый миф, отжимая суть из старых интерпретаций. Она собирает коллекцию из сказочных и попсовых архетипов – Красная Шапочка, Русалка, актриса-неудачница, супермен на грани нервного срыва, Хатуль (не тот, не мадан, но вдруг), Кощей, маньяк по контракту и бросивший писательство, но не переставший ткать смыслы писатель, безымянные и безликие те, с кем ежедневно сталкиваемся, продираясь через джунгли родных панелек. В первой книге, «Питерские монстры», было много воды, во второй – немало огня.

Эти истории – одновременно легковоспламеняющиеся предметы и возгорание разной степени интенсивности. Стилистический репертуар автора при этом нарочито не слишком широк – возможно, чтобы не отвлекать читателя от вилки возможных интерпретаций. Разве что привычное уже поигрывание окказионализмами, небольшая неправильность – морщинка на плотно натянутом полотне.

Когда читаешь такую прозу, напоминающую пересобранный постмодернистский конструктор (немного отсылок, немного иронии, много тумана, из которого проступают общекультурные символы, но в известной степени искаженные), поначалу чувствуешь себя не очень комфортно, как будто ждешь подвоха, поскольку символы из тумана вполне могут оказаться твоими собственными болевыми точками, застарелыми травмами и вероятными страхами. Потому что сложно сопрягать себя с персонажами, в большинстве неудачливыми, несчастными, недобрыми, забившимися в угол реальности,

приучившей их к выученной беспомощности. Но чтобы не загонять читателя вместе с героями в беспространную тоску, Сорока для прочности вплетает в ткань своей зыбковатой метавселенной надежду и любовь. Иногда эта забота о читателях похожа на бабушкину сухую горчицу в носках – верное средство от кашля (всего одна чайная ложка...). Иногда – на одну на двоих с другом последнюю сигарету. Иногда – на неожиданно теплый, обнимающий взгляд незнакомца: не плачь, прорвемся.

Роман в рассказах «Питерские монстры» был признанием любви к городу, которого нет. «Сказки слепого мира» – признание в любви бедокурым и бедолашным, опустившим руки, поверившим, что ничего хорошего из них не выйдет и потому генерирующими нехорошее. Вера Сорока высекает из таких героев искру, касаясь их сердец, похожих на неопрятный моток стальной стружки, контактами щелочной батарейки своего воображения.

Анастасия Шевченко

Пока в Кемерове готовится фестиваль «Мысли», а на Камчатке – «Тотальный фестиваль», Ад Маргинем и Яндекс Книги вот-вот запустят Московскую книжную неделю, на московской же ВДНХ книжники постигают дзен в павильоне 57, который будет томиться в одном котле с Экспоцентром, сердце мое парой камер будет в Питере, в Итальянском Саду, там, где на фестивале Подписных изданий «Книжный сад» поговорят про ОБЭРИУ и палисадники (к вам Юрий Сапрыкин приедет, дорогие!), послушают приятную музыку и обсудят разнообразную фантастику с алмазами души моей – великим Василием Владимирским, К.А. Териной и Максимом Мамлыгой.

Что нужно знать про сборник «Все мои птицы»?

Кому-то истории покажутся разнородными и будто лишенными циклообразующего начала, объединенными лишь сильным голосом автора, владеющего широким кросс-жанровым диапазоном. Но это намеренный ход. При таком подходе читатель гарантированно не устанет от единообразного стиля и унифицированных реальностей. Сборник составлен таким образом, что волшебство в рассказах и повестях под обложкой не уходит из мира, как это часто случается в жизни, а напротив – вытесняет рациональное, замещает объяснимое, опровергает доводы критического мышления и взывает к старому добруму гуманизму. И вот уже нет ничего удивительного в том, что в одном из рассказов участковый терапевт отправляет героиню к орнитологу, в другом кто-то втаскивает окружающих в глубинные слои собственных снов и морочит их в пространстве не то Нолановском, не то Кафкианском, а в третьем перевернутый после катастрофы мир погружается в викторианскую эпоху, но не такую, какую создавали Диккенс и Харди, а скорее Кэрроловскую. Впрочем, довольно радостей и любителям эстетики Лавкрафта, и редким ценителям восточноевропейской фантастики.

**О чем сборник «Картографы рая и ада»?
(здесь была несмешная шутка про Раису и Аделаиду)**

Василий Владимирский – носитель довольно экзотической специальности: фантастиковед. Предмет его исследования – спекулятивная фантастика, т.е. не строго научная и не всегда фантастика вовсе. Какие направления и идеи объединяет этот зонтичный бренд, проще всего понять через персоналии. Владимирский широкими мазками рисует целую эпоху развития жанровой литературы, долгие годы

(да и до сих пор, чего греха таить) считавшейся как будто сугубо развлекательной, якобы не претендующей на глубину и амбивалентность смыслов. Но это очередная иллюзия, которую развенчивают нескрупулезно выписанные, но увлекательные биографии тех, кто задавал тон в определенном временном отрезке. И если нужного направления в искусстве не находилось, эти авторы придумывали свое – кто-то интуитивно, а кто-то вполне сознательно свершая революционные прорывы.

Мне кажется, будет ужасно интересно!

Анастасия Шевченко

6 сентября:**«Великие стены Самариса» (Скоитен и Питерс, 1983)**

К вопросу об авторском видении – невероятной красоты французско-бельгийский графический роман из серии «Сокрытые города». Шестьдесят страниц арт-нуво и сумрачной экзистенции.

Прежде всего бросается в глаза, насколько он не-американский и не-японский. Ни супергероев с суперзлодеями, ни чибиков и метаний между кааем и кровищем. То есть, герой, конечно, красавчик, и даже какие-то девицы на его жизненном пути встречаются – но эти встречи проходят как-то совершенно пунктиром по сравнению с авторской зачарованностью архитектурой. Путешествия и приключения в лучших традициях Верна и Уэллса тоже есть – но сама интонация совсем не приключенческая («а я такой ух!», «а она такая ах!», «а тут все такое бдыщ!») – а, скорее, сновидеческая. «В стране Ксанад благословенной дворец построил Кубла-хан». Дворцы, прекрасные женщины, пустыни, странные механизмы, иллюзии, ожившие

манекены, превращенные в кукол люди – все это перетекает из одного другое под ровным взглядом сновидцев-авторов.

И над всем этим в пустынной дымке витают Сартр, Бодрийяр и прочие постмодернисты с симулякрами симулякров и симуляциями симуляций. Все медленно, непонятно и невероятно зрелищно. Каждый фрейм – просто чистая услада для глаз и невероятно точная стилизация под начало века. Что Ксистос, в котором начинается повествование, что Самарис, таинственный город, из которого не возвращаются, прорисованы с точностью и любовью к деталям.

По атмосфере это можно сравнить с «Пиранези» Сюзанны Кларк. С «Ластиками» Роб-Грийе. С «Марсианским затерянным городом» Брэдбери. С игрой «Fallen London». С романами Жюля Верна и песней «Desert rose» Стинга. Чужой сон, уловленный на бумагу, зыбкий, тревожный и прекрасный.

И все это – часть вселенной, которую авторы создают с 1980-х по сей день:) Вот это меня очаровывает больше всего:)

Марина Аницкая

Вот такую обложку я нарисовала для своего романа/книжного сериала (анонс от Яндекс.Книг здесь (<https://t.me/booksyandex/4816>)).

Немного кухни: это вторая версия обложки, и в рамках этой второй версии было несколько под-

версий – в том числе разных цветов, но вот такой строгий вариант победил среди меня мгновенно, и я очень рада, что редакторы со мной согласились.

Вариаций первой версии тоже было немало, и, быть может, я как-нибудь покажу какие-то из них или их фрагменты в качестве дополнительных материалов к изданию.

Интересно, что первая и вторая обложки отличаются друг от друга как небо и земля, но при этом обе, как мне кажется, хорошо иллюстрируют сам текст.

И реплика практически в сторону: постепенно накапливается материал на тему новой ИИ-конспирологии. О похожем писала Мор – мол, длинные тиражи для многих людей становятся признаком нейросетевого происхождения текста. Туже тенденцию я вижу и в категоричных скорых суждениях о происхождении иллюстраций – обвинения в нейросетевом происхождении картинки на основании каких-то совершенно неожиданных и неочевидных признаков.

Поучительно и любопытно, продолжаю наблюдение.

K.A.Терина

Некоторым образом снова про Стругацких – хотя на самом деле и не про Стругацких вовсе.

Каждый раз вздрагиваю, когда участников группы «Людены» называют «фанатами». Прямо шерсть на ушах дыбом встает. Кто не знает, «Людены» впервые собрались в 1990-м году на конвенте «Аэлита» (тогда еще в Свердловске), и с тех пор проделали огромную работу по исследованию творчества и биографий АБС. Все три полных собрания сочинений Стругацких, начиная с белого пятнадцатитомника издательства «Текст», подготовлены с их участием. Текстография, редактура, восстановление купюр, исследование черновиков и вариантов, поиски в архивах, обработка рукописей и фото, литературоведческие и исторические комментарии – все это их рук дело. Пик работы, конечно – ПСС в 33 томах, работа академического уровня. Но вообще все книги АБС, издающиеся последние тридцать лет, так или иначе обработаны «Люденами». На-

зывать их фанатами – все равно что сотрудников Пушкинского дома называть фанатами Александра Сергеевича. Или там Лотмана с Якобсоном.

Фанат, как подсказывает словарь, от латинского *fanaticus* – «одержимый». То есть такой слегка чокнутый поклонник. Фанаты могут знать тексты и аккорды песен любимого музыканта лучше, чем сам музыкант. Могут коллекционировать все, что имеет отношение к объекту обожания. Фанаты могут проводить какие-то организованные совместные акции – устроить массовую резню после спортивного матча, расписать стену в память кумира, организовать конкурс двойников и т.д. Ну, чем бы дитя ни тешилось – лишь бы не вешалось.

Но еще «фанат» – синоним слова «любитель». И, соответственно, антоним слова «профессионал». Фанаты не тренируют спортсменов, не организуют матчи, не обслуживают инфраструктуру стадионов. Этим занимаются другие люди. Как только страстный поклонник становится продюсером поп-группы, открывает общедоступный музей, становится главным редактором высокотиражного тематического журнала – он перестает быть просто фанатом. Люди, которые тридцать лет с гаком на вполне профессиональном уровне занимаются разносторонним изучением феномена, результаты чьих трудов выходят многомиллионными тиражами – определенно не фанаты. Это уж скорее я фанат – а «Люденов» давайте по возможности этим уничтожительным словечком не обижать.

Василий Владимирский

Кстати, о слове «фанат». Наши с Васей Владимирским каналы существуют в спорадическом симбиозе – то я, прочитав его пост, взовьюсь Торуком-Макто и решу поспорить, то Вася поспорит у меня в комментах (свои он предусмотрительно

не включил) и взвыется Торуком-Макто. Вот и этот Васин пост про ужасное слово «фанат» – он по мотивам дискуссии, которую можно отыскать в нашем уютно неуютном чате.

Джентльмен вставит свои пять копеек (с) Это всё ведь чистая семантика. Васе лично не нравится слово – он имеет право. Но ничего объективного тут нет, мне слово (за пределами футбола) видится нейтральным. 99,9(9) хороших фантастов – прежде всего фанаты фантастики. Хуже того, невозможно, по-моему, сделать что-то приличное, фанатом не будучи. Это касается и всего, что связано с братьями Стругацкими. «Людены» – прежде всего фанаты АБС. И только поэтому они могут делать то, что делают. И те, кто пишет приличные лонгриды по АБС, – тоже фанаты. Иначе это вообще не работает. Я даже думаю, что невозможно быть хорошим библеистом или буддологом, не будучи в каком-то виде христианином или буддистом. То есть – фанатом. Отличие фаната не в том, что он не профессионал, а в том, что он воспринимает область знаний близко к сердцу, как нечто личное, и часто знает куда больше, и доверяет авторам, если речь об авторах, но не боится иметь свое суждение при этом, потому что он ведь фанат, а не просто читатель, – и иногда выдает поэтические прорывы.

В слове «фанат», короче, нет ничего неуважительного – для меня. Это не фанатик (язык так просто слова не разграничивает, новое слово – новое значение), не дилетант, не некритически относящийся к предмету поклонник. Любитель? Ну, «профессионал» – это недавнее изобретение. В Ренессанс и даже в XIX веке профессионалов не было, все были любители. Включая Дарвина, например. Что не мешало всем этим фанатам науки и любителям двигать науку так, что мама не горюй. Было слово «специалист». Как писал видный любитель чело-

веческой природы Козьма Прутков, «специалист подобен флюсу: полнота его одностороння». Что до «Люденов» – я бы спросил самих «Люденов», оскорбительно им слово «фанат» или нет.

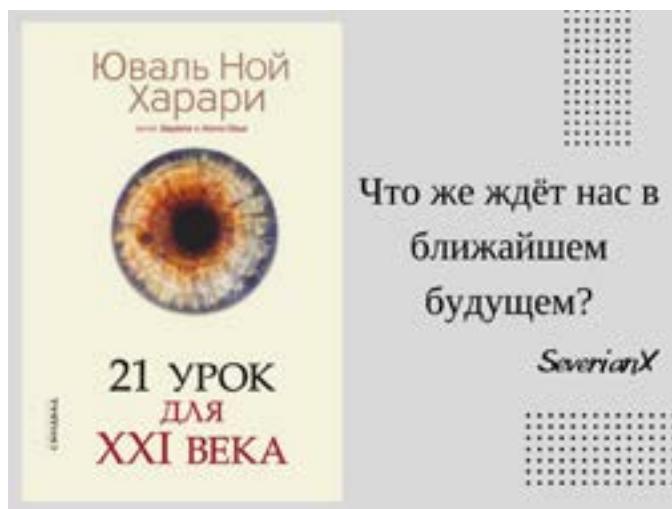
Николай Караев

Юваль Ной Харари «21 урок для XXI века»

Новый научно-философский трактат от израильского историка по имени Юваль Ной Харари. В нём автор рассматривает проблемы, с которыми человечество столкнется в самом ближайшем будущем.

Автор очень тщательно с разных точек зрения анализирует нашу текущую реальность и приходит к следующему выводу: либерализм себя исчерпал. В XX веке уже потерпели крушение две масштабные идеи – коммунизм и нацизм. Теперь же, оставшись без конкуренции, либерализм себя также изжил. Это первая важная мысль книги.

Далее автор размышляет о том, что развитие искусственного интеллекта и биотехнологий создадут новую проблему – глобальную безработицу. В будущем представителя практически любой профессии можно будет заменить искусственным интеллектом. Алгоритмы научатся анализировать нас вдоль и поперек, и на основании этого будут рекомендовать нам музыку, фильмы и одежду, ставить диагнозы, учить детей, готовить еду и многое другое. Таким образом мы попадем под диктат цифровой экономики, который уже сейчас постепенно нарастает. Какие же решения предлагает автор? Во-первых, нужно быть всегда готовым к тому, что все будет меняться. Во-вторых, нужно быть готовым меняться самим. То, что мы знаем и умеем, очень быстро обесценивается, наше образование перестает быть актуальным. Если мы хотим вписаться в новый мир и оставаться конкурентоспособными,

Что же ждёт нас в
ближайшем
будущем?

SeveriánX

нам нужно постоянно переучиваться. А в-третьих, нам нужно формировать психологическую устойчивость, учиться бороться со стрессом.

Еще один крайне значимый элемент, о котором говорит автор, это наше тело. Если всё вокруг так переменчиво и непостоянно, то нужен определенный якорь, который остается для нас стабильным и неизменным. Именно поэтому нужно научиться понимать свой организм, прислушиваться к нему.

Также автор старается нас предостеречь. Если всё в мире такое неопределенное, то те, кто не справляется с такой нагрузкой могут легко попасть под влияние разных идей, чаще всего религиозных или националистических. Мы, не справляясь с нарастающей сложностью, становимся фанатично преданы какой-то одной идеи. Те, кто не разделяет наших взглядов, становятся врагами априори. Автор выступает ярым противником такого подхода. Нам же нужно фильтровать и контролировать информацию, поступающую из разных источников, т.к. в сложной ситуации мы можем пойти по пути наименьшего сопротивления, поддавшись ложным идеалам.

Неопределенность и сложность мира заставляют нас признать целый ряд проблем. Первое: в мире кризис идеологии – мы сейчас не можем выделить одну, как истинно верную. Второе: мы живем в век цифровой диктатуры. Третье: нас ждет массовая безработица. И тут возникает вопрос, а что же делать?

Вот так с точки зрения автора выглядит мир в XXI веке. Нужно отметить, что картина совсем нерадостная. Тем не менее автор дает нам ряд рекомендаций, призванных помочь нам. Например, Харари рекомендует нам обратиться к духовной созерцательной практике – вапасане, последователем которой является уже долгие годы.

Итог: Для чего же читать эту книгу? Чтобы быть готовым к тому, что нам готовят будущее, и не остаться за бортом прогресса.

Жанр: Non-fiction

Оценка: 8/10

Алексей Севериан

1. Как-то собирался написать эссе о реферировании. И вообще о роли референта в современном обществе (не собрался, конечно)

Тут дело именно в смысле литературного критика как референта. Я очень часто встречаю отклики на форумах: «спасибо, дорогой рецензент, вы сэкономили моё время, не буду смотреть этот фильм (покупать книгу)». Над этим принято издеваться (и справедливо). Но рациональное начало в этом есть: мы находимся в мире с избыточной информацией. Мир ловит нас лучше, чем философа Сковороду. Вокруг перепроизводство книг, которых никто не читает. Брошенные в море бутылки с мандельштамовыми письменами вытеснили воду.

Нужно вернуться к теме информации. Мы, состоявшись в своём секторе, сталкиваемся

с информацией о других отраслях человеческой деятельности – нефтяном рынке, биологии или археологии.

Иногда, по нашей фанаберии, мы выносим суждение в смежной или далёкой области, думая, что наши знания и логика мышления сработает и там.

Но – нет.

И тут некоторое спасение в референтах.

2. С художественной литературой ровно то же самое: нельзя самому перепробовать всё. Нужно полагаться на референтов.

Ну или на случайность.

Я довольно долго мешал своим друзьям, проповедуя концепцию случайной книги.

Книги, забытой в поезде или гостинице. Книги, найденной в чужой квартире.

Это и вправду не самый глупый способ чтения.

А все эти рекомендованные списки, десять или пять лучших книг года – дрянь и разрешённый воздух.

3. Этот пункт я добавил для ровного счёта, потому что в нашей волости три болести: рекрутство, подати да земщина.

Владимир Березин

НОЧЕВАЛА ТУЧКА ЗОЛОТАЯ (№8)

На этот раз соберем все вместе – оригинал и оба перевода.

As the handsome guardian's hand closed around my neck now, his beautifully engraved gauntlet reflecting the glare of the twin suns overhead like a golden mirror, it was a miracle I didn't crack open and yield my secrets like a piece of overripe fruit. His metal-tipped fingers gouged deeper into the hollow of my throat.
*

ЛП: Сейчас, когда рука привлекательного стражи сомкнулась на моей шее, а его перчатка с красивой

гравировкой отражала сияние солнц-близнецов над головой, словно золотое зеркало, было просто чудом, что я не раскололась и не выдала свои секреты, как перезрелый фрукт. Его пальцы с металлическими наконечниками еще глубже впились в мое горло.

*

ОП: Сейчас, когда ладонь пригожего гвардейца легла мне на горло, а его восхитительная латная рукавица с чеканными узорами принялась ловить, точно золотое зеркало, и разбрасывать отблески сиявших в небе наших солнц-двойняшек, я лишь чудом не лопнула, как перезрелый фрукт, и не выплеснула ему в лицо все свои сокровенные тайны.

Пальцы, защищенные драгоценным металлом, глубже впились в мою плоть.

*

ЛП и здесь наглядно демонстрирует, какие ловушки поджидают наивного любителя, считающего, что процесс перевода заключается в механической замене английских слов на их русские эквиваленты. Во-первых, сразу возникают проблемы с глагольным видом, поскольку этой грамматической категории в английском попросту нет. В русском же надо следить, чтобы такого рассогласования по виду, как в паре *сомкнулась – отражала* не возникло. Во-вторых, если не вдумываться в смысл текста, он ускользнет, как вода сквозь пальцы: фрукты не колются и не выдают секретов, так что сравнение в конце первой фразы вышло бессмысленным. И в-третьих, пальцы с металлическими наконечниками могут быть разве что у киборга (тут сразу вспоминаются гибсоновская Молли Милионс и одно уж наш друг детства, симпатяга Фредди). Кроме того, *привлекательный* кажется мне странным выбором, а выражение *рука сомкнулась* смахивает на хлопок одной ладонью.

Автор ОП, как и прежде, следит за смыслом того, что пишет, но – снова как и прежде – иногда промахивается по стилю (от *пригожего* веет не то бабушкиными воспоминаниями о молодом дедушке, не то и впрямь славянским фэнтези, а *восхитительная* звучит чересчур интеллигентно). Вдобавок он (или она) слишком уж старается сделать текст покрасивей, и если в ЛП смысл терялся, так сказать, из-за недолета, то здесь к тому же результату приводит перелет. Если вам просто положили ладонь на горло, с чего тут лопаться? Для этого горло надо все-таки сжать. Да дальше, я не вижу в оригинале никакого разбрасывания отблесков: солнышки там просто отражаются в рукавице, как в зеркале. Да и почему бы она стала их разбрасывать – дрожит, что ли, у гвардейца рука? И куда, опять же? В общем, не складывается картинка, и тут уж действительно чуточку попахивает той самой пресловутой отсебятиной.

И еще одна мелочь. Хорошо, что автор ОП знает не только слова *начала* и *стала*, но и их синоним *принялась*. Плохо только, что принялся за что-то (равно как и к чему-то приступить) неодушевленная вещь – в данном случае рукавица – не способна. Для этого нужна, как нынче говорится, субъектность.

Есть в обоих переводах и еще несколько шероховатостей, но, пожалуй, хватит. Сами видите – оба варианта не ахти. И критиков с обеих сторон понять можно. А мне осталось только попробовать ответить на вопрос, почему все так грустно. И при чем здесь тучка и тень Михаила Юрьевича. Но для этого мне придется рассказать вам сказку, а я ее еще даже не сочинил.

Владимир Бабков

Александр Подберезский. Человек, который научил меня рисовать и во многом определил всю мою жизнь. Бессменный руководитель художественного отделения в моем родном Чудово не один десяток лет. Человек-институция, без которого уже невозможно представить этот город. За эти десятилетия внешне почти не изменившийся. Потому что любит дело, которое делает.

Алексей Андреев

7 сентября:

Посмотрел сейчас в библиографию Василия Головачева – больше двух десятков только циклов, не говоря о количестве романов, там что-то запредельное, за сотню.

Все мы знаем, каким он был романистом, и я что-то даже читал когда-то. Но, если честно, в память

мне врезался один-единственный текст Головачева – коротенький рассказ «И наступила темнота» из «Вокруг света» 1985 года (иллюстрация ниже).

Там сюжет такой, что земной космический корабль нацелился добраться до края вселенной и прыгает через огромные расстояния в гиперпространстве, ну или что-то такое. И с какого-то момент с каждым прыжком всё меньше света звезд вокруг. И в какой-то момент земляне видят один только источник света – но какой-то странный.

Они, значит, подлетают ближе и видят, что это исполинская свеча.

И тут из темноты возникают не менее исполинские губы – и задувают свечу.

Всё. Конец. Блестяще, да?

И, пожалуй, это такой знак дороги. Головачев мог пойти и вот по такому пути, и никто не знает, в кого бы он вымахал. Но он пошел другим путем, и вымахал тоже по-другому.

Николай Караев

Хронотоп воображения Эволюция Человека Вымышляющего

В своем новом эссе я приглашаю вас в настоящее детективное расследование глобального четырехтысячелетнего тренда человечества к созданию и потреблению вымыщленных миров.

Согласно моей эвристической гипотезе, этот «отрыв от реальности» не является простым эсапиозом, а представляет собой **неосознанный, но глобальный эксперимент**, формирующий способность к « **дальновидению нереального**».

А чтобы вам мои доказательства было интересней читать, мы выстроим их по жанровым лекалам детектива.

Улика: У нас есть неопровергимые данные. Недавно ученые проанализировали 65 000 произведе-

ний и доказали: истории на протяжении тысячелетий становятся все более «вымыщленными», а мы любим их за это все больше. Почему?

Подозреваемые: Я называю их «имаджинавты». Это люди, чей мозг устроен иначе. Нейробиология показывает, что для создания далеких от реальности миров они используют особый «двигатель» в мозге, недоступный большинству. Они – авангард, ведущий нас в воображаемые вселенные.

Место «преступления»: Это вся наша история. Психика человека – не константа; она «перепрощивается» эпохой. Рост благосостояния и безопасности стал тем топливом, на котором заработал двигатель воображения «имаджинавтов».

Соединив эти три части, мы получим ответ на загадку «великого побега человечества» в его «великом отрыве от реальности».

Однако, полученный ответ рождает новый, не менее важный вопрос:

Куда ведет этот путь?

– *К величайшему творческому расцвету и рождению нового человека – Homo imaginationis?*

– *Или в уютную цифровую тюрьму, где нами будут управлять с помощью высокоточного «социального лазера»?*

Сергей Карелов

Да, прочитал «**Больные души**» Хань Суна, одного из трех основных «генералов китайской фантастики». Развернуто написать не смогу, тут нужна другая квалификация, знание китайской системы здравоохранения, буддистских традиций и все такое прочее. Пусть пишет Николай Николаевич К. Когда со Стругацкими закончит, не раньше! Но если кратко – эта книжка примирila меня с существованием современной китайской НФ. По крайней мере, с существованием современных китайских

фантастических романов – рассказы и повести у них есть вполне симпатичные (правда, читал я в переводе с английского), но вот роман какой ни возьми – унылая хряпа. «Больные души» переведены, кстати, Кириллом Батыгиным прямо с оригинала, минуя английский, что стоит отметить отдельно.

Так вот, по существу, так сказать, вопроса. Наши издатели в пресс-релизе сравнивают этот роман с сочинениями Франца Кафки, Филипа Дика и Виктора Пелевина. Что сказать... Дик – может быть. Ближе к последней четверти, когда начинаются задушевные беседы со сверхчеловеческими сущностями, это и впрямь отдаленно напоминает «Три стигмата Палмера Элдрича». С другой стороны, Виктор Пелевин и рядом не стоял: Хнь Сун абсурдист, автор гротескной, сюрреалистической прозы, но ни разу не сатирик. Хотя экскурсы в историю Китая, особенно в период Культурной революции, он себе позволяет, его герой, скромный госслужащий Ян Вэнь, человек наорочито простодушный. А еще, конечно, это альтер-эго автора: помимо работы в госструктурах Вэнь на досуге пишет тексты для песен и даже добился кое-какой известности в этой среде. Но никакого сарказма, никакой фиги в кармане, на мир он смотрит широко открытыми глазами.

Чего тут действительно полно, так это Кафки. Собственно, где-то 2/3 романа – «Замок»+«Процесс» с китайской больничной спецификой. Интересно сделано, изобретательно, герой-простак хорошо в такие сюжетные рамки укладывается.

Вот только хардкорная научная фантастика ко всей этой сложной прихотливой конструкции прикуручена цветными проволочками и держится на соплях. Совершенно лишнее и никчемное, отмазка от цензоров и завлекуха для читателей-малолеток. Но, видимо, если бы Хань Сун не прикидывался автором

НФ, опубликовать «Больные души» ему было бы значительно сложнее. Умный дядька. И хитрый. Его пример – другим наука. В общем, респект и уважуха.

Василий Владимирский

НОЧЕВАЛА ТУЧКА ЗОЛОТАЯ (№9 – КОДА)

Жила-была золотая тучка – русская литература девятнадцатого века. Жила – не тужила, подрастала потихоньку, наливаясь золотым соком. А потом наступила ночь, и тучка заснула на груди у хмурого утеса-великаны по имени Советский Союз. На этом утесе обитало много разных племен, но заправляло всем племя каннибалов. Тех, кто хотел писать сам, оно не выпускало из нелепой черной тучи под названием социалистический реализм. Писатели увеличивали ее своими трудами, и тех, у кого это получалось лучше других, каннибалы награждали дополнительной порцией горной козлятины, а иногда и человечины. Только представителям странного племени переводчиков они позволяли подходить к тучке вплотную, чтобы подышать ее золотым туманом.

Шли годы, а тучка спала себе и спала. Ей бы развиваться, взросльть и рожать детишек, обычные белые облака, – но прежде чем заснуть, она успела лишь слегка посеребриться с одного края и пролиться дождиком хороших стихов. Через много лет рассвело, утес зашатался и стал разваливаться. Тучка проснулась и обнаружила, что жизнь ушла далеко вперед. Старое племя переводчиков потихоньку вымирало, а младому, незнакомому, хотелось уже не золота, а современной недорогой бижутерии, которую их предшественники презирали – и зря, потому что литература должна состоять и состоит не только из драгоценностей. Опыта перевода массовой, развлекательной литературы не было ни у тех ни у других. Чтобы его наработать, нужно

было перенимать у стариких их технику и понемногу избавляться от классической позолоты, а на это у новичков не хватало терпения. Вот и вышло, что старые не хотят, а новые не могут. Так и осталась золотая тучка на прежнем месте – лежит и вспоминает с грустью свою золотую молодость. А чистых, свежих белых облаков, влагой которых так приятно умываться, как не было, так и нет.

*

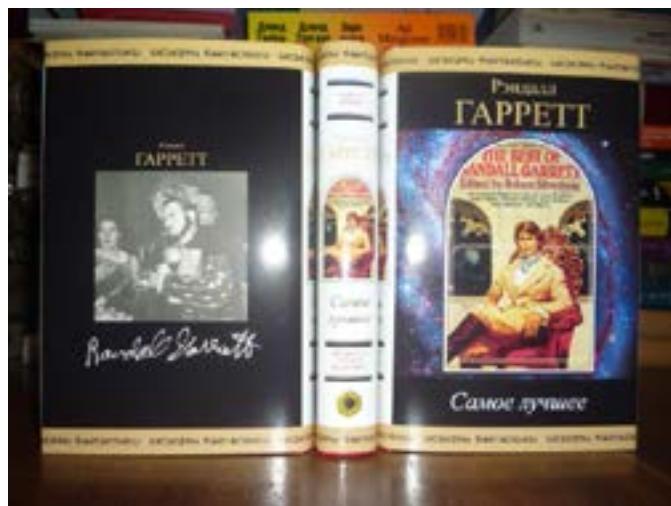
Противопоставлять «вольный советский» перевод «современному более точному», а на деле обыкновенному подстрочнику, надуманно и неверно. Перевод, близкий к подстрочнику, неизбежно превращает любого автора в косноязычного идиота, а этого не заслуживает никто, в том числе и Калли Харт. Копирование иноязычного синтаксиса не приближает нас к стилю автора, а отдаляет от него – точнее, хоронит его в груде мусора. Единственный путь, который позволяет воспроизвести авторский стиль в максимально возможной степени, – это Дао, срединный путь между землей подстрочника и небом самостоятельного творчества, и именно по нему шли лучшие переводчики советской поры. А золотая классическая сырьё была неизбежной болезнью подрастающей школы в тех исторических условиях. Эту болезнь и надо было лечить, а отказываться из-за нее от самих принципов, на которых стоит эта школа, значит выплескивать ребеночка вместе с водой, в которой его крестили.

Но правильный подход, конечно, еще не гарантирует переводчику успеха. Для этого нужно чутье, капитальная выучка, бесконечное упорство и терпение, а всем этим и раньше обладали немногие. И даже если все это найдется – нужен еще опыт добросовестного, вдумчивого перевода популярной литературы, умение спокойно и кропотливо работать с материалом не высшего сорта и уважать

его увлеченную аудиторию. А почему часть этой аудитории устраивает почти подстрочник – как эти читатели извлекают из плохих любительских переводов все что им нужно, пропуская мимо своих глаз и ушей все их очевидные недостатки, – это уже тема другого сериала, но его мне Нетфликс пока еще не заказал.

Владимир Бабков

8 сентября:

Сделал вот такую книжку:

Рэндалл Гарретт «Самое лучшее»

442 стр., твердый шитый переплет с тиснением и суперобложкой, тираж 30 экз.

В книгу американского писателя-фантаста Рэндалла Гарретта (1927-1987) вошли лучшие рассказы и повести с иллюстрациями из первых журнальных публикаций. Рассказы предваряются предисловиями Роберта Сильверберга и комментариями друзей Гарретта. На русский язык ранее было переведено

лишь 5 рассказов из этой книги, всё остальное переведено впервые для данного издания.

Содержание:

Р. Сильверберг “Предисловие” (Introduction by Robert Silverberg), стр. 5

Ф. Х. Фармер “Человек, который приехал на Рождество” (The Man Who Came for Christmas by Philip Jose Farmer), стр. 11

Рэндалл Гарретт “Охотничий домик” (The Hunting Lodge by Randall Garrett, Astounding Science Fiction, июль 1954, иллюстрации Келли Фриса), стр. 15

Мэрион Зиммер Брэдли “Рэндалл” (Randall by Marion Zimmer Bradley), стр. 62

Рэндалл Гарретт “Игра на выжидание” (The Waiting Game by Randall Garrett, Astounding Science Fiction, январь 1951, иллюстрации Пола Орбана), стр. 69

Айзек Азимов “Рэндалл и я” (Randall and I by Isaac Asimov), стр. 114

Рэндалл Гарретт – «Стальные пещеры» Айзека Азимова. Рецензия в стихах (Isaac Asimov's The Caves of Steel: A Review in Verse by Randall Garrett, Science Fiction Stories, март 1956), стр. 117

Рэндалл Гарретт – «Человек без лица» Альфреда Бестера. Рецензия в стихах (Alfred Bester's The Demolished Man: A Review in Verse by Randall Garrett, Science Fiction Stories, январь 1956), стр. 123

Пол Андерсон “Пастиш и пародия” (Of Pastiche and Parody by Poul Anderson), стр. 133

Рэндалл Гарретт – «Три сердца и три льва» Пола Андерсона: калипсо в поисках рифмы (Poul Anderson's Three Hearts and Three Lions: A Calypso in Search of a Rhyme by Randall Garrett and Vicki Ann Heydron, авт. сб. “Takeoff!” (Starblaze Publisher, 1980)), стр. 135

Ларри Нивен “Как я украл цивилизацию пояса” (How I Stole the Belt Civilization by Larry Niven), стр. 140

Рэндалл Гарретт “Никакой связи нет” (No Connections by Randall Garrett, Astounding Science Fiction, июнь 1958, иллюстрации Джона Шоенэрра), стр. 143

Бен Бова “Рэндалл Гарретт – большое сердце” (Randall Garrett – Big-Heart by Ben Bova), стр. 173

Рэндалл Гарретт “Честность – лучшая политика” (The Best Policy by Randall Garrett, Astounding Science Fiction, июль 1957, иллюстрации Келли Фриса), стр. 177

Норман Спинрад «Как Рэндалл Гарретт изменил мировую историю» (How Randall Garrett Changed World History by Norman Spinrad), стр. 207

Рэндалл Гарретт “Взрыв замедленного действия” (Time Fuze by Randall Garrett, If, март 1954, иллюстрации Пола Орбана), стр. 209

Фрэнк Герберт “Рэндалл Гарретт” (Randall Garrett by Frank Herbert), стр. 219

Рэндалл Гарретт “Малое разумение” (A Little Intelligence by Randall Garrett and Robert Silverberg), стр. 221

Энн Маккефри “Рэндалл Гарретт” (Randall Garrett by Anne McCaffrey), стр. 268

Рэндалл Гарретт “В глазах смотрящего” (The Eyes Have It by Randall Garrett, Analog, январь 1964, иллюстрации Джона Шоенэрра), стр. 271

Гарри Гаррисон “Рэндалл, Гарри и Джон” (Randall, Harry and John by Harry Harrison), стр. 344

Рэндалл Гарретт “Заклятие войны” (The Spell of War by Randall Garrett, в ант. “Thor's Hammer: On and Near Earth” (Ace Books, 1979)), стр. 347

Гордон Р. Диксон “Morgen Rot” (Morgen Rot by Gordon R. Dickson), стр. 384

Рэндалл Гарретт “Мороз и гром” (Frost and Thunder by Randall Garrett, Asimov's SF Adventure Magazine, лето 1979, иллюстрации Джеймса Одберта), стр. 389-432

На суперобложке: фото Рэндалла Гарретта на 17-м Вордконе (Детройт, 1959). Автограф 1962 года.

На лицевой части – картина Ровены Моррилл с первого издания данного авторского сборника, «The Best of Randall Garrett» – Timescape, 1982.

Сергей Соболев

Вчера не стало писателя-фантаста **Василия Васильевича Головачева** (1948-2025). Про тексты его я промолчу, но человек был обаятельный, с харизмой, если уметь с ним правильно общаться. На ковенты его любили возить, особенно в Харьков на «Звездный мост»: тогдашний мэр, он же генеральный спонсор, был большим поклонником таланта Василия Васильевича. И не он один. Вот пишут: «человек-эпоха». В случае с ВВГ это прямо в яблочко. На пике славы, в нулевых – самый высокотиражный русскоязычный писатель-фантаст. По несколько миллионов экземпляров в год его книги тогда продавались, Стивен Кинг тихо плакал в уголке. А вот у последних романов, напечатанных в 2025-м, тираж – 1500 (одна тысяча пятьсот) экземпляров, пере-

издания не планируются. Более-менее та же судьба, что и у других авторов фантастических хитов той эпохи. Только здесь – падение спроса в сотни раз. Забыли, перестали читать, утратили интерес. Эх... Вот бывает как у братьев Стругацких и Кира Булычева – а бывает и так. Печальная история в общем.

На фото – Головачев в центре, Александр Каширин, директор первого (и единственного) в России магазина фантастики «Стожары» – слева, я – единственный в костюме-тройке и (тогда еще) с волосами. Судя по бэджику – Конгресс фантастов России «Странник», Петербург, «бандитские девяностые», а запечатлены мы на фоне ДК имени Крупской.

Василий Владимирский

9 сентября:

Имя Араты Горбатого полностью совпадает с японским словом “арата”, (новый, свежий), брата Аба тоже можно окрестить “номинативным японцем”, поскольку “аба” означает “поплавок”. Интересно, что эта особенность большинства имен в романе создала определенные трудности при переводе на японский язык: переводчик “Трудно быть богом” постарался избежать лишних совпадений, стремясь к тому, чтобы имена персонажей, звучащие как японизмы, по возможности отличались от реально существующих японских слов. Так, например, “рэ:ба:” (от англ. labour) по японски значит “пролетарий, рабочий класс”. Очевидно, во избежание двусмыслинности имя дона Рэбы было удлинено на один слог и превратилось в Рээба. Аналогичным образом обстоит дело и с именами Араты, Тата, Кира, которые также были удлинены [5]. (В японском языке различаются долгие и краткие гласные звуки. В переводе некоторых имен был добавлен лишний слог, а в других случаях – краткий

стал долгим). К тому же все они записаны катаканой, т.е. слоговой азбукой, которой в японском обычно записываются слова иностранного происхождения. В результате возникает любопытный парадокс: слово, послужившее основой для создания инокультурного понятия, при переводе возвращается в родной язык дважды искаженным и уже иностранным.

Насчет брата Абы, я думаю, ерунда, как и насчет алхимика Синды, – вряд ли АНС даже задумывался о том, что это нейтральное прошедшее от глагола «сину», оно по-русски ассоциируется скорее с Синдом – регионом (в том числе Британской – к вопросу о викторианности Руматы и прочих наблюдателей-прогрессоров) Индии (сейчас это в основном или полностью Пакистан, как я понимаю), – и Рэба в японском, наверное, скорее с печенькой ассоциируется (калька с «ливера», рэба:), а не с «лейбором» (рэ:ба:, но есть японские слова не хуже и явно частотнее).

Но вот про японский перевод и правда интересно – там реально слог вставили, Рэба, レバ/バ вместо レバ, что для японского читателя реально выглядит инопланетным, так не пишут. В транслитерации Руматы, ルマータ, поставили все-таки горизонтальную черту как знак долготы, «Рума:та». Причем и «дон» записали катаканой, что выглядит почти как имя: ドン・ルマータ. И в Кире тоже черта: キーラ. Остальных в японской Вики не вижу.

Правда, насчет «рэ» – о, превратности судьбы! – оказывается, Ленина в свое время записывали иероглифами 列寧 с чтением «рээнин». Означает примерно «мир (не война), построенный колоннами». Ну, да, чертовски верно подмечено.

(Японская же Вики прекрасно иллюстрирует отличие японских алфавитов от русского. Там есть примечание, что изначально Рэба был «Рэбиа»

и это анаграмма от цветка душистых прерий Лаврентия Палыча Берии. Но по-японски-то «анагурама» не выходит никак – Рэбиа-レビア и Берия-ベリヤ пишутся напрочь разными знаками. Рэ, бэ, би, ри – всё разное.)

(Цитата из научной заметки С.В. Гришачева с длинным, вплоть до названия «Японизмы в раннем творчестве А. и Б. Стругацких: некоторые аспекты межкультурной коммуникации».)

Я несколько дней назад дописал наконец свою статью про японщину у АБС. Вышло больше авторского листа. Но там другой подход – не все случаи каталогизированы, да и бог с ними, а вот насчет сущностного влияния, кажется, вышло что-то дельное.)

Николай Караев

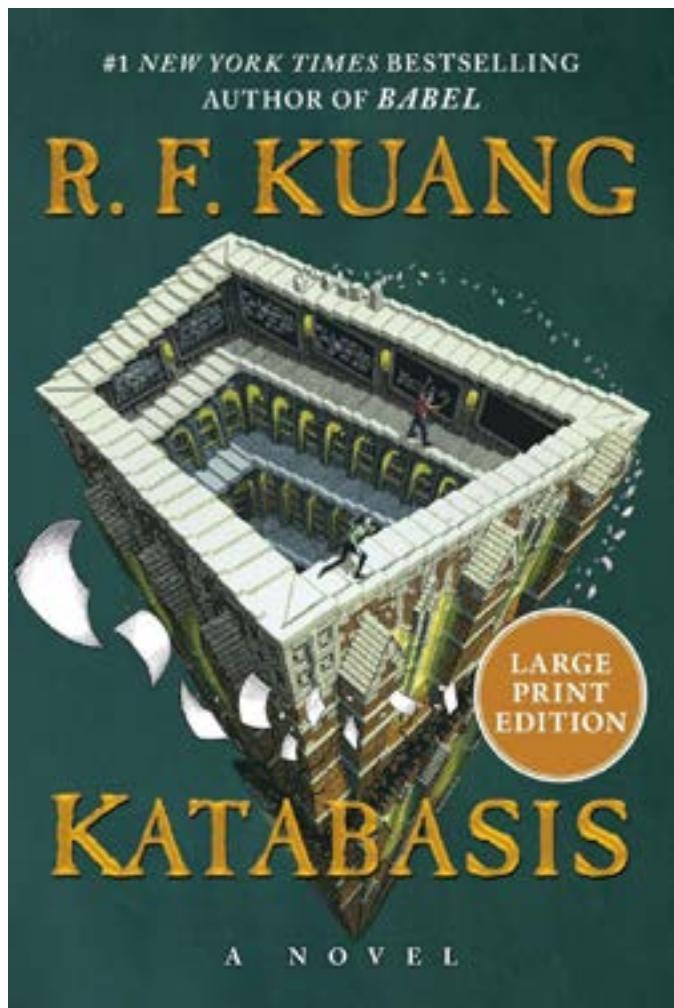
Ребекка Куанг «Катабасис» / Katabasis

Официальная аннотация:

«Ад» Данте встречается с «Пиранези» Сюзанны Кларк в этом совершенно новом фэнтези и темной академии от Р. Ф. Куанг, автора бестселлеров № 1 по версии «Нью-Йорк Таймс» «Вавилон» и «Йеллоуфейс»: два аспиранта должны забыть о своем соперничестве и отправиться в Ад, чтобы спасти душу своего профессора – возможно, ценой собственной жизни.

Катабасис (сущ., др.-греч.): История о сошествии героя в подземный мир

У Элис Лоу всегда была единственная цель: стать одним из самых блестательных специалистов в области магии. Она пожертвовала всем, чтобы воплотить это в жизнь: гордостью, здоровьем, личной жизнью и в особенности благородствием. И все ради того, чтобы работать с профессором Джейкобом Граймсом из Кембриджа, величайшим волшебником в мире.

То есть до тех пор, пока он не погибнет в результате магического происшествия, которое, возможно, произошло по ее вине.

Итак, Граймс в Аду, и она отправляется туда вслед за ним. Ибо он может дать ей рекомендацию, а значит, держит ее будущее в своих теперь уже бесплесных руках, и даже смерть не остановит стремление Элис к мечте...

Как и тот факт, что ее соперник Питер Мердок пришел к такому же выводу.

Имея в своем распоряжении лишь предания об Орфее и историю Данте в качестве путеводителей, достаточное количество мела, чтобы рисовать пентаграммы, необходимые для заклинаний, и жгучее желание сделать так, чтобы все академические травмы имели хоть какой-то смысл, они отправляются в путешествие через Ад, чтобы спасти человека, который даже не вызывает теплых чувств.

Но Ад оказывается не таким, как его описывают в книгах, и магия не всегда дает ответы на вопросы, да к тому же в прошлом Элис и Питера есть что-то такое, что может превратить их в идеальных союзников... или привести к гибели.

Для начала, «Катабасис» – это роман, находящийся где-то посередине между жанровой прозой и майнстримом. Основные вехи его сюжета более-менее укладываются в традиционную жанровую схему, но здесь ключевые слова «основные» и «вехи», и этот факт становится очевидным, когда роман уже прочитан, и авторский замысел проясняется во всех деталях. А вот по ходу дела, во-первых, хронология повествования постоянно возвращается в прошлое, причем не всегда это прошлое главной героини; во-вторых, приключения тела (уж какие есть) сменяются тем, что ценители жанровой прозы называют «водой». То есть философией, игрой с цитатами и отсылками, психологическими деталями, погружением во внутренний мир главной героини и некоторых других персонажей, длинными диалогами, размышлениями о смысле жизни, профессиональном выгорании, депрессии и суициде.

В результате некоторым читателям не хватило «фэнтезийной эпичности». И да, действительно, эпичность вообще плохо сочетается с углубленным описанием душевных терзаний, которое в «Катабасисе» еще и отличается пугающей точностью. Кто-то хотел увлекательных приключений в Аду, рубилова с демонами, эффектных пейзажей, а получил... намного больше ада, но, в основном, той разновидности, которая вполне себе существует в реальном мире.

Итак, Элис Лоу – подающая надежды аспирантка профессора Джейкоба Граймса, которая отправляется за его душой в Ад. Этот Ад напоминает одновременно описанный в «Божественной комедии» Данте, Нараку в индуизме и китайский Ди Юй. Управляют им бог, имеющий много имен в зависимости от конкретной мифологии; Элис называет его Ямой. Души умерших проходят через так называемые судилища (Courts) в зависимости от своих прижизненных грехов, и если им удается эти самые грехи искупить, то к берегу Леты причаливает ладья, чтобы увезти счастливчиков навстречу реинкарнации. По крайней мере, такова теория, а на практике выясняется, что все гораздо сложнее. И уж подавно множество сложностей ожидают в Аду тех, кто еще жив.

Стремление Элис отыскать профессора в Аду вызывает оторопь своей маниакальностью и заставляет предположить, что что-то тут нечисто. И действительно, чем больше перед нами раскроется деталей о прошлом героини, тем сложнее в психологическом смысле станет эта история. Куанг использует декорации Ада потустороннего, чтобы вникнуть в Ад земной, и через внутренний мир своей героини ищет ответы на вопросы, которые, сдается мне, интересуют или интересовали ее саму. Поначалу кажется, что все они так или иначе связаны с университетской средой – и да, это правда,

но есть и глубинный пласт, относящийся к жизни вообще, о том, что в ней по-настоящему важно.

Неужели в книге все так пафосно и мрачно? Нет, не все. В «Катабасисе» имеются фрагменты совершенно уморительные, сатирические, с проницательными и безжалостными (и абсолютно заслуженными) насмешками над университетским и литературным миром. А еще трогательные сцены зарождения истинной любви. И факультетский кот Архимед, свободно путешествующий между миром живых и миром мертвых. Еще есть нетривиальная система магии, основанная на пентаграммах и логических парадоксах, через которые маги обманывают мир и законы природы. (Например, вписанный в пентаграмму парадокс про Ахиллеса и черепаху способен замедлить до 0 скорость того, кто в эту самую пентаграмму шагнет; таких штук довольно много, хотя стоит предупредить, что появляются они не в самом начале, чуть позже.) Есть пейзажи Ада, вдохновленные «Божественной комедией» и чем-то еще – чем дальше заходит героиня, тем страннее они становятся, в какой-то момент переходя в мрачный сюрреализм в духе Здислава Бексиньского.

Однако в целом книга действительно мрачная. Я могу понять тех, кому не хватило динамики, но совершенно не понимаю читателей, которым «Катабасис» показался не страшным. Это абсолютно жуткий роман, пусть даже в нем не так уж много кровопролития и адских мук в том виде, в каком мы привыкли их себе представлять. Это действительно сочество в преисподнюю при жизни, путь, как будто ведущий в один конец. И героине предстоит его пройти.

Стоит ли все это читать? Ну, вы решайте сами, а мне роман необычайно понравился как в деталях, так и в целом, но сказать конкретнее я не смогу, ибо

спойлеры. Замечу лишь, что в финале мне вспомнилась цитата из Библии: «Не оставайтесь должны ми никому ничем, кроме взаимной любви» (К римлянам 13:8).

Буду перечитывать.

Наталья Осояну

Самой тяжелой книгой этого года объявляю «Слона» Саши Филипенко

Думаю, Филипенко удалось то, что пыталась сделать Карина Шаинян в «Саспыге» – напомнить нам, что бесконечно закрывать глаза на проблемы не выйдет / выйдет боком. Но Шаинян, на мой вкус, не дожала по форме, а вот гротеск плюс антиутопичность «Слона» сделали своё дело.

Итак, представьте себе: в один день в домах и на улицах внезапно появились слоны (да, как жирная метафора про слона в комнате, которого люди не замечают). Сначала народ был шокирован, а потом ничего – адаптировались, кое-кто же вообще предпочел полное отрицание присутствия слонов.

Молодой и неистово влюбленный комик Паша пытается напомнить своей аудитории, что пора бы как-то решить проблему огромных животных, которые уже слопали всю траву и листочки, начинают громить супермаркеты и полностью парализовали транспортное движение, но людям надоело думать о слонах и тем более осточертели шутки на эту тему. Идеалист Паша – один в поле воин.

Давайте сразу: «Слон» не про СВО, хотя этого слона тоже стоит учитывать, рассуждая о книге. Небольшой, но ёмкий роман Филипенко об инертности общества в целом и каждого из нас в отдельности.

Маленький слоник появляется у возлюбленной героя ещё в детстве, и этого слоника она везде но-

сит с собой. У самого Паши тоже есть слоненок-подросток, который в последнее время активно растёт, особенно на почве того, что Паша игнорирует поступающие угрозы и продолжает гнуть свою линию.

Инертность и замалчивание проблем однажды приводят к расчеловечиванию других.

Расчеловечить другого можно пытками, а самого себя – безразличием ко всему.

Форма романа заслуживает отдельного поста, но я попробую кратко. «Слон» – это **игла в яйце, яйцо в зайце, заяц в утке...** мы как будто читаем роман о реальных событиях одновременно с некоторыми персонажами книги. И эти персонажи даже оставляют комментарии по ходу сюжета:

В общем, как я понял, эта книга про то, что мы не заметили, как пришли слоны, потому что никогдa ничего не замечаем. Не замечаем, как перевешивают флаги и как пропадает коньянк из родительского буфета. Не замечаем, как вносят поправки в Конституцию и как девушка начинает отвечать реже, а пудриться чаще. Не замечаем двадцать миллионов в лагерях, не замечаем фальши. Не замечаем вбросов, не замечаем цензуры. Не замечаем, как подростки выносят ценные вещи из дома, как не замечаем пенальти. Не замечаем популизма, не замечаем грязи. Не замечаем, как жена уходит пораньше с ужина, чтобы повеситься.

А ещё **попутно в тексте мы разгадываем кроссворд**, где загаданные слова становятся ключиками не только к акцентам, которые хочет расставить автор, но и подсказками к тому, куда все идет.

История, которая начинается комично и абсурдно, завершается страшной трагедией – после чтения хочется прилечь и посмотреть в стену хотя бы минут 10.

И этот неожиданный поворот делает книгу гораздо серьезнее, сложнее и глубже, чем может показаться с первых страниц. Нет, это не истерика и не нервный срыв автора, это просчитанный ход, который шокирует и ставит не точку, а восклицательный знак в конце.

Читать ли «Слона» всем? Я бы сказала, ДА, это та боль, которую полезно себе причинить.

Александра Прохорова

Демон из USB кабеля

Новое поколение хакинга – крошечные цифровые ИИ-диверсанты

Вдумайтесь в этот киберкошмар.

Вы подключили комп к зарядке через обычный на вид USB-кабель. А в кабеле «демон». Он выпускает из кабеля «агента» – цифровую сущность, которая проникает через USB порт, осматривается в системе, анализирует обстановку и отправляет свои наблюдения огромному мозгу большой языковой модели, типа GPT-5. А тот, в свою очередь, шепчет агенту на ухо команды, что делать дальше.

Уже через несколько минут ваш компьютер взломан автономным ИИ-агентом. Этот агент просматривает ваши файлы, изучает ваши соединения, крадет пароли и персональные данные, параллельно с этим распространяя себя по всем соединениям вашего компа ... А злоумышленники, подсунувшие вам USB кабель, сидят за чашкой кофе и наблюдают за происходящим в режиме реального времени со своей панели управления.

Просто жуть!

Но может вы думаете, что это моя очередная страшилка (как нередко, по простоте душевной, трактуют мои посты критически настроенные читатели)?

Увы, нет.

Исследователи из Palisade Research уже превратили это в реальность.

Их «хакерский кабель» за \$200 содержит программируемое устройство, которое загружает ИИ-агента прямо на целевую машину. Агент анализирует систему, отправляет данные в GPT-4, получает от него инструкции и действует – все автономно.

Стоимость операции? Менее доллара за «прогон».

Затраты на разработку проекта ИИ-хакера в USB? Одна человеко-неделя.

Почему это переворот

Традиционное противостояние в кибербезопасности: человек против скрипта.

- Человек медленный, но креативный.
- Скрипт быстрый, но тупой.

Но ИИ-агент – это золотая середина: быстрее человека, умнее скрипта.

Сегодняшняя версия еще примитивна и легко обнаружима. Но представьте эволюцию: микроскопические чипы, встроенные в любые устройства, способные «клонировать» навыки хакера в компактную модель. Армия цифровых диверсантов, действующих параллельно, эффективно и независимо.

Что это означает

Мы стоим на пороге эры «демократизированного» хакинга. Если раньше для серьезных кибератак нужны были годы обучения и глубокие технические знания, то завтра достаточно будет купить готовый ИИ-агент и указать цель.

Это не просто новый инструмент – это смена парадигмы. Как промышленная революция изменила физический труд, так ИИ-агенты изменят цифровое противостояние.

И вопрос уже не «если», а «когда» и «как быстро». Кибербезопасность больше никогда не будет прежней.

Готовы ли мы к миру, где каждый USB-порт – потенциальная точка входа для искусственного интеллекта с враждебными намерениями?

Сергей Карелов

У Василия Васильевича Головачева (ВВГ, как его называли) было своеобразное чувство юмора. Которое часто проявлялось в названиях его романов. Вообще, мне кажется, как человек очень неглупый, он прекрасно понимал, что пишет, и особых иллюзий по поводу своих текстов не питал. Помню, ког-

да я в 1991 году прочитал повесть Головачева «Консервный нож» в альманахе «SOS. Сериал острых сюжетов», я поначалу думал, что это пародия. Возможно, это она и была, есть такая разновидность шуток с серьезным лицом. Тем более что в том же выпуске состоялась первая публикация «Принца Госплана»

Виктора Пелевина, а заодно под двумя разными псевдонимами были напечатаны две бойкие статьи Романа Арбитмана. До сих пор этот альманах в моей библиотеке. А что до названий романов ВВГ, то мой фаворит, конечно, «Делирий». Человек без чувства юмора так свою книгу не назовет, самоирония 101 lvl. Однако и другие названия стоит вспомнить в этот скорбный день.

Василий Владимирский

10 сентября:

Наташа классно написала про «Катабасис» – новую книгу Ребекки Куанг. Я пока не читала, у меня внезапно очередь из англоязычных книг, и новая Роулинг со Страйком всех забороли. Но у меня есть

ценное мнение о Куанг и связанные с ним ожидания. Мне совсем не понравилась «Опиумная война», а вот «Вавилон», наоборот, понравился очень. При всей его плоской повесточности и предсказуемой выдаче ролей персонажам по расовому признаку, «Вавилон» обладает собственной магией, а фантастическая идея, лежащая в его фундаменте мне кажется просто блестящей. Таково мое ценное мнение, а ожидания от «Катабасиса» и вера в Куанг, соответственно, высоки.

Пока же хочу сказать вот что: если реальность настолько благоволит вам, что вы собираетесь купить бумажную копию «Катабасиса», берите специальное оформление от Керби Розанеса. Я слежу за его работами уже больше десяти лет, он прекрасен во всем, а уж в обложках развернулся на полную мощь. Писать, дорогие авторы, надо так, чтобы обложки для вас рисовал Керби Розанес (и нет, вариант с воровством его картинок, как это делают некоторые топовые авторы на АТ, не считается).

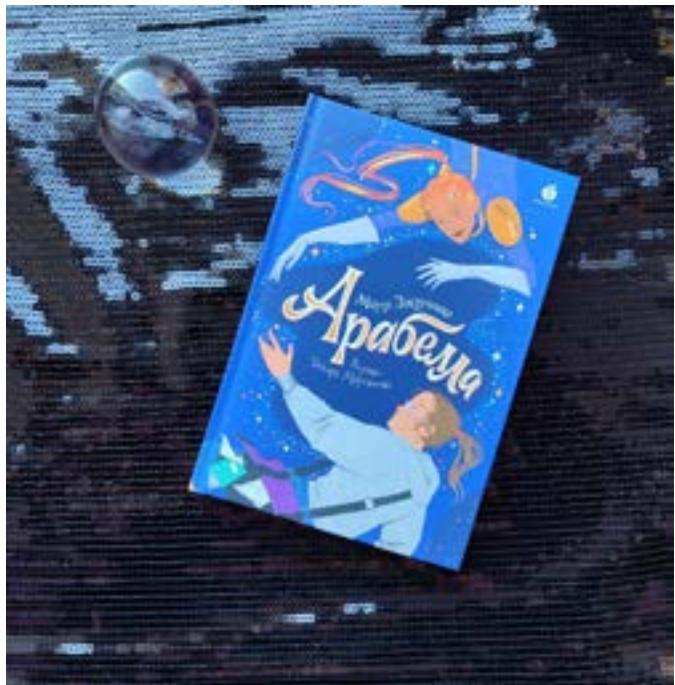
К.А.Терина

«Арабелла», Мария Закрученко

(«Абрикобукс», 2022, иллюстрации Тамары Мартыновой)

Сашка снова получает двойку по геометрии. Одноклассницы пинают ее сумку, насмехаются. Дома мама срываются: «Обезьяна бы уже поняла теорему». Сестра требует сидеть тихо в их общей комнате – умолкнуть, исчезнуть? Кажется, что для Сашки нигде нет места. Но она закрывает глаза и видит космос. И говорит с единственной подругой – героиней сериала «Огненная звезда» (очередной сезон окончен, но разве это мешает мечтать?).

«Арабелла» написана от второго лица: мы слышим диалог Сашки с той самой подругой из космоса – смелой, сильной и доброй. Такой, какой хочет

стать и сама Сашка. У читателя появляется шанс узнать все то, что главная героиня доверяет ей. Подойти так, что «ближе уже невозможнo». И вот у нас, как и у главной героини, появляется воображаемый друг, за которого переживаешь так, что в любую свободную минуту хватаешься за книгу.

Роман Марии Закрученко адресован прежде всего школьникам. Но хорошая литература для подростков подходит всем людям без исключения – от 12 и до 100. Автор говорит на серьезные темы прямо, не сглаживая углов, не умалчивая неприятной правды. Непонятно, что больнее – тычки в школьных коридорах или гадкие мемы с твоим лицом. Мать и сестра могут быть так измотаны, что не в силах нормально с тобой поговорить. И мир любимого сериала – единственное убежище... С него и начинаются перемены.

Оказывается, выдуманный мир можно полюбить так, что он поддержит тебя в реальности. Есть в историях сила, которая заставляет нас плакать вместе с героями, смеяться, волноваться за них, считать их друзьями. «Арабелла» – о чуде, которое живёт в каждой из таких вселенных и объединяет людей, которые в него поверили. И это может быть что угодно: сериал «Огненная звезда» или любимая книга, которую перечитываешь каждый раз, когда грустно. Именно благодаря этой силе Саша найдет настоящих друзей, разберется в себе и отыщет ответы на вопросы, которые не дают ей покоя.

И это история про всех нас. У каждого были миры, в которых хотелось остаться. Все истории, которые мы полюбили, мыносим с собой.

...Космос – огромный. В нем хватит места для каждой истории. Каждый из этих миров возможен. Каждая вселенная реальна. В далекой-далекой галактике джедаи сражаются с армией клонов. Над современной Землей время от времени зависает синяя полицейская будка. В прошлом, о котором не осталось памяти, кроме мифов и легенд, несколько отважных хоббитов несут кольцо к огненной горе. Это значит, что в будущем, позже или раньше <...>, в своем кораблике летишь ты.

Мне жаль расставаться с моей новой подругой Сашкой. Кажется, что я была рядом с ней эти два вечера. Иллюстрации Тамары Мартыновой, на которых сквозь обычную жизнь пробивается другая реальность, усилили погружение в мир романа «Арабелла», сделали его почти осязаемым.

Но я не грущу, впереди новые приключения: в 2025 году у Марии Закрученко вышел роман «Bookship». Последний книжный магазин во Вселенной» («Альпина.Проза», 2025). О нем мы поговорим уже скоро.

Даша Кельн

11 сентября:

Видео о трилогии Питера Уоттса «Рифтеры» доступно к просмотру спонсорам на Boosty и Patreon, а также донам в VK!

Действие трилогии «Рифтеры» разворачивается в середине 21 века. Киборгизированные люди стали обыденностью. Рифтеры – это изменённые люди, занимающиеся обслуживанием геотермальных электростанций, построенных на дне океана. Их тела модифицированы для работы на огромной глубине.

Южная оконечность хребта Хуан-де-Фука, глубина 3000 метров, огромное давление, колебание температур около гидротермальных источников, агрессивные виды, страдающие гигантизмом, темнота, нарушающая только освещением станции и биолюминисцентным светом живущих там созданий.

На первый взгляд, Уоттс описывает чуждый человеку мир, но герои ненормальны, а жизнь на поверхности такова, что покой они могут обрести

только в океанской бездне, которая со временем становится для рифтеров настоящим домом.

В будущем по Уоттсу собраны, пожалуй, все опасения человечества, связанные с изменением климата и быстрым развитием технологий. Его будущее – это вялотекущий апокалипсис. Однако угроза, затаившаяся на океанском дне, готова соревноваться с людьми в том, кто быстрее сведёт наш мир в могилу.

RocketMan

12 сентября:

Переслано из НемножкоОкнижка (Milena Kushka)

И вот начинаю я не с того, чтобы немножко поговорить про еду, а все-таки про новую Осояну (после своей рецензии парочку добавлю, пожалуй, чужих).

Я с удовольствием читаю прекрасные переводы фэнтези и фантастики, сделанные Осояну, и ее тексты про то, как она решает при переводе всякие нетривиальные задачи. С удовольствием же читала ее собственное фэнтези, потому что живых кораблей и посиделок с эльфами в тавернах много не бывает. С переменным успехом – книги про мифологию («Мифы воды» почему-то не пошли)... А потом без всякого удовольствия (потому что безумно страшно) прочла в журнальной публикации ее повесть «Змей» – о погромах и бессарабских евреях. Так вот, к роману «Змейские чары» меня не подготовило ни-чё-го (хотя в «Змее» сами образы девушки, оказывающейся во сне в другом мире, Змея и его мамаши, которые могут выглядеть людьми, – но иногда с третьим глазом! – и определенная перевернутость змеиной системы ценностей с вожделенными пытками и кровопролитием, – основательно перекликаются). Но.

«Змейские чары» – самая потрясающая книга этого года. Книга, по которой я схожу с ума. Книга, которая мне активно не нравится.

* Если вам кажется, что это противоречивый и непоследовательный отзыв – ну что ж, ясно, «Змейские чары» вы еще не читали.

То есть пока мне попадались рецензии про равнное повествование, пока я думала с тоской, что вот, это же как раз то, чего я наверняка не люблю, и вспоминала конец трилогии про «Невесту ветра», где, хм, так и не уверена, что я правильно поняла, о ком и о чем идет речь на последних страницах (это как детектив без четкого ответа, кто убийца; представьте вместо этого фразу наподобие: «Человек с закутанным лицом простили себе 18 жертв и удовлетворенно посмотрел на похищенную статуэтку: теперь она принадлежала только ему». Черт, кажется, я только что ненароком описала один из своих любимых фильмов, «Воспоминание об убийстве»; мужик проходил, сказал, что это он убил. А какой мужик? да бог его знает, мужик и мужик... Ладно, окей, проехали)... нет, я не представляла, что это будет.

Короче, есть центральная история про девушку, в своих снах проваливающуюся в царство змеев, где не танцы в волшебных башмачках, а насилие, пытки и кровь (и те самые, из повести «Змей», и похуже), есть ее непонятный спутник, и есть сбивчиво наползающие на основной сюжет и друг на друга сказки, легенды и предания, которые сначала тебе кажутся просто перебивающими голосами, а в конце оказываются слоями одной луковицы. Но вот это потрясение не главное.

То есть да, каким-то образом Осояну легко и изящно зашла и на территорию хоррора (в том грамотном варианте, где автор понимает, что страшнее не рассказанное до конца, а данное впромельк, намеками и полу-описаниями). Хоррора я, кстати,

не хотела, тем более хоррора с моими личными триггерами. Да, Осояну щедро добавила терминов из румынской мифологии, – а почему бы и нет, мало ли в любой фэнтези экзотических названий, придуманных автором? а тут у тех, кто читал ее книжку про румынскую мифологию, худо-бедно шпаргалка в голове. И да, в конце, когда мозаика сложилась, я еще и ревела (для протокола: этого у меня тоже в планах не было). Но это не потрясающее. Потрясающее – то, что без надрыва и напряжения, скомканно, нелогично, неожиданно, вот этим неидеальным способом – книга властно переносит читателя в другое пространство, в мир настоящего мифа, – и это бриллиантового уровня качество. Таких книжек я знаю немного («Черный леопард, рыжий волк»? «Бессмертный»?)

Это ошеломительно, огромно и прекрасно, и она звезда наших очей.

Наталия Осояну

Переслано из Дневник рядового любителя чтения

Прочитал грим-дарт-фэнтезийный постмодернистский роман «Змейские чары» Наталии Осояну – историю о тысячуекратно перерождавшемся в фольклорном корпусе Румынии чернокнижнике-граманциаше Дьюле Мольнаре, его попытках выбраться из Мира-Текста в библиотечное измерение Школы Дракайны, и его последней невинной жертве Кире Адерке, оказавшейся не совсем картонным персонажем.

Отличная книга, мне очень понравилась. «Змейские чары» представляет собой продукт естественного постмодерногенеза, когда писатель настолько глубоко погружается в литературные исследования, что текст и мир в его/ее восприятии начинают смешиваться. Именно на фиксации этого особого состояния сознания, когда слова кажутся

не отличимы от вещей по реальности, строится первоначальный постмодернизм Отцов.

Наталия Осояну – не только замечательный переводчик и автор приключенческого фэнтези, но с недавних пор еще и фольклорист, выпустившая монографии «Румынские мифы», «Мифы воды» и «Балканские мифы», поэтому выходу из-под ее пера «Змейских чар» не приходится удивляться, зато есть повод порадоваться. Порадоваться, во-первых, за саму Осояну, что работа с восточноевропейским народным творчеством обогатила ее сочинения (можно предположить, что на раскрытие авторского письма повлияла также практика перевода усложненных книг); во-вторых, за постмодернистский пафос «текст сильнее мира», так как «Змейские чары» доказывают, что в наши дни помимо вторичной уоллесовской модели его возникновения в сердце писателя возможна первичная барт-пинчоновская, когда человек вдруг обнаруживает, что дочитался до того, что книг в его природе стало больше, чем мяса и костей.

Роман разбит на множество историй внутри историй, с разных сторон представляющих читателю чернильно-черное дело Дьюлы Мольнара, посланного в румынский фольклорный корпус убивать местных чудовищ с зароками никогда не вратить и всегда выполнять то, о чем его попросили, но неизменно находящего в очередной сказке слабое место в сюжете, чтобы ни о каком «жили они долго и счастливо» не могло быть и речи. «Змейские чары» наполнены альтернативными концовками реальных фольклорных текстов, и все они максимально недобрые, трагичные и безысходные, так как Мольнар саботирует возложенную на него сказочную функцию волшебного помощника – он предпочитает функцию мета-чудовища, переписывающего и даже заливающего чернилами целые

страницы Мира-Текста в стремлении поскорей закончить собственную жизнь-в-книге (потому в романе всего 300 страниц). Порой сочувствуя персонажам, Мольнар все же не забывает, что они лишь буквы на бумаге, и легко отправляет их на мучения и смерть ради выхода из постмодернистской языковой клетки в надъязыковую реальность дракайновской библиотеки.

Поскольку «Змейские чары» – роман о книжном волшебстве, в ней немало игр с версткой, характерных для Отцов постмодерна. Слово «тьма» в линии Кирры Адерки изображается черным прямоугольником, Субботняя Вода заполняет страницы волнистыми линиями, уничтожение трех Змеев заливает всю последнюю страницу их сказки черными чернилами, в критических местах строки ломаются по-федермановски. Так и подымает объявить «»Дом листвьев» есть у нас дома», но у Осояну, в отличие от Данилевски, всякий прием из набора «кошмар верстальщика» используется не только для красоты, но и для указания на внутритекстовую природу описываемых событий.

В книге царит мое любимое настроение болезненной ярости. Роман начинается как вполне обычное дарк-фэнтези, но затем автор будто бы сбрасывает сдерживающие ее формульные оковы и выдает такую передозировку горя и страданий (сюжетно на 100% оправданную, ведь граманциаш спидранит сказки порчей их сюжетов), что остается только аплодировать. В «Змейских Чарах» мы видим Наталию Освобожденную, и лично я надеюсь, что в том же духе и с тем же мастерством она напишет еще не одну авангардную книгу, и неважно, будет ли это вновь пост-фэнтези или нечто не менее захватывающее иное.

Наталия Осояну

В библиотеке соляристики снова праздник – день рождения нашего любимого и почитаемого патрона Станислава Лема.

В этом году я решила подготовить кое-что от себя, вместо того чтобы просто делиться чужими поздравлениями. Мне показалось интересным осветить в статье один небольшой сюжет в жизни Лема. Получилось, вроде, симпатично (по моему абсолютно объективному и непредвзятому мнению), хотя многие интересности, как и всегда, остались “за кадром”. Возможно, в будущем я вернусь к этой теме.

Инна Ис kennирова

Фрэнк Герберт «Дети Дюны»

Жанр: «Мягкая» научная фантастика/Планетарная фантастика

Оценка: 8/10

«Дети Дюны» – третья часть культовой саги «Хроники Дюны» Фрэнка Герберта. Если «Дюна» была историей о герое, а «Мессия Дюны» – её горьким развенчанием, то «Дети Дюны» – это политико-философская история о наследии, власти и цене предвидения.

Действие происходит через девять лет после событий «Мессии Дюны». Пол Атрейдес (Муад'Диб) исчез в пустыне. Империей от имени его малолетних детей-близнецов, Лето II и Ганимы, правит их тетя Алия, охваченная внутренними голосами – памятью своих предков. На Арракис прилетает бабушка близнецов, леди Джессика, посланная орденом Бене Гессерит. На Дюне же в это время нарастает кризис. Программа озеленения планеты, начатая Полом, угрожает существованию песчаных червей и производству специй – основы имперской экономики и космических путешествий. Изменения затронули и самих фрименов: в более комфортных условиях они «размякли», что не нравится вождям старой

закалки. Не обошлось и без политических интриг: Дом Коррино, Гильдия, Бене Гессерит и тайное общество Фидаинов (последователей Пола) плетут заговоры, стремясь контролировать детей-наследников или уничтожить их. Лето и Ганима, обладающие невероятными способностями, пытаются осознать свое предназначение и избежать трагической судьбы отца. Лето особенно остро чувствует «золотой путь» – возможное будущее выживания человечества, ведущее через ужасные испытания. В пустыне появляется таинственный слепой проповедник, обличающий правление Алии и культ Муад'Диба.

Фрэнк Герберт углубляет тему, поднятую в «Мессии Дюны». Предвидение Лето ещё более всеобъемлюще и мучительно, чем у Пола. Книга исследует парадокс предопределенности и выбора: видя «золотой путь», можно ли свернуть с него? Является ли любое действие, направленное на избежание ужасного будущего, шагом к его реализации? Герои буквально борются с ловушками времени. «Золотой путь» Лето – это концепция вынужденной эволюции. Герберт ставит вопрос: должен ли лидер

сознательно вести свой народ через века страданий ради его же конечного выживания и расселения. Это этическая дилемма невероятной силы.

Правление Алии – ярчайший пример разлагающего влияния абсолютной власти и опасности «жить прошлым» через память предков. Имперская бюрократия, религиозный фанатизм, экономические махинации – Герберт мастерски показывает, как самые возвышенные идеалы (джихад Муад’Диба) вырождаются в инструмент тирании и контроля.

Тема экологии выведена на первый план. Уничтожение червей ради «прогресса» ставит под угрозу саму основу цивилизации. Герберт предупреждает о катастрофических последствиях вмешательства в хрупкие экосистемы без понимания долгосрочных последствий. Предвидение автора об опасности неконтролируемого изменения экосистем звучит сегодня актуальнее, чем когда-либо.

Сильной стороной романа является его интеллектуальная глубина. Сложные идеи о времени, власти, экологии, эволюции, свободе воли изложены убедительно и смело. Помимо этого, хотелось бы отметить ярких персонажей. Лето II – очень сложный и трагичный герой. Его трансформация просто шедевральна. Алия, Ганима, леди Джессика, Стилгар, Дункан Айдахо – все персонажи получают мощное развитие и глубину. Проза Герberта здесь особенно богата: поэтична в описаниях пустыни, резка и афорична в диалогах и внутренних монологах, напряженна в сценах действия и интриг.

К минусам (или скорее особенностям) я бы отнес высокий порог входления. Книга абсолютно несамостоятельна. Без глубокого знания «Дюны» и особенно «Мессии Дюны» она будет непонятна и, вероятно, неинтересна. Плотность философских размышлений, внутренних монологов и политиче-

ских маневров может замедлить темп для некоторых читателей. Этот роман не про динамику. Тон книги крайне мрачен и безысходен в большей своей части. Герои страдают под грузом невероятной ответственности и видений ужасного будущего. Да и сами идеи «золотого пути», борьбы с предопределенностью могут показаться слишком абстрактными или метафизическими для любителей «приземлённой» фантастики.

Итог: «Дети Дюны» – эпический, интеллектуально насыщенный и эмоционально тяжёлый роман. Фрэнк Герберт создает мощное повествование о цене власти, ловушках предвидения, экологической ответственности и мучительном поиске пути для выживания человечества. Роман требует усилий, погружения и осмысления, но вознаграждает читателя глубиной, мощными идеями и яркими образами.

Алексей Севериан

13 сентября:

Ольга Токарчук – полька с украинскими корнями, лауреатка Нобеля и Букера, левая активистка и любительница Юнга. Живет в приграничье с Чехией, где и развернулось действие детектива *«Веди свой плуг по костям мертвцев»*.

Янине шестьдесят, она влюблена в поэзию Блейка и астрологию. Один за другим гибнут члены деревенского охотничьего клуба, она объясняет смерти местью животных. Под ее окнами кладбище, а дома хранятся копыта и кабанья щетина. Героиня верит, что однажды зверье воскреснет благодаря клонированию.

Токарчук поженила детектив, социальный памфлет и слегка утомительную декларацию экоактивизма. У книги есть должное напряжение.

С тайнами, разгадками, опровержением, истиной и прочим. Правда, ее Янина – сомнительная рассказчица, манипулирует знанием и своевольно трактует факты, что идет на пользу “детективности”.

Еще она выдает людям, скотине и вещам прозвища. Сосед – Матоха, лис – Консул, автомобиль – Самурай. Важные для Яники слова пишутся с заглавной буквы, к примеру, Животные, Недуги или Гороскоп.

На пару с безумием героиней движет ярость, естественная и понятная реакция на антигуманизм польского общества:

“<...> ответ порядочного гражданина на ситуацию, в которой все доступные способы действий против аморального закона уже исчерпаны и нужно предпринять что-то, выходящее за рамки принятого и одобренного обществом”.

Одномоментно гнев дарит силы переть танком на бюрократов и порождает насилие. Разумеется, полицейские с чиновниками бездействуют. Янина отчаявается, переступает закон и уходит в Беловежскую Пущу. Так Ольга Токарчук отрекается от роли судьи. Накажи она героиню, текст сразу приобретет нравоучительный посып.

Токарчук и Янина схожи во взглядах. Героиня – радикализированное альтер-эго писательницы. Обе считают присутствие человека в природе необязательным (не случаен и мотив аллергии, одолевающей героев). Еще обе любят приграничье, читай – свободу:

“<...> иногда мне нравилось переходить ее специально. <...> Это доставляло мне удовольствие, поскольку я помнила времена, когда такое было невозможно. Я люблю преодолевать границы”.

Обе помнят социалистическое прошлое, они погодки, феминистки, и вообще, гражданки с особой этической парадигмой.

Янину ведет магическое мышление в форме астрологических гаданий. В гаданиях я слаб, и Сатурны с асцендентами для меня пустойзучны. Думаю, в толковании абзацев, что напоминают страницы календаря Павла Глобы, и нет нужды. Важна оппозиция “мирское-магическое”. Враги говорят: “Мы – человеческая полиция”, “Мы здесь законно”, Янина отвечает: “На моей стороны были Сумерки” или “Как утверждал наш Блейк”.

В названии романа строка из «Пословиц Ада» Уильяма Блейка. Янина с учеником увлечены переводом его стихотворений. И поэт сопровождает персонажей от первой до последней страницы. Бунтарь, анархист, еретик и любитель внебрачного секса, – все про Блейка, от чего и считывается их близость с писательницей и героиней.

Слово юродивого либо обесценивают, либо считают за откровение – это один из ключей к восприятию «Веди свой плуг по костям мертвцев».

Зачем читать? Ради мышления героини. Безумцы без иронии, по-серъезке – редкое сочетание для восточноевропейской прозы.

Григорий Копейкин

Киностудия «Мосфильм» при работе над фильмом «Солярис» «для внутристудийного пользования и в экспедиции» для переписки использовала специальные бланки писем.

Виктор Язневич

После награждения создателей фильма «Солярис» специальным призом жюри кинофестиваля в Каннах Андрей Тарковский направил 07.06.1972 г. Станиславу Лему телеграмму. [Не путать Телеграмму (на английском и польском Telegram) с Телеграммом (на английском и польском Telegram). Родившиеся в XXI веке наверное и не знают, что это такое – телеграмма, как её отправляли и получали.]

Виктор Язневич

15 сентября:

Пока я работала над статьей про “Слоеный пирог”, то постоянно спотыкалась о небольшой, но невероятно раздражающий меня момент. Съемки фильма проходили с 24 мая по 21 июня 1968 года. А уже 17 августа состоялась премьера на польском телевидении. Впечатляющие сроки работы по сравнению с современными сериалами, которые берут два года перерыва между сезонами. Но речь не об этом. Речь о том, что дату 17 августа вы не найдете, например, в русской википедии, там стоит дата 17 марта. А в польской википедии на странице филь-

ма творится шизофrenia: в таблице наверху указано 17 марта, а в самом тексте написаны правильные даты. На разных киноведческих сайтах, польских и русских, тоже кто в лес, кто по дрова, но чаще всего встречается 17 марта. На кинопоиске и вовсе в графе год производства указан 1967. У меня есть гипотеза, что кто-то однажды вместо 17.08 написал 17.03, и с тех пор все пошли перепечатывать, не проверяя информацию. Но теперь я в сомнениях: стоит ли мне начинать малый крестовый поход, чтобы исправить это недоразумение на как можно большем количестве ресурсов, или махнуть рукой и оставить все, как есть? От этого никто не умрет и запуск космической ракеты не отложится, но как же раздражает!

Иннар Ис kennирова

Симфония предвидения

Получено экспериментальное подтверждение способности нейронов путешествовать во времени

Наш организм – это машина времени. Но она совсем не такая, как её описал Герберт Уэллс, а за ним и десятки других фантастов. Наше путешествие во времени – это тихий, непрерывный и невероятно сложный процесс предсказаний. Каждое мгновение мириады клеток внутри нас заглядывают в будущее, чтобы подготовиться к нему. Этот невидимый танец называется **опережающей реакцией** – величайшим даром эволюции, позволяющим нам действовать на опережение, а не просто отвечать на удары судьбы.

Когда атлет замирает на старте, его сердце уже бьется чаще, предвосхищая взрывную нагрузку. Когда мы видим аппетитное блюдо, наш желудок заранее начинает вырабатывать сок. Это и есть опережающие реакции: физиологические

и поведенческие корректировки, основанные на прошлом опыте для подготовки к будущим событиям. Это фундаментальный принцип жизни, выходящий далеко за рамки простой гомеостатической регуляции. Жить – значит предвидеть.

И этот дар – не эксклюзивная привилегия существ с развитым мозгом. Данные неумолимы: способность к предсказанию вплетена в саму ткань жизни. Бактериальные колонии предвидят истощение ресурсов и меняют свое поведение. Простейшие организмы «делают ставки» на наиболее вероятные изменения в окружающей среде. Жизнь, на всех своих уровнях, – это непрерывный акт прогнозирования. И недавнее исследование, опубликованное в *Nature Neuroscience*, добавляет к этой картине ошеломляющий и революционный штрих.

Эксперименты показали, что фигуры «больного» аватара (с внешними признаками ОРВИ), приближающегося в виртуальной реальности к человеку, достаточно, чтобы запустить каскад реальных иммунных реакций.

Представьте: угроза нереальна, она – лишь пучок света на сетчатке, но ваша иммунная система, армия ваших клеток-защитников, уже мобилизуется, готовясь к отражению инфекции (которой нет!).

Это не просто рефлекс. Это – прогностическая модель, построенная вами нейронами.

Этот результат – оглушительное эхо революционных идей биолога Майкла Левина о «разнообразном интеллекте» (DI) и «технологическом подходе к разуму повсюду» (ТАМЕ). Левин утверждает, что интеллект – способность решать проблемы – присущ жизни на всех масштабах, от молекулярных сетей до целых организмов.

И вот перед нами доказательство: нейронные и иммунные клетки кооперируются для решения сложнейшей задачи – оценки потенциальной будущей угрозы и превентивной подготовки к ней. Это разумность на клеточном уровне, действующая ради блага целого – вашего тела.

Более того, это открытие наносит сокрушительный удар по устаревшему представлению о нейроне как о простом вычислительном элементе, бездумном «переключателе» в гигантском компьютере мозга. Если нейронные ансамбли способны создавать такие сложные, иерархические и причинно-следственные модели будущего, то что это говорит об их отдельных компонентах?

Это означает, что мы должны перестать видеть в нейронах примитивные транзисторы. Они – сложные, компетентные агенты, которые вступают в динамичные коалиции для достижения общих целей.

Мы – не просто единый разум, обитающий в теле. Мы – это вселенная разумных клеток, триллионы путешественников во времени, которые каждую секунду совместно творят наше будущее. И осознание этого – первый шаг к пониманию не только нашего здоровья, но и самой природы сознания.

Мой вывод из всего вышесказанного прост и дерзок:

Мы – не только то, что делаем сейчас, но и то, что способны предвидеть. Жизнь сильна именно там, где опережает судьбу: учится на тени будущего и переформатирует себя до его ударов.

P.S. Но помните, что помимо вычислимой мозгом тени будущего, существует еще и его **невычислимая тень – серендиность!**

Сергей Карелов

Сделал вот такую книжку:

Джон Райт «Золотой век»

976 стр., твердый шитый переплет с тиснением и супербложкой, тираж 30 экз.

В одном томе вся грандиозная эпопея о далёком будущем – три романа и рассказ, с новыми иллюстрациями.

Произведения ранее выходили в разрозненных изданиях без картинок.

Содержание:

Книга первая. Золотой век, стр. 5

Книга вторая. Феникс Побеждающий, стр. 383

Книга третья. Золотая трансцендентальность, стр. 639

Приложение. Имена и эры, стр. 910

Рубеж времён. Сказание дней, Седьмую Ментальную Структуру оканчивающих, стр. 923

Сергей Соболев

16 сентября:

В космосе дальнем ликует флотилия,
В парке триassicком токует рептилия,
Мы же, в ночи от работы бессиляя,
С праздничным днем поздравляем Василия!

Вот попаданец штурмует Бастилию,
Тщится спасти королевскую лилию,
Тащит Рассею и мир к изобилию,
Мы ж с юбилеем поздравим Василия!

Вот супермен, прилагая усилия,
Ктулху заветные рвет сухожилия,
После чего наступает идиллия,
Мы ж поздравляем с полвеком Василия!

Во времена стыдобы и насилия,
Где и фантастика вянет, постылея,
Где от Колец не отиться Всесилия,
Мы, тем не менее, славим Василия!

Рифмы закончились, кроме «Бразилия»,
Мы все равно поздравляем Василия!

Николай Караев

Про «ФантЛабораторную работу»

Вообще, само по себе участие в конкурсах именно для улучшения писательских навыков я бы особо никому не рекомендовала.

Во-первых, приходится читать огромное количество слабых текстов, во-вторых, приходится читать большое количество плохой критики. Второе, конечно, не обязательно, но любопытство пересиливает (слаб человек:) Это познавательно, но утомительно, и требует либо повышенной любви к людям (включая критиков:), либо умения открыть в себе тролля и наслаждаться тем, как кто-то ушибается о текст и громко кричит:)

Тут есть интересная закономерность – художественное воздействие работает обычно «по модулю» (сила воздействия одна, но идет в «плюс» у своей аудитории и в «минус» у чужой). Совсем слабый рассказ просто никто не комментирует, достаточно яркий рассказ с энтузиазмом ругают многие, слабый, но попавший в ЦА рассказ интенсивно хвалят, часто – в тех же самых выражениях, в каких написан текст:)

Самый большой плюс всей этой движухи – возможность посмотреть на «массовый срез», что в среднем происходит у людей в головах, и как в среднем воспринимается какой-то троп. При всей консервативности НФ как жанра, наблюдать за этим увлекательно – потому что, как все массо-

вые жанры, дает срез эпохи и представление о том, какие элементы картины мира уже совсем ушли в прошлое, а какие, что поразительно, совсем нет. И так и торчат там с 19 века, а то и вообще с глубокой древности:))

Надо будет написать об этом подробнее:)

Марина Аницкая

Впервые я встретила Василия почти двадцать лет назад, в древнем 2007 году, в маршрутке, которая везла нас с харьковского вокзала в пансионат – на «Звёздный мост», мой самый первый конвент. Вася уже тогда был знаменит и велик(олепен), а с тех пор на нём этой знаменитости и величия наросло столько, что всего не перечислишь, так что не буду даже пытаться. Только посоветую всем срочно покупать его новую книгу про Раису и Аделаиду.

В 2007 году я говорила с густым одесским акцентом, так что непривычная столично-русская речь казалась мне довольно-таки уморительной. Но главное, что из своей лингвоотличности я чётко замечала разницу между речью питерской и речью московской. С тех самых пор Василий Владимирский для меня эталон всего питерского, всё в нём

питерско – и взгляд, и манера говорить, и саркастическая доброта.

На фото – и год не тот (а 2009), и место другое, и не сам Василий, а его двойник – летний, яркий и с улыбкой. Но это не помешает нам поздравить Васю с тем, что он стал наконец взрослым по всем, даже самым строгим, метрикам.

К.А.Терина

17 сентября:

«ФантЛабораторная работа»: герои нашего времени

Это ужасно интересно, потому что темой конкурса не задавалось. Но витает в воздухе:)

Преобладают герои с кризисом идентичности/менталочками:

- герой не знает, кто он;
- у героя ложные воспоминания;
- герой хочет принадлежать к одной цивилизации, а принадлежит к другой;
- кто-то порабощает волю героя с помощью технологий/магии;
- герой уверен, что он человек, а он НЕХ;
- герой в депрессии (с выгоранием, с множественной диссоциацией личности, в старческом маразме);
- герой борется с иллюзиями, но сам часть иллюзии;
- герой сходит с ума/теряет память;
- вокруг героя кто-то сходит с ума/теряет память.

И тут возникает самое смешное! Если все это не происходит с героем, то именно это герой делает с окружающими:

- перезагружает реальность, чтоб «все стало как надо»,
- стирает память себе или окружающим;

– меняет окружающих с помощью технологии;
– превращается в НЕХ.

И есть ровно один прелестный рассказ (<https://fantlab.ru/work2197712/read>), где все это происходит одновременно – «бабушка баражлит», внук продает ей ее собственные детали, деталей на всю семью не хватает и в порядке сервиса их приходится переставлять из папы в бабушку, но все это не ужас и трагедия, а мелочи быта.

В результате получилась этакая антитеза «Электрическое тело пою» Брэдбери (не электронная бабушка ухаживает за всеми, а ей самой нужен уход), близкая к Булычеву – странноватая семья из будущего вполне счастлива, и это норма.

И это чуть ли не единственный рассказ, который выглядит искренне оптимистичным. Сюжета в нем почти нет, но атмосфера хороша. Про деменцию сложно написать, не скатываясь в трагизм и безнадегу, а тут у автора получилось.

А про то, что происходит с хэппи-эндами в большинстве рассказов, надо тоже отдельно:)

Марина Аницкая

В далёком 2011 году, когда моя дочь Вероника ещё не родилась, а я была совсем-совсем начинающим детским писателем – автором одной книжки, выпущенной Издательским Домом ФОМА в серии «Настя и Никита» – «Зимней сказки», я прочитала про конкурс от одного московского издательства. Конкурс текстов для детей младшего и среднего школьного возраста об их ровесниках, попавших в прошлое. Так появилась моя повесть «Русалкин камень». История про десятилетнего мальчика Даньку, живущего обычной жизнью с мамой и папой в городе Петербурге начала нулевых. Папа у Даньки – геолог, каждое лето уезжает «в поле». Данька скучает без него и ждёт возвращения.

Отец – не просто самый любимый пapa, он ещё умеет рассказывать захватывающие истории. Например, о камушках, которые привозит на память из каждого места, в котором побывал. Данька уже давно не верит в сказки, но в легенды о камнях немного верит. В них трудно не поверить и очень хочется. И вот из-за одного из этих камней, сбывшейся легенды и сложившихся обстоятельств Данька сперва уезжает из дома в гости в маленький приграничный город, а потом оказывается в 1943 году. И начинается совсем другая жизнь.

«Русалкин камень» – это повесть про людей, которые в любых обстоятельствах остаются людьми, о том, во что веришь или не веришь и как оно меняет твою судьбу, о дружбе, о храбрости. И о диверсантах. И о памяти.

В шорт-лист конкурса повесть тогда не вошла, я её переделала в рассказ и отправила в журнал «Костер». Там её опубликовали в 5-6 номере за 2012 год с иллюстрациями Ольги Граблевской. Это было большой радостью для меня. А в 2013 году публикация получила диплом «Костра» в номинации «Премьера книги».

С тех пор прошло двенадцать лет.

А совсем скоро в издательстве «АСТ. Малыш» выходит полная версия повести, которая ещё нигде не была опубликована. И уже открыт предзаказ в «Читай-городе».

Вот такая история с любимым тегом #прокнижное.

Екатерина Каретникова

Британские учёные (а ещё японские и американские) сделали важное открытие: аниме от Миядзаки увеличивает ощущение счастья и помогает бороться со стрессом и депрессией! А игры с открытым миром, вроде Breath of the Wild, так и вообще

повышают уверенность в себе и придают чувство цели в жизни.

Впрочем, мы-то это знали и раньше!

Мир фантастики

Объявлен лауреат престижной фантастической премии «Станислав Лем», которая вручается сербским (а не польским, как можно было бы предположить) писателям за достижения в области фантастики. Премия существует более десяти лет и победителями становились такие классики сербской

фантастики, как Зоран Живкович, Горан Скробонья, Ото Олтвани, Илия Бакич, Филип Давид... В этот раз победил Адриан Сарайлия (1976 г. рождения), известный произведениями в жанрах магреализм, хоррор и НФ. Сарайлия автор двух сборников рассказов и нашумевшего романа «Зеркало для вампира», входившего в шорт-лист главной литературной премии Сербии – НИН. Приз будет вручён победителю в октябре. Знаю, что раньше этим призом были хорошие швейцарские часы. Вручают ли их сейчас?

Вертер де Гёте

Хотела рассказать сразу о двух грядущих публикациях на английском, но пока ждала договор для второй из них, первая уже случилась и стала настоящей! Внезапно и стремительно улетаем прочь от Земли на StarShipSofa (<http://www.starships sofa.com/blog/2025/09/17/starships sofa-765-k-a-teruna/>) в компании с прекрасной Tahereh Safavi. За этот полёт отдельное спасибо Алексу Шварцману и Нику Маматасу.

Рассказ называется Эrrата. В 2023 году The Errata вышла в Asimov's в переводе, конечно же, Алекса Шварцмана, а сегодня случился её очередной репринт, точнее ренаррэйшн – и новый виток жизни в новом формате. Для меня Эrrата уникальна двумя вещами. Во-первых, первая публикация этого рассказа была на китайском (в 2022 году), а во-вторых, рассказ этот основан на одном из самых дорогих мне эпизодов детства.

Мне было 11 лет, и за пару недель до Нового года я сломала ключицу. Мне грозила новогодняя ночь в травме с лежачими детьми, но мама, вопреки воле докторов, меня забрала, и обнаружила, среди прочего, что в больнице за мной недосмотрели, так что прямо от новогоднего стола к нам гнал на такси её приятель-хирург, чтобы изучить осложнения от колец Дельбе (специального приспособле-

ния, которое вместо гипса используется при переломе ключицы) и принять решение, можно ли их снять. Кольца сняли (шрамы от них у меня есть до сих пор), и ещё несколько недель мне были запрещена любая нагрузка на верхнюю половину тела. Вставать и ложиться самостоятельно было нельзя. Мама или бабушка поднимали меня или укладывали. Ещё несколько месяцев я спала на доске.

Тот новый год я должна была встретить лёжа на диване рядом с семейным новогодним столом. Но в каком-то гороскопе мама вычитала, что овнам в моём лице никак нельзя встречать Новый год дома в кругу семьи, иначе не будет им никакого счастья. Под бой курантов мама накинула на меня пальто и вывела в подъезд, где мы и встретили Новый год вместе с ней.

«Эrrата» – совсем немного обо мне, но больше – о моей маме – не о том, какой в точности она была, но о том, какой оно могла бы стать при иных обстоятельствах. И о наших девяностых, из которых мы выбирались сложно и болезненно, но всё же как-то выбрались и выжили.

К.А.Терина

18 сентября:

«ФантЛабораторная работа»: про любовную любовь

Что прям бросилось в глаза – «хороший конец» и «плохой конец» в сюжетах «про романтику» выглядят совершенно одинаково:)

В мужском варианте это реализация классического тропа «Маниакальная девушка-мечта»: есть Он (у него все плохо), есть Она (распрекрасное воплощение вечной женственности АКА «бабочка крыльшками бяк-бяк-бяк»). Он воссоединяется

с Ней (даром, что она уже мертвенькая), восторг, экстаз, затмение.

В женском варианте это совершенно симметричный сюжет «В мире бездушных фаллоимитаторов Она встретила Его, они Поцеловались и Исчезли С Этого Плана Бытия».

При этом сюжеты совершенно равнозначны, воссоединились=померли, померли=воссоединились.

С точки зрения классической волшебной сказки это вполне объяснимо – что смерть, что свадьба представляют собой «инициационную смерть», когда один этап жизни заканчивается навсегда, и начинается другой. А, поскольку фокус авторского внимания находится на «я задолбался и так больше невозможно», то совершенно нет разницы, как именно это «невозможно» закончится. Тем более, что будет дальше, автор представить себе не может – и, соответственно, и не пишет:)

Марина Аницкая

Маркус Зоргенфрей и Тайная комната

Ладно, про гримуар из елизаровской «Юдоли» и палец пионера пошутят и без меня, как и все прочие сообразные моменту шутки-самосмейки про Драмеону и далекие радуги.

Новый том оказался на удивление беззубым – то ли автор все еще наслаждается произведенным в прошлом году эффектом, то ли в целом подустал, то ли наблюдаем ретардацию в прямом эфире и в следующем году календарь перевернем, а там 4 сентября вместо 3-го. Или вышел на плато. А че мы ему сделаем? Он в другом таере.

В очередной раз обнулившийся цифровой оперативник Маркус Зоргенфрей под прикрытием отправляется в очередную симуляцию, как и в предыдущих частях, явно предполагавшихся как троек-

нижие («A Sinistra», заметим, уже пятый том и третий – для Маркуса, но вселенная Трансгуманизма все еще держит пиво веркинской восьмитомной провинциальной трилогии).

Из чресл враждебных под звездой злосчастной Маркус возрождается в Венеции XVI века и без вазелина врывается в чернокнижный заговор «Левого Пути» в антураже «Ромео и Джульетты». В ходе расследования преступлений элитарного бутика, обслуживающего пикантные интересы политиков и банкиров, по наущению гримуара, практически как Джени Уизли, читающая дневник Тома Реддла, и велению души законспирированный Марко вершит всякие непотребства и увлекается излишествами нехорошими. Что, разумеется, необходимо для дела. Да и время такое. Времен, впрочем, несколько: что ли зря наступило посткарбонное будущее с его виртуальными возможностями.

При всей сдержанной на скандальные твисты интонации не удалось избежать сексуальных практик, в том числе с куклами. Но похожи эти экзерсицы скорее на блекловатые, зацензуренные текущей действительностью стилизованные байки на полднике в доме престарелых. Обошлось и без нейро-страпонов. Вообще без многого обошлось, и даже интерлюдии с обязательными диалогами наставника и ученика, то есть беседами адмирала Ломаса, которому Маркус отчитывается об этапах оперативно-разыскной деятельности, похожи на чуть передержанное в кипятке мясо кальмара – жестковато, как будто нет былой экзотической усвояемости, но все еще с оттенками «Чапаева и Пустоты» и поисками божественного начала.

К слову о духовном поиске и хождению в глубины самопознания – в этот раз ПВО, кажется, чаще всего опирается на «Священную книгу оборотня» (для тугуумов вроде меня упомянута лиса на

велосипеде и прочее). Протагонист ближе к финалу (довольно изящно написанному на самом деле) должен прийти к нехитрому выводу о том, что все есть любовь и она никогда не перестает. Но есть и несколько нюансов, которые придется во имя агапэ животворящего преодолеть (это что же, Саша Орлова из «Непобедимого солнца» томно вздохнула за кадром?). Придет ли – покажут отзывы читателей.

За островок стабильности также отвечает явление полюбившегося конспирологам Шарабан-Мухлюева, буквально камео:

– Подождите, – сказал я. – Насколько я помню, Шарабан-Мухлюев самнейросетевой конструкт.

– Я в это не верю, – ответил Ломас. – Ни однанейросеть не способна на такой градус мизогинии. У них блок. Это рука классика, сомнений нет. Такое не подделать, как звездную ночь у Ван-Гога.

«Тут не декаданс, а болезненная суетливость», – говорит один из персонажей и сложно не согласиться. При этом сцены магических боевок и провалы в диалоги с лондонским олигархом Деньковым не лишены динамического обаяния. Что-то вроде знаменитого интервью, которое большинство из нас знает по мемам. Сомнительно, но окей. ©

Анастасия Шевченко

«Кибердеревня» заслуживает куда большего, чем пара абзацев, но лучше так, чем никак. И, да, я традиционно посмотрел ее – первый сезон – позже всех, в августе только. Но тут как раз грядет второй сезон, так что, может, и правильно.

Есть мнение, что при тоталитаризме тем, кто не хочет восхвалять тоталитаризм и идти путем (как писал Ходасевич о Брюсове) *ad gloriam regnorum*, «к славе через жопу», возможно преимущественно писать и снимать нейтральное вранье. Ну там – «праздные разговоры деловитых женщин»,

девочковые романы, детективы, где все сосредоточены на борьбе с локальным злом (это ведь при любом режиме надо делать), всякое вневременное, внесистемное, заведомо ненаказуемое. Выразительно молчать как бы. (Стучу по клавишам и с ужасом думаю, не куда-то ли туда последние книги Виктора Пелевина.) Отсюда, например, такое бездарное зрелище, как «Очевидное невероятное». Спору нет, у подобного искусства имеются полезные терапевтические функции. Как и у любой сказки, которая бальзамом ложится на травму души. Но можно ведь сделать и куда больше.

И вот «Кибердеревня» – это «куда больше». То, что начиналось с шуточных «березкопанковских» роликов, которые отличались не только милым юмором, но и пониманием, как работать с детализацией фантастического мира (намек: пересмотрите с этой точки зрения «Звездные войны», первую трилогию, чьи уроки создатели «Кибердеревни» усвоили на отлично; хорошо детализированный мир не должен и не может быть гладким, чистым, выписаным широкими мазками, с иголочки, без нюансов; даже то, что мелькает в кадре полсекунды, надо сделать как в жизни, то есть со смыслом, подробностями и скрытой историей; в идеале вы должны уметь рассказать именно что историю – вписанную в мир – не то что каждой локации, а каждого предмета, каждой семиотической единицы), – так вот, то, что начиналось в форме как бы бездумной, но прекрасной игры, вылилось в крутейшую масштабнейшую сагу, которая под конец перешла еще и в антиутопию.

Оказывается, можно, да? Можно – и неглупо, и точно, и из всех доступных художнику орудий. Чтобы и полноценное произведение искусства получилось, и нестыдное мощное высказывание. И на всех уровнях – от эстетического через

политический до этического. Причем без злого глу-
ма – с сочувствием и состраданием. И герои чтобы
не картонные, и у всех – от марсианского фермера
и безжалостного олигарха до виртуальной жены
менеджера и его живой секретарши – были свои
истории, очень человеческие, проигрывающие раз-
ные психологические кунштюки. И локации чтобы
разные, умные, продуманные и отсылающие вдо-
бавок к реальности, от марсианской пустыни, ле-
дяных шахт Плутонушки и космической станции
«Родина» до вещевого рынка и триумфа стимпан-
ка, подсанкционной Цереры. И чтобы аллюзии на
«Дюну» и всякое-разное. И чтобы сквозной сюжет –
как приключаются тот самый фермер и попавший
в тело робота олигарх в попытках вернуть олигар-
ха в его тело. И чтобы при этом мы увидели лозунг
«Мы церерские, с нами Бог!», а последняя серия на-
зывалась «Пу-пу-пуу», и одна героиня там говорит:
«Я не хочу, чтобы вы все время жили как на войне!
Иногда надо просто признать поражение и жить
далше!»

Всё можно сделать с отличным результатом.
Если постараться. И понимать, что ты делаешь, –
и хотеть сделать ровно это. И, само собой, если
у тебя есть что сказать, есть пресловутые ценности
и позиция, если ты не амеба внутри. В принципе
«Кибердеревня» ближе всего, что сейчас делается,
к книгам Стругацких, и не только по охвату уров-
ней повествования, и не только по сочетанию
юмора, кафки и трагедии, но и по посылу. Герой,
фермер, снова и снова выбирает из всех решений
самое доброе. Не может иначе. Плюется, ругается,
но – только так.

Николай Караев

кажется, я не постила сюда эпическое полотно
из далёкого 2020 года

а ведь это один из любимейших мышкоэпизодов
пока мир уничтожен, мышктябрята неплохо
проводят время в мышсаду

К.А.Терина

Вспомнилось, что советских фантастов Чет-
вертой волны, особенно фантастов с социальным
уклоном, тех, кто любил в художественной форме
на серьезных щах порассуждать «как нам реорга-
низововать Рабкрин», сильно волновала проблема
накопления ошибки. Это в общем неизбежно –
когда в приоритете не производство конкуренто-
способного продукта, а отчет перед начальством
и медийная картинка. Главное – соответствовать
ожиданиям вышестоящих товарищей, иначе не по-
лучишь плюшек: важно запустить такие-то мощно-
сти, наштамповывать столько-то штук Изделия к юби-
лею Октября с такой-то экономией материалов. Что

Изделие корявое, некомплектное, собрано из бракованных деталей, которые держатся на соплях, уже дело десятое: кто жалуется на лучшие в мире советские телевизоры и холодильники, машины и квартиры – тот поет с чужого голоса и льет воду на вражью мельницу. Обратная связь не работает, начальство слышит только то, что хочет слышать – и браво отчитывается о достижениях перед еще более высоким начальством. Потому что там тоже плюшки за выполнение плана и шишки за невыполнение, на всех уровнях вплоть до ЦК. Но потом Потемкинские деревни начинают складываться, как карточный домик, и тут уже как ни тасуй партноменклатуру, сколько ни сажай некоторых директоров отдельных предприятий – все, крындец. Дефицит, талоны, инфляция. Неисправимая системная ошибка.

Об этом писал Рыбаков, немножко писали Лазарчук, Геворкян, Владимир Покровский. Используя метафоры и аллегории, конечно, «чтоб никто не догадался». Но мне, конечно, ближе те советские фантасты, что саркастически отражали абсурд и гротеск вот этого всего, а не копались в первопричинах – Борис Штерн, супруги Лукины и самый ядовитый из всех, Михаил Глебович Успенский. Сейчас перечитываю его раннее – прямо ностальгия пробирает. Или какое-то другое похожее чувство.

Василий Владимирский

Ну и к слову о дайджесте ключевых событий, традиционно зашитом в нового Пелевина. Ничего из ряда вон не происходит как будто уже несколько итераций подряд с временем «S.N.U.F.F.», или я не очень внимательно слежу за нюансами повестки. Но утром провела занятную параллель, вряд ли из категории тех, что имел в виду создатель.

В новостях периодически всплывает история в стиле 15 выпуска «Ну, погоди» (там, где Волк под

разными личинами пытается прорваться на концерт в Дом культуры, но вахтер в форме старорежимного пожарного раз за разом выкидывает его на улицу): утилита некого банка, именованного буквой, сокращенной от полной фамилии одного там мемогенерирующего олигарха, ныне иноагента, маскируется то под трекер рыболова, то под учет и контроль надоев, то еще под что-то, но бдительный апистор раз за разом распознает подлог. В «A Sinistra», где упомянутый олигарх законспирирован не слишком затейливо, персонажи носят маски с эффектом той, что нашел в одноименном фильме Джим Керри. Пока некоторых из них выпиливают из магазина венецианских мобильных приложений, претерпевший в жизни всякое и обосновавшийся в Лондоне олигарх причиняет главному герою фрагменты сермяжной мудрости. На радостях в комментариях в дружественном треде даже легендарный стикерпак по мотивам интервью расчехлила. Но это уже история про жизнь текста после смерти автора, пожалуй, не про совпадения и анализ действительности.

Анастасия Шевченко

19 сентября:

**«Бегущий человек», Стивен Кинг
(АСТ, пер. Виктора Вебера, 2012, 18+)**

Обратный отсчет...

...5. 2025 год. Мир в романе Кинга – гигантская ловушка. Экология уничтожена, у большинства людей нет работы. Власти избегают бунтов с помощью бесконечных телешоу – аморальных и смертельно опасных. Этот роман – беспощадная, яростная антиутопия.

...4. Дочери Бена Ричардса полтора года. У нее грипп. Нет лекарств, врача, нормальной еды.

И Бену негде на это заработать. Поэтому он едет на кастинг. В проекте «Бегущий человек» ему нужно выживать за 30 дней в США, пока его ловят Охотники – профессиональные убийцы. Тот, кто увидит Бена и сдаст, получит вознаграждение. Тот, кто поможет ему – пулю.

...3. Бен бежит от Охотников, но они следуют за ним всюду... Стивен Кинг создает напряжение, от которого забываешь, как дышать. И кажется, что за тобой кто-то идет по пятам, смотрит через стекло и вот-вот нападет.

...2. Любовь, дружба, знания – вечные ценности Бен несет в сердце и находит в нищих кварталах. Мой любимый персонаж – молодой бандит Бредли, который пробирается в библиотеку тайком – туда попасть нелегко! – и узнает правду об устройстве мира.

...1. Сможет ли Бен бросить вызов создателям «Бегущего человека»? Ответ – в романе, который уже был экранизирован в 1987-м, и скоро получит новое экранное воплощение. Пугающий образ 2025-

го и непримиримый герой уже ждут вас на страницах книги.

Даша Кельн

«Отравленные Земли», Екатерина Звонцова.
Изд. Эксмо

Герард ван Свитен, придворный врач императрицы Марии Терезии, прибывает в маленький городок на границе, чтобы развеять слухи о вампирах. И, в лучших традициях классической готики и современного хоррора, оказывается втянут в посторонние дела, связанные, кто бы мог подумать, с реальными вампирами. Старому ван Свитену, правда, куда сложнее будет принять новую правду о мире, чем сразиться с кровопийцами и духами; которых, может, и не было вовсе. Команда по спасению мира – ладно, Австрии, – набирается великолепная: странный молодой священник, местный врач и авантюрист-монстроборец. Тут, пожалуй, стоит напомнить, что у «Отравленных земель» реальная историческая подоплека – ван Свитен действительно отправлялся в городок Каменную Горку развеять слухи об оживающих мертвецах. И стал прототипом ван Хельсинга. Этот миф автор и обыгрывает – сдабривает историческим контекстом, психологизмом и литрами крови, пролитой за столетия.

В отличие от другого австрийского исторического романа Звонцовой, «Писем к Безымянной», этот изящно балансирует между классикой и современностью: он ажурный и нерасторопный, но в то же время динамичный и пугающий. Автор то позволяет вниманию читателя раствориться в мыслях и рефлексии старого ван Свитена, то напускает ночного тумана, в котором слышно собственное сердцебиение, чувствуется чье-то присутствие за спиной. Есть в этом романе нечто хичкоковское –

саспенс, не дающий расслабиться ни на миг. Рассказчик здесь ненадежный, вся история записана с его слов: перед читателями эпистолярный роман из тринадцати дневниковых записей ван Свитена. А когда герой то в обморок падает, то проводит бесконные ночи, уже не понимаешь, чему верить, чему нет. Звонцова умело водит за нос, сперва наводя на мысль об абсолютной историчности и реалистичности происходящего, а после бросая в лицо неопровергимые факты мистики. Ведь за официальными отчетами, по которым мы знаем о поездке ван Свитена, может таиться что угодно – это поле для писательских экспериментов. Звонцовой эксперимент удается: книга получается жуткая, проникновенная и увлекательная. До конца не можешь дать очевидного ответа на пресловутый вопрос: «так как же все было на самом деле?». Да и набор колоритных персонажей – от местных чиновников до прикладывающихся к бутылке местных же врачей, – здесь тоже двоякий. Не в том смысле, что в каждом видишь то предателя, то вампира. Хотя и это тоже. А в том, что каждый второстепенный герой здесь как бы одновременно существует и вну-

три готической традиции, и вне ее; он – функция сюжета и антуража, и он же – трагичный персонаж, сын своей эпохи.

«Отравленные земли» – практические новый «Дракула» в стилистике Гильермо дель Торо, исторический триллер о силе долга и суеверий, о борьбе с тьмой разного порядка: древней, как тени у костра, и общественной, рождающейся из предрассудков. Звонцова, а вместе с ней и ван Свиттен, пытается разобраться в природе зла, творимого человеческой и ничьей иной рукой – ведь земля, где веками проливалась кровь, взывает к мести. Кровоточат часовни и людские души. Тьма зовет – как не поддаться ее зову? Или стоит сказать ей «да»?

Денис Лукьянов

Я почему вспомнил об Эдгаре По (хотя, я всегда о нем помню, конечно): наткнулся на список «8 хоррор-сериалов, которые лучше книг, по которым они сняты» (вот такое громоздкое название с двумя «который» подряд) от MAXIM.

В разделе о сериале «Падение дома Ашеров» сказано: «но все же роман «Падение дома Ашеров» – это довольно беззубый по нынешним меркам готический ужас... Соединив рассказы и романы Эдгара По в одну историю о семье Ашер, сериал дал образам контекст и вес».

Как известно, законченный роман у Эдгара По только один, и это не «Падение дома Ашеров» (совсем небольшой рассказ). Возможно такая опечатка, следствие дискриминации, который подвергается в последнее время такая литературная форма как рассказ. Понятно, на них читателя подсадить сложнее. Обидно мне за рассказы, люблю я их. Был у меня несколько лет назад проект на Фантлабе «666 страшных рассказов», я его так и не закончил, приостановил. Меня до сих пор спрашивают

о продолжении. Вот, думаю, может быть возобновлю в телеге что-то в этом роде.

Вертер де Гёте

Стивен Кинг «Девочка, которая любила Тома Гордона»

Жанр: Триллер/реализм

Оценка: 8/10

Стивен Кинг, мастер многослойного ужаса, в 1999 году представил миру не совсем типичную для себя работу. «Девочка, которая любила Тома Гордона» – это не хоррор об одержимых машинах, клоунах-убийцах или апокалиптических угрозах. Это камерная, интенсивная и глубокая история о страхе, воле к жизни и силе человеческого духа, упакованная в форму напряжённого романа выживания.

Сюжет до гениального прост: девятилетняя Триша Макферленд во время похода с матерью и братом отходит от тропы, чтобы справить малую нужду, и всего через несколько шагов в сторону теряется в бескрайних лесах штата Мэн. Все, что у нее есть – это одежда на себе, крохи еды в рюкзаке и портативный плеер с радиоприёмником, настроенным на трансляции матчей любимой бейсбольной команды «Бостон Ред Сокс» и ее кумира, пинчера Тома Гордона.

Весь последующий сюжет – это история ее десятидневного скитания по лесу. Кинг детально, почти дневниково, описывает каждый шаг, каждую выпитую каплю воды из ручья, каждую съеденную ягоду, каждую ночь, проведенную в холода и страхе. Но именно эта простота и монотонность и создают невероятное напряжение. Мы не ждём здесь появления классического монстра Кинга (хотя он здесь и присутствует). Главный антагонист здесь – не таинственный Зверь, а сама природа: безразличная,

холодная и смертельно опасная. А также собственный нарастающий голод, жажда и истощение.

Триша – отлично проработанный персонаж. Она не супергерой, а обычна, даже немного неуверенная в себе девочка из не самой счастливой семьи (ее родители в разводе). Ее сила рождается из слабости. Страх – ее постоянный спутник, но она учится им управлять. Главным оружием Триши становится плеер. Голос спортивного комментатора, рассказывающего о победах Тома Гордона, становится ее якорем в реальности, метафорой ее борьбы. Том Гордон для нее не просто спортсмен, а воплощение того, кто приходит в концовке матча под давлением тысячи глаз и делает свою работу, не сломавшись под грузом ответственности. Она проецирует эту метафору на себя: чтобы выжить, нужно бороться, даже под грузом обстоятельств. Ее внутренний монолог и диалоги с воображаемым Томом Гордоном – отличная прорисовка работы психики, цепляющейся за любую соломинку, чтобы не погрузиться в безумие. Мы видим, как детский ум под давлением невообразимого стресса взрослеет, закаляется и находит недетскую стойкость.

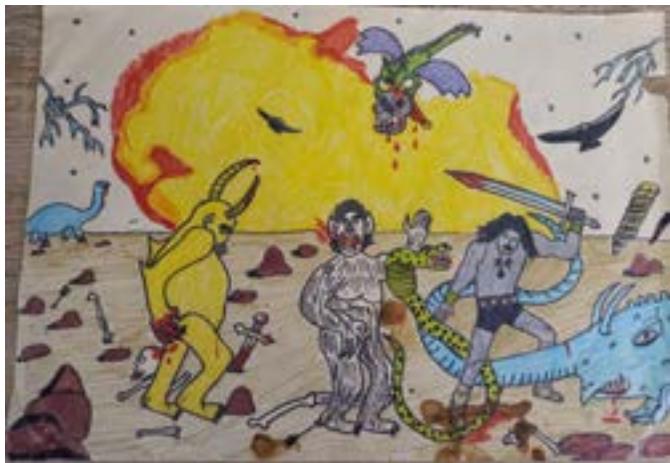
Хотя роман позиционируется как реалистичная история выживания, Кинг все же вплетает в нее элементы сверхъестественного ужаса. По мере того как силы Триши иссякают, а голод и лихорадка делают свое дело, она начинает ощущать, что за ней по лесу следует Зверь – неоформленное, кровожадное, зловещее существо из тьмы. Главная загадка книги – существует ли Зверь на самом деле, или он является порождением ее больного сознания, физическим воплощением ее страха и отчаяния. Книга оставляет этот вопрос открытым. Эта двусмысленность – однозначно один из плюсов романа. Зверь становится идеальной метафорой того внутреннего демона, того голоса, который шепчет: «Сдавайся, ложись и умри». Борьба Триши с этим существом – это кульминация её борьбы с самой собой.

Кинг меняет свой обычно богатый и многословный стиль на более сухой и целенаправленный. Описания леса повторяются, подчёркивая монотонность и безысходность пути Триши. Мы физически ощущаем сырость, холод, боль, зуд от укусов насекомых, вкус ягод. Атмосфера паранойи и нарастающего безумия передаются и через звуки: треск веток, шелест листьев, отдаленный вой (зверя или ветра?), и, как противовес, – уверенный голос из плеера, который становится ее единственной связью с миром людей и рассудком.

Итог: «Девочка, которая любила Тома Гордона» – это история не о монстре в лесу, а о монстре внутри нас и о том, как найти в себе силы его победить. Это гимн стойкости человеческого духа, рассказанный через образ одного ребенка. Книга показывает, что настоящий ужас часто бывает тихим, личным и гораздо более реальным, чем любая сверхъестественная сущность.

Алексей Севериан

20 сентября:

Сам я познакомился с Конаном в детстве – благодаря обложке польского сборника Говарда «Dolina grozy». Самой книги у меня не было, я понятия не имел, кто такой Говард и кто изображён на картинке (а это, видимо, Конан), но обложка Тадеуша Лучайко с черепом и всякой жестью меня очаровала. Я даже нарисовал фломастерами свой вариант. Картинку увидел одноклассник и рассказал в школе, что я хорошо рисую, хотя я рисунка стеснялся и уже тогда понимал, что он ужасен)). Храню его до сих пор (изорванный и залитый кофе) – как память)).

Потом уже – из книги «Голливуд и политика» – узнал я о существовании прославляющего «культ грубой силы» фильма «Конан-варвар» и увидел фото актера с бицухой больше моей головы (я сомневался даже – не монтаж ли это). А первой книгой с Конаном стал белорусский сборник «Час дракона». Примерно в то же время я посмотрел и фильмы со Шварцем. Из сборника мне, кстати, больше всего понравился рассказ «Голуби из ада», к Конану отношения не имеющий.

Вертер де Гёте

Что страшнее: древнее зло или человеческое равнодушие?

Отзыв о романе Константина Образцова «Культ»

Самое страшное зло приходит не из древнего склепа или темного леса, а рождается в сердце обычного города. Из трещин в асфальте детских площадок, из пустых бутылок в рюмочных, из молчания родителей, слишком уставших, чтобы спросить «как дела?». Оно начинается не с ритуала, а с простого, отчаянного желания быть услышанным – хоть кем-нибудь. И когда этот зов остается без ответа, на него откликается нечто другое.

О чём книга

Далекий северный город. Город, погруженный в дремоту серых будней. Его жизнь однообразна и тосклива: и на ржавеющих старых заводах, и в удушливых рюмочных рабочих окраин. Повсюду лишь беспросветная сырость моря. Повсюду неотвратимость надвигающейся осени...

Так было за миг до того, как Зло, безлиое и безымянное, вторглось в это полусонное полу-существование. Теперь оно безраздельно царит на пустынных улицах, пробуждает темные страсти, рождает страх и ненависть.

В чем первопричина всех этих проклятий? В древнем капище, найденном на окраине рядом с морским побережьем? В детских играх, случайно пробудивших темные силы? А может быть, в странной паре, прибывшей в город незадолго до того, как все погрузилось в хаос – в этом крепком выбритом на лысо мужчине, когда-то называвшем себя Инквизитором, и молодой черноглазой женщине, которая теперь называет себя Кариной...

«Реальность порой страшнее любых фантастических чудищ, а иногда она их порождает».

Мнение о книге

Сюжет

События «Культа» продолжают линию «Молота ведьм»: Карина и Инквизитор оставляют прошлое за спиной и переезжают в тихий городок. Но это спокойствие лишь ширма: в тени улиц и школьных дворов зреет новая беда.

В романе две сюжетные линии: дети, безобидный поступок которых пробуждает абсолютное зло, и уже знакомые герои, которые пытаются разобраться в происходящем. Эти линии пересекаются, но в основном прядут собственный узор, и только в конце переплетаются в единое полотно.

Этот роман самый сбалансированный в серии. Первая книга – взрывная смесь жанров, вторая начиналась как жестокий, реалистичный триллер, но ушла в мистику. А вот третья книга – от начала до конца мистический роман по канонам Стивена Кинга: обделённые вниманием дети, зловещая потусторонняя сила и угнетающая реальность, которая всегда рядом.

«Не думай, что то, что называют добром, глухо к человеческому зову. На самом деле оно откликается каждый миг, всегда старается быть рядом с нами: когда мы просыпаемся утром, когда благополучно приходим домой после трудного дня, когда счастливо избегаем бед – и тех немногих, о которых знаем, и неисчислимых, других, о которых нам неизвестно, но которые могли бы случиться... Просто люди куда чаще зовут Её, чем Его, вот Она и приходит – ничего не поделаешь».

Персонажи

Прошлое главного героя не осталось позади: болезнь тенью тянеться за ним, и борьба идёт не только с чудовищами снаружи, но и с темнотой внутри. Этот надлом делает героя реальным – слабость персонажа превращается в глубину.

Особенно сильной получилась линия подростков. Их куль – игра во взрослых и отчаянная попытка заполнить пустоту, оставленную равнодушiem окружающих. Каждое действие героев вырастает из обиды и жажды признания. Реалистичный ход.

Стиль и атмосфера

Константин Образцов снова мастерски создаёт вымышленный мир. Он рисует его улицы, природу, ключевые места и привычки жителей так, что город становится почти самостоятельным персонажем. Газетные вырезки, чужие воспоминания, детали из уст героев складываются в многоголосый хор. И если прислушаться, можно уловить этот гул – шум кораблей у причала, звон бокалов в местном баре, шёпот страха, который прячется за окнами домов.

Несмотря на плюсы, книга понравилась меньше других романов в серии. Наверное, потому что произведений на тему «бойтесь своих желаний» – вагон и несколько тележек, и «Культ» очередной прицеп в этом составе. Поставил книге 7.3 по системе ССППО.

Алексей Пак

Пожалуй, пора напомнить: в следующий вторник, 23 сентября, в 19:00, снова встретимся на просторах этих наших интернетов с К.А.Териной в рамках бесплатного вебинара Creative Writing School.

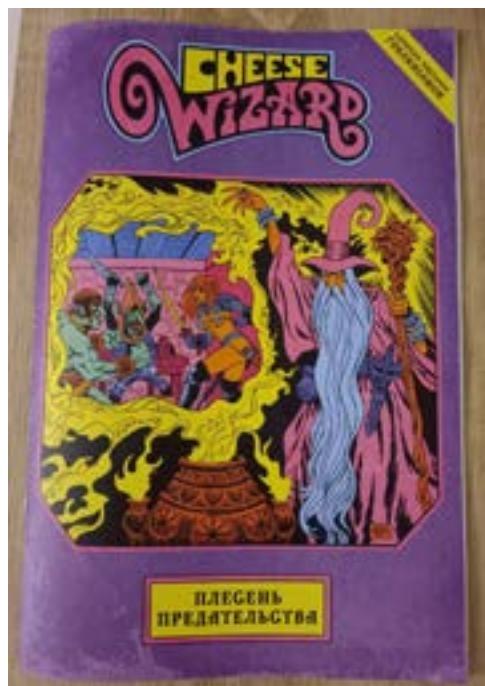
Сразу скажу – я, наверное, не самый подходящий человек для того, чтобы рассуждать о построении фантастических миров. Если в первой главе у автора солнце восходит на севере, а в четвертой – на юге, но это никак не влияет на развитие сюжета, я скорее всего пожму плечами и продолжу читать дальше. Я терпеть не могу карты и никогда в них не заглядываю (хотя и назвал свою книгу «Картографы рая и ада», есть грех). Если в инопланетном фэнтезийном мире расстояние измеряют в километрах, если один и тот же путь герой пешком преодолевает за день, а верхом – за неделю, я не побегу считать заклепки, а скорее задумаюсь, зачем автору это понадобилось. Может, герой в дороге забухал, но нам об этом по каким-то причинам решили не рассказывать. Неверное и неточное словоупотребление, немотивированные поступки, подвисшие сюжетные линии – да, это дергает. Если речь не об абсурде и гротеске, там можно. Ненадежных рассказчиков тоже обожаю. Но если наш, реальный (?) мир с логикой и последовательностью не очень дружит, если «нет ничего более непредсказуемого, чем история» – чего уж требовать от миров воображаемых?

Утешает меня мысль, что главным спикером будет все-таки К.А.Терина, автор чудесного сборника «Все мои птицы». Уж она-то наверняка рисует

многочисленные карты и схемы к своим текстам и с хронометром в руках измеряет все-все-все расстояния, как Толкин. А я буду задавать провокационные вопросы, во. Считайте, уже начал.

Василий Владимирский

21 сентября:

У Алексея Горбута, одного из самых лучших (без сомнения) современных российских художников-комиксистов, («Некроманты Зотика» по К. Э. Смиту, «Кольцо тьмы» по Н. Перумову, «Медной горы хозяинка» по Бажову) вышел новый комикс «Плесень предательства» (сценарист – автор проекта Disgusting Men Владимир Самойлов, издательство «Рамона»). Занятная вещь. Гротескное фэнтези, местами дохо-

дящее до комедии абсурда. Наёмница-воительница Кари в бронебикини, сырный волшебник и странное чудовище отправляются в Гоблинград на поиски пропавшей ученицы волшебника. Цветовая гамма в духе классических обложек психodelического рока.

В издание входит также совсем небольшой комикс «Банды Гоблинграда», расширяющий мир основного произведения, но он мне не слишком понравился.

Вертер де Гёте

«Несгораемая сумма», Максим Кабир

Рассказ из сборника «Самая страшная книга 2025»

Признаюсь, несмотря на то, что Максим Кабир – известная фигура в русскоязычном современном хорроре, мне его истории не откликались. Ровно до этой.

«Несгораемая сумма» – это не столько хоррор, сколько психологический триллер с отсылками к «Двойнику» Достоевского.

Представьте на минуточку: вы снялись в интеллектуальном телешоу, а в комментариях к выпуску кто-то написал, что вы – серийный маньяк. Благодарная публика этот вброс быстренько подхватила, и вот уже у вас проблемы буквально везде – на работе, в семье и даже в собственной голове. То же самое произошло и с героем рассказа Борисом Шульгой, который оказался очень похож на убийцу из Химок, орудовавшего молотком в 95 году.

Стиль Кабира мне всегда нравился – живые диалоги, яркие образы, нет воды в тексте. Но тут меня зацепила сама история и то, как все повернулось в итоге. Для чувствительных отмечу, что Максим Кабир очень ярко описывает увечья – всё-таки мы говорим о писателе хоррора. Впрочем, в «Несгораемой сумме» перебора с этим, на мой вкус, нет – всего пары неприятных моментов.

Короче говоря, рассказ мне так зашел, что я выношу его в отдельную рекомендацию для ценителей, отзыв на весь сборник будет позже.

Александра Прохорова

Роман Алексея Сальникова «Оккульттрегер» сразу меня затянул, как затягивает курение или крепкий чай и кофе по утрам. Осторожно, незаметно, вроде бы ласково, но попробуй – дернись обратно. Хорошо не будет. Я и не дергалась. Мне Прасковья со своим гомункулом (гомункул – аналог ребенка, но не совсем. А глубже копнуть, так и совсем не) сразу показались не фантастическими персонажами, как можно было бы подумать, глядя на внешние признаки, а людьми. Да и вся история – не фантастикой, а самым, что ни на есть жестким реализмом, густо разбавленным метафорами. Кстати, метафорами столь точными, иногда мучительно-болезненными, иногда ироничными, но тоже не без боли, что видятся во всех этих нереальных существах только люди. Знакомые, близкие, любимые. Измученные жизнью и обстоятельствами, из которых не вырваться, а если и вырваться, то такой ценой, что неизвестно – останешься ли после этого собой или вместо тебя будет полоскаться на ветру голая оболочка с пустыми глазницами. Вроде твоими, а там – кто знает.

А что показалось мне прекрасным и неповторимым – это атмосфера повествования. Нет там ни нарочитой грубости, ни напускной красоты. И ужасов, старательно нарисованных, тоже нет. Там бьется настоящая жизнь и настоящая боль. В каждом абзаце, в каждой строчке. И смех сквозь слезы. И слезы через смех.

Екатерина Картниковая

Время пришло! Рассказываю вам о романе «Было у него два сына».

Что вас ждет в «Было у него два сына»?

Современное переложение мифа о Нарциссе. Это русреал с магическим допущением, а еще –

поколенческий роман о герое, рожденного в двухтысячном, который слышит боль тысячелетия, и может заглушить ее только творчеством.

Я бы хотел сказать, что это роман о взрослении, но это не совсем он, хотя за парой героев мы проследим с детства до логического финала. Это книга прежде всего о творческой конкуренции, творческой зависимости и со-зависимости.

Две из трех частей романа написана от второго лица, потому что лучше всего историю Нарцисса расскажет его отражение, а у него нет собственного «я», оно может только тыкать.

Песни «Наутилуса»! Петя всю книгу напевает песни «Наутилуса»! Да, я вынес это в отдельный пункт, и что вы мне сделаете?

Книжка во многом базируется на сказках о двух братьях, о человеке и его тени (двойнике), но отсылок здесь будет куча: на Геймана, Уайльда, Достоевского и много чего еще. Один из героев – сын русского эмигранта из США, который обожает русскую классику, я там отсыпал вам всего

Все в «Было у него два сына» двоится – и на уровне образов, и на уровне героев, это такой роман-зеркало. Помимо Пети и Генри, похожих друг на друга, как две капли воды, тут есть бабушка Пети, нашептывающая заклинания и живущая в пленау суеверий, и няня Генри, рассказывающая ему об ангелах. А еще тут прилично зеркальных сцен!

Я бы не оставил вас без ностальгии и попкультуры! Тут будут коллекционные карточки и журналы про «Человека паука» (помните, да?), Биониклы, Майкл Муркок, Гравити Фолз, D&D, а еще много фантомных и поп-культурных штук. И, черт возьми, комиксы!

~~Главный герой – мудак полнейший, но как уж есть:~~

Денис Лукьянов

У Дениса выходит крутая книшка, к которой я приложила редакторскую лапу! Очень ждала возможности рассказать о ней, так как предзаказ открыт давно, а вот облоги все не было и не было. Но теперь ее доделали (зацените, какая красивая!), и мне пришло время поделиться впечатлениями о «Было у него два сына»!

Мощный, актуальный, интернациональный роман. Главных героев действительно двое: Петя взрослеет в маленьком российском городке и мечтает рисовать комиксы, но сталкивается с разрушительным и мерзким непониманием семьи и окружения; Генри же взрослеет в Нью-Йорке с максимально поддерживающим отцом и няней, но увы, его тяга к созданию миров остается только мечтой.

То ли столкновение, то ли нет. Магический реализм как он есть. Кажется, они встретятся, и кажется, Нью-Йорк заберет их обоих, и кажется, будут слава, золотые огни, любовь к прекрасным женщинам, оживающие герои, а потом гейманщина и достоевщина... Но травмы обоих настолько болезненны, а в окружающей реальности столько безумия, что ни в чем нельзя быть уверенными на все сто. Может, и неспроста роман написан от 2-го лица, может, все это не более чем диалог одинокого брошенного парня с собственным зеркальным отражением. Темы двойничества в книге много, и она проявляется на разных отсылочных уровнях: кто-то считает мрачную портретную магию из Дориана Грея, кто-то скорее ужас подмены из песни Флер «Она плавает в формалине», кому-то вспомнятся многочисленные близнецовые мифы древности.

Эти ваши творческие... Оживающие персонажи, персонажи, вламывающиеся в наши сновидения, персонажи, в которых мы растворяемся. Несправедливые контракты с издателями. Зависть к более успешным коллегам. Фантомные войны, начинающиеся, когда между создателями разных

канонов внезапно проскакивает... или наоборот угасает... искорка дружбы или любви. В книге будет все, это один из моих любимых пластов фактуры. Линия Генри интересна отдельно: это пример очень достойного способа найти себя заново, когда что-то, к чему ты тянемся, по тем или иным причинам недоступно. Мой любимый, самый поддерживающий персонаж.

Женские судьбы, очень разные, но не менее важные, чем судьбы наших героев. Мать и бабушка Пети, обломки советской эпохи, ищащие защиты в суетиях, фальшивой стабильности и песнях старой эстрады. Няня Генри, хранящая в далеком Большом Яблоке сказки старой Руси и веру в ангелов. Подруга Пети, готовая ради него обратиться в морскую пену – но не отдать ему своих персонажей. Возлюбленная Генри, новая Грушенька Светлова, порноактриса с очень необычным взглядом на мир.

Красота языка и массивы деталей. Как и в других историях Дениса, язык плотный, образный и полный отсылок, но из-за второго лица многие вещи как будто ощущаются ближе. А может, дело в эпохе: 2000е с огромным количеством культурных маркеров, надежд и бед, больших и маленьких. Пульс времени, тонкое ощущение перехода между двух эпох поймано на все сто. Причем и безымянный городок Пети, и Нью-Йорк Генри живые в равной степени.

Такие вот дела.

Екатерина Звонцова

22 сентября:

Виктор Язневич

Станислав Лем и Анджей Вайда: истории несостоявшихся экранизаций

Опубликовано в журнале “Млечный путь, XXI век”, номер 3 (44), 2023

Если вас интересуют подробности множества бесплодных попыток сотрудничества Лема и Вайды, то лучшего текста вам не найти. Нерастирализованные архивные материалы, даты, цитаты, мельчайшие подробности – настоящая кладезь информации.

Досадно, что я не наткнулась на эту статью раньше, когда работала над своим текстом о “Слоненом пироге”. Этот рассказ безусловно позволяет взглянуть с нового ракурса на случившееся (и неслучившееся).

После прочтения статьи мне стало чертовски жаль Вайду. Если не знать закулисных подробностей, то можно решить, что он, конечно, подумывал об экранизации Лема, но постоянно был занят другими, более интересными ему проектами. Но ведь все было совсем не так! Долгие годы Вайда упорно пытался снять еще один фильм вместе с Лемом – “Футурологический конгресс”, “Астронавты”, “Вторжение с Альдебарана”... хоть что-нибудь! Но каждый раз все срывалось, несмотря на приложенные им усилия. И срывалось все, к сожалению, по большей части из-за Лема: то он поссорился с продюсером, то ему категорически не понравился сценарист, то его не устроил слишком маленький гонорар Вайды (*sic!*). При этом очевидно, что Лем Вайду бесконечно ценил и уважал, возможно даже слишком. Создается впечатление, что их нормальному сотрудничеству мешали завышенные ожидания Лема от потенциальной экранизации за авторством Вайды. То ли сознательно, то ли бессознательно фантаст не давал реальным проектам осуществиться, чтобы продолжать лелеять мечту об идеальном фильме. Впрочем, не буду уходить дальше в эту сторону: лучше не увлекаться таким вульгарным психоанализом.

Призрак неосуществленной экранизации Лема преследовал Вайду до самого конца жизни. Всего за 50 дней до смерти он в дневнике в очередной раз упоминает о том, что все-таки хотел бы снять “Вторжение с Альдебарана”.

Бедный, бедный Вайда. И бедный Лем, хотя он и был отчасти кузнецом собственного несчастья. Обидно, что после “Слоеного пирога” (который очень милый и забавный, но...), несмотря на явное желание, двум гениальным полякам так и не удалось договориться о новом фильме. Проиграли оба, и вместе с ними проиграли мы, зрители.

Инна Ис kennирова

Роберт Сойер «Неандертальский параллакс. Гибриды»

Жанр: «Твёрдая» научная фантастика

Оценка: 7/10

«Гибриды» – финальный том трилогии Роберта Сойера «Неандертальский параллакс». В первой книге «Гоминиды» физик-неандерталаец Понтер Боддет в результате эксперимента случайно переносится в наш мир, а точнее в Канаду. Во второй книге «Люди» между мирами устанавливается постоянный портал, начинается культурный и научный обмен.

В «Гибридах» существование двух цивилизаций – сапиенсов и неандертальцев – достигает критической точки. Обмен технологиями и знаниями порождает новые возможности и новые угрозы. В нашем мире спектр негатива очень широк: от банального страха перед неизвестным и религиозного фанатизма до зависти к экологии мира неандертальцев (бараставов, как те сами себя называют). Претензии неандертальцев гораздо скромнее: неандертальцы считают, что люди-гликсены по просту не могут дать им ничего полезного. Роберт

Сойер неприкрыто сравнивает две цивилизации, сопоставляя их с двумя земными странами. По его мнению, неандертальцы больше всего напоминают канадцев с их ценностями: экология, гуманизм и пацифизм. Сапиенсы же похожи на американцев своей агрессией, индивидуализмом и захватническими настроениями.

Однако в центре сюжета все же роман между Понтером Боддетом и Мэри Воган, ученым-генетиком из нашего мира. Их любовь – это не только личная драма, но и квинтэссенция всей трилогии, символ возможности единения двух совершенно разных ветвей человечества. Однако в их отношениях есть непреодолимое на первый взгляд препятствие: из-за генетических различий они не могут иметь общих детей. Поиск решения этой проблемы становится двигателем всей истории и поводом для глубоких этических и научных дискуссий. Тема гибридности в романе выходит за рамки биологических размышлений. На мой взгляд, это метафора для синтеза двух столь разных культур. Двоевлюбленных не что иное, как «гибрид» двух мировоззрений,

а их история показывает, что гармония возможна даже при столь существенных различиях.

На примере двух своих главных героев Роберт Сойер показывает все достоинства и недостатки двух цивилизаций, сопоставляя их. Наш мир, полный индивидуализма, заставляет задуматься о вопросах морали и свободы. Так, например, Мэри, пережившая изнасилование, испытывает эмоциональные трудности и кризис доверия – отныне ее пугают окружающие мужчины. Опору и поддержку она находит именно в Понтере. Мир неандертальцев привлекает в первую очередь своей моральной строгостью и отсутствием лицемерия. Из-за постоянного надзора за каждым членом общества здесь преступления отсутствуют как явление. Правда за это приходится расплачиваться конфиденциальностью и личными свободами. Система алиби непрестанно следит за каждым. Да и генетические чистки здесь становятся реальностью. Неандертальца, проявившего агрессию, стерилизуют, как и всех членов его семьи, имеющих хотя бы 50% его генов. В прошлом же имело место ограничение рождаемости среди индивидов с недостаточным уровнем интеллекта. Как видим, у «Эдема» также хватает минусов.

Много внимания в романе уделено вопросам религии. У неандертальцев её попросту нет. Сойер выдвигает гипотезу, согласно которой, в мозгу неандертальцев нет специфической структуры, отвечающей за религиозность. Помимо этого, автор связывает электромагнитную природу сознания со сменой магнитных полюсов Земли.

За что хотелось бы похвалить автора, так это за талант творца цивилизаций. Его мир неандертальцев – детально проработанная модель общества, которое могло бы пойти по другому пути развития. Здесь победили голод и болезни, достигли гендер-

ного равенства (вплоть до перекоса в сторону матриархальности). Противопоставление этого утопического, но в чем-то тоталитарного мира нашему – хаотичному, творческому, жестокому и полному неравенства – заставляет нас задуматься: «А чей путь лучше?».

Помимо этого, хотелось бы отметить доступность изложения. Несмотря на сложные научные концепции (квантовая физика, генетика и антропология), Сойер объясняет их простым и понятным языком. Нам не нужно быть учеными, чтобы погрузиться в историю.

К слабым сторонам я бы отнес некоторый дидактизм. Иногда кажется, что автор через персонажей прямо озвучивает свои собственные взгляды на религию, экологию и социальное устройство. Диалоги местами напоминают лекции, что слегка затягивает повествование. Также не могу не отметить предсказуемость сюжета. Мы примерно понимаем, к чему всё идёт, и главный интерес заключается не в интриге, а в том, как именно герои придут к финалу. Ну и огорчает все же то, что в «Гибридах» акцент повествования смещается с культурного взаимодействия двух цивилизаций на романтические отношения Мэри и Понтера. Когда берешь в руки научную фантастику, хочется видеть именно ее, а не любовный роман.

Финал стоит отдельного внимания. С одной стороны, все сюжетные линии трилогии завершены, каждый персонаж получил свою долю внимания. С другой же, финал получился слишком скомканым и напоминает классические голливудские фильмы, когда влюбленные герои спасают весь мир.

Итог: Несмотря на обозначенные выше минусы, трилогия получилась довольно запоминающейся. Роберт Сойер удачно интегрирует научные вопросы в повествование, делая их доступнее.

Через истории своих персонажей автор показывает нам пути взаимодействия двух столь отличных друг от друга цивилизаций.

Алексей Севериан

Переслано из Heresy Hub (Канал Жанны Поярковой)

«Змейские чары» Осояну меня ошеломили. Я ожидала хорошее фэнтези. Я совершенно не ждала такой монстри. С середины книги тебя просто смыает к чертовой матери, это как шквал. Текст заставляет творческий сок в жилах кипеть. И как же это красиво! Просто немыслимо, невозможнно. Ряд сцен растерзывает в клочки. Откровенно говоря, я не ждала, что Наталья способна делать именно так. Я даже взяла гитару в руки после перерыва в несколько лет и стала играть фолк под властью этого колдовства.

По форме это постмодернистский фольклорный дарк, штучная вещь, где небольшой ряд приемов, больше характерных для постмодернистов (от верстки до вложенности текста, игры с маргиналиями, использованных способов боя) сплетён с глубоко осмысленными фольклорными мотивами.

Сюжет и вложенные истории отлично работают, но сама книга – магический артефакт, темная лестница в подземное царство, куда идти не надо бы, но ты пойдешь. Главная героиня Кира вот уже 12 ночей подряд попадает в царство змеев, где три брата жестоко мучают и даже убивают ее, чтобы следующей ночью столкнуть с новой невыносимой пыткой. Единственная надежда избежать бесконечной боли – безликий чернокнижник – граманциаш. Но это лишь игла основного сюжета, безжалостно протыкающая кружево, которое скоро начнет расти, падать изысканным ворохом, чтобы затем взорваться в лицо. Очень мелодичная, прозрачно

и внятно сконструированная книга, переполненная терзающей тебя темной красотой.

Самое же странное, что у меня возникла мощная ассоциация с «Библиотекой на Обугленной горе», которую я считаю одной из лучших фэнтезийных книг в принципе. При этом у них нет ничего общего, может быть, кроме образа жестокого бога-учителя и убийственного сочетания красоты, знания и боли, которое меня гипнотизирует. Было бы логичнее вспомнить Валенте с ее зубодробительными вложенностями, но нет, нет и нет, «Змейские чары» – это совсем иначе и про другое. Претендент на русскоязычную книгу года.

Наталья Осояну

Про интервью с печалью думаю. За тридцать лет набрал их изрядно, в том числе у зарубежных писателей, от Терри Пратчетта до Йена Макдоnalда и от Майкла Суэнвика до Дэвида Брина. Есть любопытные как «документ эпохи», есть такие, в которых удалось раскрутить писателей на разговор о том, о чем они обычно не говорят. Вообще интересный журналистский жанр: когда я пишу лонгрид о каком-нибудь фантасте, стараюсь посмотреть его интервью разных лет, там часто можно найти такое, о чем ни в одной биографии не прочитаешь. «Dream Makers» Чарльза Платта (Плэтта?), «The Last Interview and Other Conversations» Филипа Дика, «J. G. Ballard: Conversations» и другие сборники интервью Г.Дж.Балларда очень помогают.

Думал собрать такую книжку. Или две. Потому что многое потерялось, сайты закрылись, газеты и журналы, где печатались интервью, доступны только в научных библиотеках и архивах. А некоторые интервью изначально публиковались с сокращениями. Жалко будет, если материал пропадет с концами. Но не получается – по крайней

мере, в «АСТ». Сейчас нужно не только одобрение медиа, которое интервью изначально публиковало, но и одобрение писателя, с которым я беседовал. А если он, не дай бог, скончался – наследников. И тут уже концы не всегда подберешь. И такие проблемы, как я понимаю, не только у меня – формат «сборник интервью разных лет», кажется, на нашем книжном пространстве всё. Разве что малотиражкой печатать.

Василий Владимирский

Другим героям Говарда не повезло с экранизациями. Если Конан (с Арнольдом) был очень успешен, то фильмы о других персонажах такого успеха не добились. Неплохой, на мой взгляд, фильм «Соломон Кейн» (2009) обернулся таким оглушительным провалом, что два последующих фильма планируемой трилогии отменили. Жаль. Джеймс Пьюрфой, актёр шекспировской школы, очень органично смотрится в роли Кейна. Вероятно, не всем понравилось, что ставку создатели фильма сделали на тяжёлую мрачную атмосферу (я же это оценил); знатоки Говарда были недовольны тем, что сценарист добавил много отсебятины. В фильме отличный актёрский состав : легендарный Макс фон Сюдов, Джейсон Флеминг, Пит Постлетуэйт... Фильм – не шедевр, но посмотрел я его с удовольствием и пересматривал пару раз.

Любопытный персонаж. «Я человек миролюбивый», – сказал Соломон Кейн, а в следующей сцене вспорол брюху одному врагу и отрубил голову другому.

Вертер де Гёте

Из забавного: к выходу фантастического романа «Сновидец» Арсений Калабухов сделал сайт «Фа-

брики снов», воспроизводящий кусочек его фантастической вселенной.

Дело в том, что сюжет книги строится на допущении, связанном с технологией проектирования сновидений. Судя по аннотации, такие синтетические сны – новая нефть, но технология не без изъяна (что ожидаемо).

И вот внутри романа, как я понимаю, как раз фигурирует корпорация «Фабрика снов», для которой сделан сайт с буктрейлером, опросом и генератором сновидений.

Задумка простая и забавная. Но я не к тому.

Как человек, который практически не видит сны, уверен – я бы на такой услуге разорился. От веры во всякие вещие сны, толкования, гадания по сонникам и проч. я далёк, мягко говоря, а вот яркие или невозможные образы в необычных, даже странных, но контролируемых условиях – это звучит очень привлекательно. И как будто пугающее возможно.

P.S. Сон, где я коржик, точно б посмотрел.

Павел Сидоров

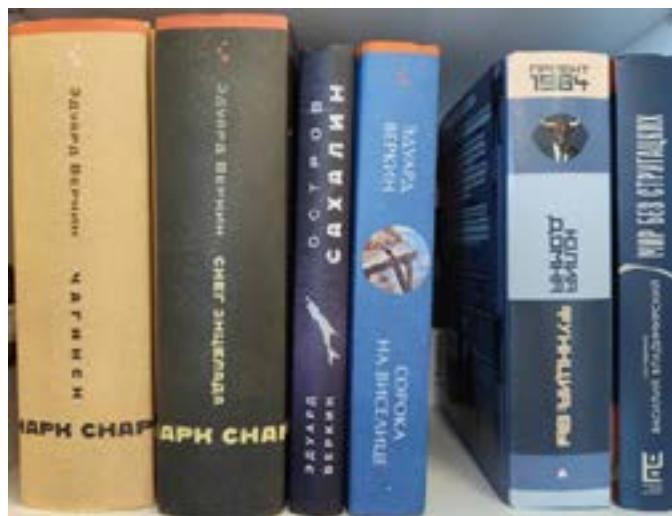
Долгий и прекрасный путь

Ранее Эдуард Веркин рассказывал, что следующая его книга будет посвящена восстанию машин.

Уже в новом интервью он поделился, что одной из тем будущей книги станет проблема постепенного схождения литературы в «фастлит».

Он также сообщил, что сейчас работает в основном над вторым романом и рассказами («стали придумываться») из мира «потока Юнга», то есть в той же вселенной, что и роскошная «Сорока на виселице».

То есть нигде напрямую не утверждается, что новый роман про восстание машин, новый роман про проблемы литературы и новый роман из цикла

про поток Юнга – одна и та же книга. Но подразумевается.

Вообще, интервью интересное. Писатель немного рассказал о сочинении «Сороки...» и других книг, сроках, символах, темах и проч., а также чуть приоткрыл дверь к своей «писательской кухне» (например, когда он пишет, на фоне работает телек или играет музыка – «от Боба Дилана до Моцарта и Кати Лель»).

Ещё немного рассказал про пионерскую готику, подростковую литературу и young adult, порассуждал о будущем литературы вообще.

«Литературе не особо требуется спасение – ей всегда хорошо. Бывает плохо читателям и писателям. Как всякое искусство, литература проходит и пройдет свой путь – от рождения и рассвета до измельчания, увядания и коллапса. Путь этот долгий и прекрасный, и на каком мы этапе сегодня – ясно пока не очень».

По мнению Веркина, серьёзный удар литературе нанесут технологии прямой передачи образов

в мозг. После этого, считает он, привычная нам литература «схлопнется в нечто новое».

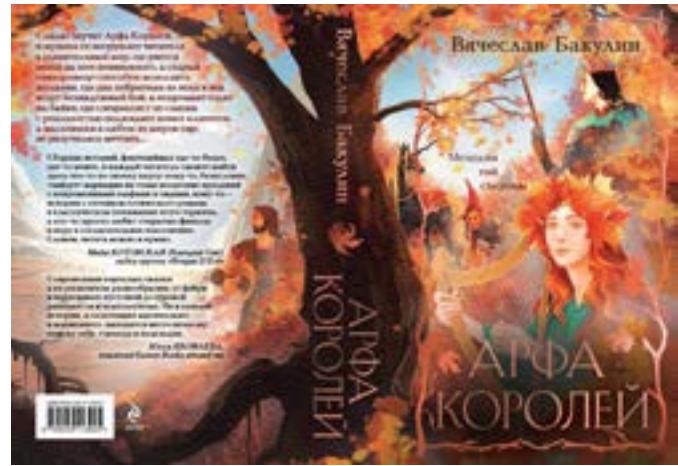
«Вероятно, это будут плотные зубастые тексты с обилием смысловых прорастаний, ответвлений, сомнений, объёмом со среднюю повесть».

Надеюсь, до коллапса ещё далеко. Но в случае чего, есть что читать.

**Пустота на полке у «Сороки...» ни к чему не обязывает, но как бы намекает.*

Павел Сидоров

23 сентября:

«Арфа королей», Вячеслав Бакулин. Изд. Эксмо

Альтернативный ход Троянской Войны, легенда о Роланде, рассказанная с иной перспективы, история Дон Кихота в современности и с некромантами, судьба Понтия Пилата в далеком будущем... Все это есть с сборнике издателя и руководителя отдела фантастики «Эксмо» Вячеслава Бакулина, дебютирующего с собственной прозой. Большую часть рассказов стоило бы назвать ретеллингами, но они – нечто большее; это скорее переосмыслиния

и конкретных сюжетов («Лесного царя», «Беовульфа») и отдельных литературных канонов (легенд о фейри, ирландских небылиц, героических эпосов и проч.). Для каждого текста Бакулин выбирает и разную манеру повествования, и стилистику, и плотность событий, и объем раскрытия персонажей. Шьет разноцветными нитками, потолще и потоньше, побледнее и поярче. Из этих неоднородных текстов вскоре собирается полноценный герб, сформировавшийся за долгие годы издательской и писательской практики; на нем, зная контекст, можно расшифровать все детали и проследить, скажем так, авторское древо интересов – растет оно из почвы средневековой истории и мифологии.

Рассказы удивляют либо подходами, либо концовками; особенно это касается последних частей сборника, переносящих повествование то в настоящее, то в будущее. Эпос и сказка, миф и легенда, пророчество и симуляция – все здесь смешивается. Местами будет красиво, местами – весело (в этом смысле особое внимание стоит обратить на альтернативный сюжет о красной шапочке из Шварцвальда), а местами – больно (допустим, в небезобидном рассказе с безобидным названием «Печеньки»). Но таков всякий хороший сборник: волшебная музыкальная шкатулка, где одни и те же мотивы дивным образом звучат совершенно по-разному – ирландски-задорно, как у Свифта, мрачно-визионерски, как у Стругацких, и блаженно-антично, как у Гомера.

Денис Лукьянов

Мы анонсировали «Арфу Королей» – сборник рассказов, который я ждала с тех пор, как услышала о его существовании.

Вячеслав Бакулин создал книгу, где каждый найдёт рассказ по душе (даже те, кто рассказы в принципе не любит). В «Арфе Королей» целаярос-

сынь сэттингов на любой вкус: от античности до постапокалипса, от современной России до мифологической Ирландии, от альтернативной Европы времен Первой мировой до космоса. Здесь короли ищут волшебную Арфу, дарованную сидами, Троянская война никогда не случалась, Красная Шапочка куда опаснее любых волков, а андромех человечнее иных людей.

Что бесконечно пленяет лично меня: все рассказы действительно написаны по-разному. Какие-то льются песней, очаровывают и погружают в мир древних легенд. Некоторые ужасают и предлагают варианты будущего разной степени неуятности (да, «Печеньки», на вас смотрю). Другие вызывают смех, утешают или рассказывают о любви и чудесах. Иные заставляют взглянуть в глаза собственным чудовищам.

Ждём в октябре.

Ульяна Скибина

О кинофантастике у нас дома.

Сценарист «Трудно быть богом» Андрей Золотарёв поделился в интервью некоторыми подробностями о проекте.

«Нельзя сказать, что мы делали то, что нет у Стругацких, но иногда какие-то их мысли вдохновляли нас попробовать провести новые линии. Поступки героев поменялись, события добавились, персонажи – немножко их больше, чем в оригинальной истории. Расширился мир: есть немножко Ирукана, чуть-чуть Соана, то, что было отголосками у Стругацких. Есть вещи, которые были вдохновлены строчками Стругацких. Например, в какой-то момент главный герой вдруг задумался, а что будет, если главный бандит, один из основных antagonистов этой истории, человек, абсолютно представляющий из себя зло в чистом виде, оказался

в Мире Полудня, оказался среди землян, – из этой строчки родилась целая линия, которая у нас есть в сериале».

Если не хватает материала на сериал, но хватает, например, на фильм... возможно, не нужно «растягивать эту колбасу, придумывать новые линии»?

Да, в адаптациях будут изменения, это неизбежно, и несправедливо сетовать на такое. И не каждая хорошая книжка непременно станет хорошим фильмом. Но выглядит так, будто в экранизации отталкиваются не от оригинала, а от формата. Заявлен сериал – значит, сценарист, будь добр, подготовь материал.

Однако сценарист всё же считает, что в новой экранизации сохранен дух творчества Стругацких.

«Поскольку мы сами любим эту книгу, это история, которую мы делаем от фанатов для фанатов. Мы делаем это для тех, кто любит Стругацких, и мы сами с большим трепетом относимся к этой истории. Понятно, что в процессе что-то претерпевает изменения. Но сами персонажи не так сильно поменялись».

Возможно, справедливее указать, что всё снято по мотивам. И претензий меньше будет, и весть по-

лучится более самостоятельная, с новыми сюжетными линиями и персонажами.

Но это ворчание, конечно же, раньше времени. И лишь в 2026 году увидим, что получилось в итоге. Как всегда, надеюсь на лучшее и жду.

**На фото – сербский актер Александар Радович в роли Румата Эсторского из готовящегося сериала.*

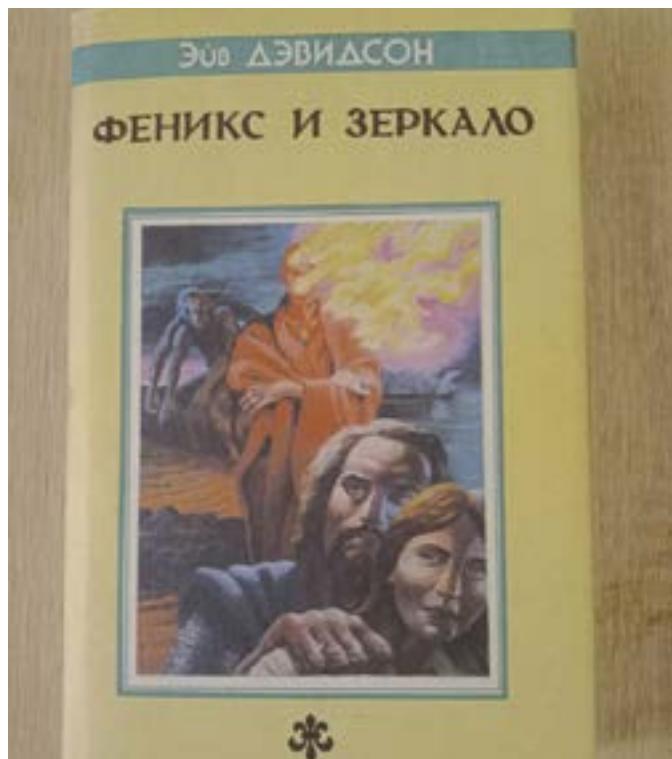
Павел Сидоров

Рецензия на «Змейские чары» Натальи Осояну скоро будет, а пока – пара наблюдений по результатам чтения отзывов. Во-первых, «Сказки сироты» Кэтрин Валенте не вспомнить не получится – тем более что эту книгу (двухтомник) именно Осояну и переводила. Хотя, конечно, у Валенте совсем другая история. Но еще тут стоит упомянуть роман супругов Дяченко «Vita Nostra», общего с «Змейскими чарами» не меньше. Во-вторых, в трех отзывах из тех, что я читал (а я прочитал далеко не все) когда говорят про игры Осояну с типографикой ссылаются почему-то на постмодернистов. Хотя самые отвязные эксперименты с типографикой были у футуристов первой четверти XX века, по сравнению с ними в «Змейских чарах» все очень скромно,держанно и прекрасно понятно без развернутых пояснений.

Василий Владимирский

24 сентября:

Чем мне нравилась «жёлтая» серия Fantasy из 90-х, так это тем, что наравне со всем известными произведениями здесь появлялись нераскрученные, но очень примечательные книги. Вот роман «Феникс и зеркало» «неизвестного классика» американской фантастики Эйва Дэвидсона. Роман великолепный, но рассчитанный на ценителя. Очень

интересна вселенная книги – своего рода альтернативный мир, где античность плавно перетекла в Средневековье, слившись с ним. Своеобразный «сандалпанк» (что уже довольно редкое явление в фантастике). Главный герой, маг и алхимик Вергилий, вынуждено участвует в поисках пропавшей девушки. Его путешествие суть путешествие алхимическое, философское, наполненное историческими и литературными отсылками. Автор концентрируется на атмосфере и литературной игре. Приключенческая сторона книги интересует его меньше и кому-то произведение может показаться затянутым и скучноватым. Но мне роман в своё время очень понравился. Вместе с романом в книге

напечатали сборник оригинальных рассказов Дэвидсона – с хвалебным предисловием Брэдбери.

Вертер де Гёте

В последнее время несколько раз по разным поводам вспоминала этот скетч Жванецкого в исполнении Карцева.

Особенно ярко он мне вспомнился, когда я предприняла попытку слушать «Колесо Времени» Роберта Джордана в исполнении исполненного эпичности Павла Конышева. Там на самом деле всё очень хорошо сначала, нормальная такая сюжетная фэнтези, но неожиданно случается интермедия про героев и злодеев, и вот в этой интермедии мне привиделся Карцев в роли Льюиса Тэрина Тэламона.

Там не нужно искать женщин! Там всё наоборот, они ищут тебя. И окликают: «Глюкентавыр! Глюкентавыр!»

К.А.Терина

На что похожи «Было у него два сына»?

«Защита Лужина», Владимир Набоков

Композиция этой книги во много родилась после того, как в рамках читок в Ленинке я послушал первые пару глав «Лужина» в исполнении Чебаткова

и очаровался. Так, что даже дочитал «Лужина» на конец, а то валялся неоконченный. В «Было у него два сына» мне хотелось воссоздать такой же мир микроскопических деталей в крупном увлечении, показать путь двух героев именно с детских лет, поселить Петю в несуразный Набоковский мир, где странное и причудливо все. Отсылок, конечно, тоже насыпал!

«Калечина-Малечина», Евгения Некрасова

Впрочем, если говорить о трущном магическом реализме в современном российском сеттинге, я даже не знаю, с чем еще сравнивать роман! Мне очень хотелось сделать манеру «Сыновей» магнетически-убаюкивающей, местами практически наговорной. И столкнуть реальность с чем-то иным.

«Белые пешки», Екатерина Звонцова

«Сыновья» получились поколенческим романах о настоящих детях своего времени, и мне кажется что в этом смысле книга перекликается с «Пешками». Это история о тех, кто пытается победить свое время, не утонуть в нем: по-своему это делают чудесные слабоумные и отважные ребята из «Пешек», по-своему – Петя и Генри, которым, быть может, суждено утонуть в потоке нового тысячелетия, знаменуемого катастрофами и потрясениями.

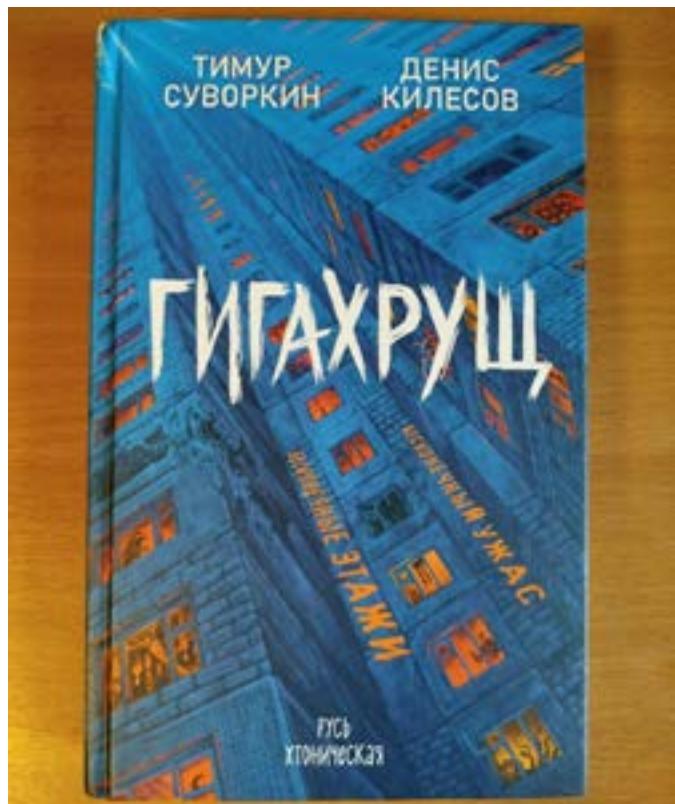
«Портрет Дориана Грея», Оскар Уайльд

Давайте будем честны – нет, изначально я не брал за основу своего любимого Уайльда, но потом оно само неизбежно подтянулось (если что-то и было основой, так это его же «Ученик», кусочек которого есть в эпиграфе). Стиль тут намеренно совершенно не Уайльдовский, но схожесть у книг не только в наличии прекрасного юноши, который с каждой главой становится все большим мудаком.

А в том, что эти истории – библейские перевертыши. Сперва бог создает человека, а потом человек убивает бога; сперва человек творит искусство, а потом искусство убивает человека – вот общий лейтмотив. Кстати, на эту тему рекомендую крутую лекцию!

Денис Лукьянов

25 сентября:

К нам приехал, к нам приехал

К нам приехал «ГИГАХРУЩ»!

Добро пожаловать в панельку размером со вселенную, просторы которой бородят отважные

капитаны лифтфлота, то и дело прикладываясь к фляге самогона из борщевика и давая приветственный гудок мелькающим на этажах коридороходам. Здесь есть бетоноеды и одичавшие партийцы в броне из значков, система товарища Танцевалова и затерянная секта егорианцев, пророк которой мог накормить целую толпу одной женой и превратить винтовку в праздник...

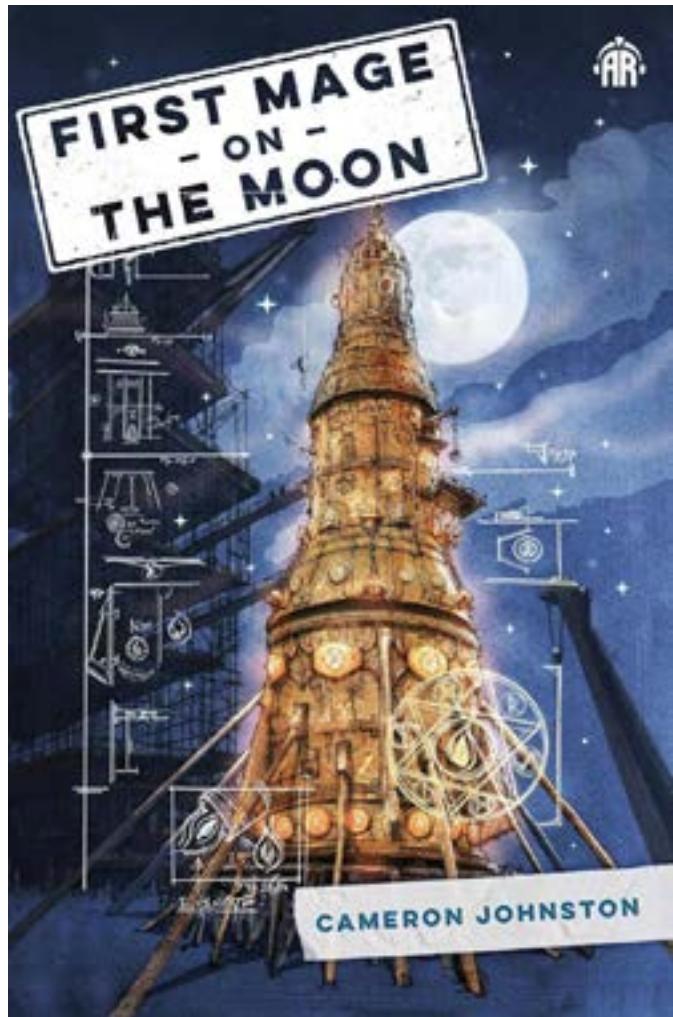
Если поначалу я сомневалась, что мир Самосбора мне понравится и тем более я смогу написать для книги по нему блёрб, то, встретив лихого капитана лифтохода Бокоплава Христофоровича Кукурузинштерна я, кажется, влюбилась, а секта егорианцев чуть не вынудила меня скатиться в Борисовские пруды, на берегу которых я читала «Гигахрущ».

В общем, встречайте новинку от «Эксмо», которая либо вызовет у вас недоумение, либо заставит пожалеть, что ваш мир не состоит из бесконечной хрущевки, в недрах которой, в первозданных блоках, возвышается Город Древних, где исполинские бетонные доярки охраняют башню, носящую таинственное название Райком.

Дарья Бобылёва

Новая книга Кэмерона Джонстона (автора «Мерзкой семерки») выглядит, как что-то очень странное, но потенциально любопытное. В центре сюжета *First Mage on the Moon* волшебница, чьи лучшие дни остались в прошлом, и инженер, создавший первую ракету. Вместе они попытаются построить корабль, который позволит им добраться до Луны, чтобы попросить богов положить конец бесконечной войне, в которой участвует их родина. Но у этого еретического проекта найдутся противники.

Задумка точно нетривиальная, что из нее получится, можно будет узнать следующей весной. А, учитывая, что другие книги автора сейчас готовят

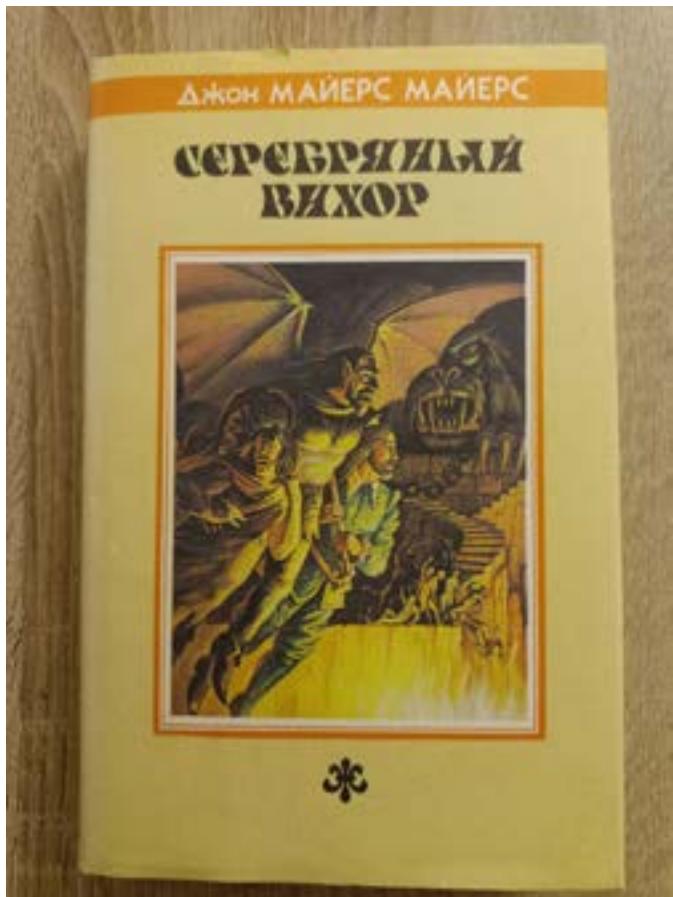

вятся к выходу на русском, думается, есть неплохой шанс, что и *First Mage on the Moon* будет переведена.

Дмитрий Злотницкий

26 сентября:

Ещё одна полузабытая – но интересная – книга из старой «жёлтой» серии Fantasy. Джон Майерс

Майерс «Серебряный вихор», книга 1949 года, единственное произведение автора, получившее широкую известность. В Америке роман несколько раз переиздавался, у нас также, как и в случае с «Фениксом и зеркалом», было лишь одно издание – в 1993 (у «Феникса и зеркала», правда, выходила ещё малотиражка). Это тоже литературная игра, да ещё какая! Герой, потерявший интерес к жизни, попадает в странное государство Романию, где живут литературные герои. Тема не оригинальная, даже в те времена, но благодаря эрудиции Майерс Майерс интересно с ней справляется, превращая всё в без-

удержную фантасмагорию. Порой, обрушивая на читателя информацию о десятках зашифрованных персонажей, писатель теряет чувство меры, но в целом книга мне понравилась. Литература не только учит, но и лечит, помогает найти себя – основная идея книги. Герою встречаются Робин Гуд, Дон Кихот, гуигнгны... Пожалуй, наиболее любопытна заключительная часть, более серьёзная и философская, где герой спускается (вместе с демоном Фаустофером) в литературный ад. Встречает здесь Анну Каренину и Раскольникова, кстати.

Вертер де Гёте

Мистификации внезапно снова в тренде. Прогрессивная общественность шокирована: оказывается, российские издатели выпускают нонфикшн, приписанный несуществующим авторам!

Друзья, у меня для вас плохие новости. Мистификации мало того, что существуют столетиями (а может и тысячелетиями, если погрузиться в античность), они еще и прочно вошли в литературный канон. Нет, я не про Оssиана или Барона Бромбериуса – а именно о текстах, которые подавались современникам как нонфикшн, как документальное свидетельство, высказывание эксперта.

Вот представьте: на дворе век Великих Географических Открытий, границы мира все время раздвигаются, открываются новые горизонты. Вы за немалые бабки покупаете книгу бывалого путешественника, ждете экспертного мнения, предвкушаете знакомство с новыми странами и народами... А вам начинают втирать что-то про карликов и громадин, говорящих лошадей и летающие острова, да еще «повесточки» в текст напихали по самое не балуй. Шок! Всюду ложь, как жить в таком мире, вертайте взад мои деньги!

Речь, разумеется, о романе Джонатана Свифта «Путешествия в некоторые отдалённые страны мира в четырёх частях: сочинение Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а затем капитана нескольких кораблей». Но это мы сейчас знаем, что он роман – первоначально книга издавалась именно как воспоминания морехода, без указания имени Свифта, зато с физиономией Гулливера там, где полагается быть портрету автора. И не погуглишь за неимением «Гугла» в темные времена Просвещения. Если кто-нибудь не шепнет конспиративно: «Псс, чувак, это на самом деле сатира декана Свифта!» – фиг догадаешься.

Или вот тихая скучная Америка накануне Промышленной революции. Вы читаете репортаж об отважном путешественнике, который использовал новейшие достижения науки, чтобы отправиться в удивительное странствие на воздушном шаре – отчет подробный, увлекательный, с кучей технических деталей. Репортаж напечатан в газете, вы давитесь в очереди, деретесь за последние экземпляры, если не досталось – покупаете б/у с рук по спекулятивным ценам... А потом узнаете, что никакого путешественника нет, все это высосал из пальца пьянчужка-репортер, литературный критик с дурной репутацией, который сам, говорят, балуется стишатами. Эль шкандал! Автора даже собирались побить – но он успел вовремя сбежать, благо имел богатый опыт сбегания. А мы благодаря этой безобразной выходке имеем счастье читать и перечитывать «Историю с воздушным шаром» Эдгара Аллана По.

Но мой фаворит, конечно, Рустам Святославович Кац с его «Историей советской фантастики». Персонаж не столь известный, но не менее выразительный. Литературовед Р.С.Кац с филологической дотошностью рассказывает, как развивалась

история нашей литературы, как на Первом съезде Союза Советских писателей главенствующим методом была признана научная фантастика об освоении Луны, как с тех пор мейнстримовые советские писатели, от Шолохова до Солженицына и от Симонова до Бродского, рассказывали исключительно «про любимый лунный трактор»... То есть достаточно заглянуть в книгу и иметь хотя бы самое общее представление об истории литературы, чтобы понять: это мистификация. Однако первый тираж книги вышел в 1993 году в издательстве Саратовского университета, в серийном оформлении, со всеми реквизитами монографии. Мистификация продержалась недолго, Роман Арбитман получил за нее «Бронзовую Улитку», «Странник» и «Интерпрескон» (и обещал при случае передать Кацу) – но до сих пор «История советской фантастики» то и дело появляется и в студенческих дипломных работах, и в кандидатских диссертациях. Потому что внутрь заглядывать – для слабаков.

Резюме. Значит ли, что это норм – издавать под иноязычными псевдонимами халтурные книжки, собранные копирайтерами из г-на и палок? Ну, раз уж деды не комплексовали, мистифицируя почтенную публику, и у них все равно получались шедевры? Нет, не норм. Но именно потому, что у дедов написано от души, с умом и талантом, а тут – без первого, второго и третьего. А вовсе не потому, что жанр/род/тип литературы изначально ущербен.

Василий Владимирский

27 сентября:

спорадическая субботняя рубрика «Это необходимо каждому гику»: «Древние настольные игры» – магnum opus поэта, редактора, издателя, знатока и страстного поклонника настолок Лина

Лобарёва – спецвыпуск «Мира фантастики», посвящённый настолкам, по сути – небольшая, но очень крутая энциклопедия

я уже купила и всем рекомендую, найдёте в любом магазине Hobby World или на/в привычном маркетплейсе

и, кстати, чтоб два раза не вставать, коротко откликнусь здесь на переводогейт про литературные мистификации – не в той его части, что про нон-фикшн-конвейер от крупных отечественных редакций, а в той его части, которая про дерзких мистификаторов-энтузиастов

когда умирает
человек из племени тва
его имя отдают дереву
могучему дереву
с крепким стволом
с густой листвой
с обильными плодами

люди из племени тва
приносят ему гостинцы
приходят спросить совета
приводят невест
просят удачи в дороге
просто садятся
прислонившись спиной
молчат вместе

старики из племени тва
знают весь лес
по именам

(Нгвембе Ронга, Песни свободных людей)

K.A. Терина

TheNewYorkerRu

На волне интереса к динозаврам после «Парка Юрского периода», «Махаон» выпустил в 1994 году два номера альманаха «Динозавры». Помимо заметок о разных ящерах, здесь был опубликован фантастический комикс «Галактический заповедник» – о космическом корабле приземлившемся на планете динозавров. Авторы комикса не указаны, но по информации от известного исследователя комиксов Макса Сергеева ими были режиссер и писатель Геннадий Тищенко (создатель легендарнейшего мультфильма со Сталлоне и Шварценеггером «Вампиры Геоны» по своему рассказу «Вампир Гейномиуса») и художник Игорь Ловцов. Более того, события происходят в той же вселенной «Вампиров»: один из героев упоминает Геону! К сожалению, у меня есть только второй выпуск альманаха. Что касается непосредственно комикса, то он показался мне сумбурным и скомканым, с искусственной концовкой (мол, всё это виртуальная реальность), возможно, его нарисовали просто чтобы заполнить место в журнале.

Художник обложек – Макс Никитенко.

Berpter de Gёte

Александр Дубовский

28 сентября:

И как человек работающий, и как человек-прокрастинатор я каждый день узнаю какие-то удивительные факты и сюжеты, которые, как правило, забываю довольно скоро. Дайджест за последнее время (что ещё не совсем забыла):

– Большинство курозаводчиков мира убивают цыплят-мальчиков, едва убедившись, что это именно мальчики, а значит, яиц не принесут. Говорят, Израиль в этом вопросе отличается большей симпатией к курьим пацанам, поскольку религиозному еврею-мужчине на Йом-Кипур необходимо совершать капарот – крутить над головой живого петуха.

– На исходе жизни Марк Твен коллекционировал юных девушек, звал их своими рыбками-ангелами и выдавал им значки. Марк Твен, 73 года: «As for me, I collect pets: young girls-girls from ten to sixteen years old; girls who are pretty and sweet and naive and innocent—dear young creatures to whom life

is a perfect joy and to whom it has brought no wounds, no bitterness, and few tears.”»

– В одном из своих интервью (а может, и не в одном) Дэн Симмонс упоминает, что дважды за свою учительскую карьеру (в Миссури 70-х и Колорадо 80-х) устраивал перформанс: в каждый из 182 учебных дней в течение года он рассказывал своим ученикам (четвёртый и шестой класс, десятилетки и двенадцатилетние) историю с продолжением, по полчаса в день. Начинал историю в первый учебный день и заканчивал в последний. Рисовал на учебной доске карты и схемы. Имена и сюжет для миссурийских и колорадских детей были разными, но условное название и сеттинг перекочевали из семидесятых в восьмидесятые. Позже эти истории легли в основу известнейшего цикла Симмонса – «Песни Гипериона», но школьники знали их под названием The Shrike.

K.A.Терина

Сделал вот такую книжку:

Джордж Слассер «Научная фантастика: на пути к мировой литературе»

544 стр., твердый шитый переплет с тиснением и суперобложкой, тираж 30 экз.

George Slusser “Science Fiction: Toward a World Literature” – Lexington Books, 2022

Оглавление:

Н. Кэтрин Хейлс. Новый метод построения источников научной фантастики, стр. 9

Гэри Вестфаль. Примечания к тексту, стр. 13

Джордж Слассер. Научная фантастика: На пути к мировой литературе

Введение

Научная фантастика: На пути к мировой литературе, стр. 19

Глава 1. Парадигмы научной фантастики, стр. 32

Обретение парадигмы, стр. 34

Утраченная парадигма. «Коперниканская революция» Э. Т. А. Гофмана, стр. 57

Парадигма восстановлена: эволюция и британская традиция, стр. 79

Применённая парадигма, стр. 93

Глава 2. Братские границы: определение космоса для литературы, стр. 108

Мастера научной фантастики, стр. 110

Наследие Сирано, стр. 113

Пространство может быть не тем, чем кажется: Вольтер, стр. 118

Насколько необычны путешествия Верна?, стр. 123

Перекрёсток: американские космические путешествия встречаются с Декартом, стр. 127

Визуализация пространства, стр. 133

Глава 3. Будущая свобода: горизонты девятнадцатого века, стр. 147

Призыв к научной свободе, стр. 149

Столетний старец, стр. 154

Франкенштейн, стр. 173

Хайнлайн-либертианец, стр. 179
Будущая свобода в государстве-спутнике, стр. 196
Глава 4. Расширение круга разума: «Английская почтовая карета» Де Квинси, стр. 208
Краткая история фэнтези, стр. 210
Влияльные объекты, стр. 214
Транспортные средства Вордсвортса, стр. 220
Великолепие скорости, стр. 222
Внезапная смерть, стр. 226
Фуга сновидения: рождение научной фантастики из духа движения, стр. 229
Фуга сновавидения Гека Финна, стр. 239
Глава 5. Жанр на перепутье: культурные прочтения «Орля» Мопассана, стр. 249
Экспериментальная наука на перепутье, стр. 254
Повесть на перекрёстке, стр. 259
Позитивизм и медицинский фрейм, стр. 261
Рамки разума, рамки повествования: «Введение в фантастическую литературу» Тодорова, стр. 266
Медицинский формат: психоаналитические чтения, стр. 268
«Орля» как научная фантастика, стр. 278
Возникновение жанров, стр. 292
Ужасы и научная фантастика, стр. 296
Разум в движении, стр. 303
Ощущения конца, стр. 309
Глава 6. Генеральный план Бернала и обещание трансгуманизма, стр. 319
Три врага рациональной души Бернала, стр. 326
Космическая Одиссея Артура Кларка, стр. 331
Обещание киборга: «Манифест» Харауэй, стр. 339
Почти такие же: будущая история Стругацких, стр. 345
Реальный следующий шаг: «Последний человек» Ж.-А. Рони, стр. 358

Цыплята Мамбо, медведи и олдувайское ущелье, стр. 373
Биология на конце привязи, стр. 385
Глава 7. Каждый человек – остров: наследие Золотого века Эмерсона, стр. 396
Связь с Эмерсоном, стр. 398
Эмерсон и золотой век Америки, стр. 403
Медиакосмы, стр. 410
Мир как научная фантастика, стр. 412
Научная фантастика в лицах, стр. 415
Описать неописуемое, стр. 419
Эмерсоновские эксперименты, стр. 436
Заключение. Судьба научной фантастики, стр. 461
Путь к глобальной НФ, стр. 463
Научная фантастика как лингвистический перекрёсток, стр. 470
Заново открытая парадигма: научная фантастика ГДР, стр. 475
Дракула говорит по-румынски, стр. 481
Многие науки научной фантастики, стр. 490
Послесловие. Грегори Бенфорд. Зная Джорджа, стр. 509
Краткая библиография работ Джорджа Слассера, стр. 515
Список использованной литературы, стр. 525
Об авторе, стр. 536
Объём книги 19 а.л.

Об авторе:

Джордж Эдгар Слассер (George Edgar Slusser) родился 14 июля 1939 года в Сан-Франциско, Калифорния. Получил докторскую степень в области сравнительной литературы в Гарварде и 25 лет был куратором «Коллекции научной фантастики, фэнтези, ужасов и утопической литературы Дж. Ллойда Итона», насчитывающей более 300 000 единиц

хранения. Организатор ежегодной Итонской научно-фантастической конференции (Eaton Science Fiction Conference, Университет Риверсайд, штат Калифорния) по изучению фантастики. Конференции проходили с 1977 по 2001 гг., на них выбиралась лучшая нон-фикшн книга о фантастике. Слассер написал несколько книг о научной фантастике – о Хайнлайне, Ле Гуин, Эллисоне, Брэдбери, Бенфорде. Переводил французских фантастов на английский язык. За вклад в изучение НФ в 1986 году Слассер получил премию «Пилигрим». Скончался исследователь 4 ноября 2014 года.

Сергей Соболев

29 сентября:

89 лет назад родилась актриса Алла Сергеевна Демидова. Из ее книги «В глубине зеркал»:

«Как-то я прочитала у одного немецкого философа разговор с сыном.

«– Папа, в человеке есть Бог?

– Есть.

– А в животных?

– Есть.

– А в растениях?

– Есть.

– А в растениях, которые отражаются в зеркале?

И тут я не знал, что ему ответить».

Для меня вторая реальность – растения, которые отражаются в зеркале, и для меня они иногда более реальны, чем в жизни. Все мои роли на сцене и в кино для меня более реальны, чем моя жизнь «на досуге», где я к этим ролям только готовлюсь. И эта вторая реальность реальна не только для меня, но и для зрителей.

Когда зритель смотрит на сцену, он как бы смотрит на себя в зеркало, и даже не просто в одно зер-

кало, а в два, три... Помните в «Гамлете» монолог Первого актера о Пирре? Актер во время монолога плачет, и Гамлет объясняет нам, зрителям, что это слезы актерские, ненастоящие: Актер плачет из-за Гекубы, до которой ему нет дела. Мы, зрители, верим гамлетовским словам и верим, что «актер проезжий этот», говоря о Пирре и Гекубе, плачет и живет страстью фиктивно, по-актерски, а за кулисами будет смеяться и рассказывать анекдоты.

Однако когда после этой «актерской» страсти мы видим страсть самого Гамлета, его слезы кажутся нам настоящими, реальными. Хотя и совсем не такими, как наши слезы боли и радости, с которыми мы пришли в театр. Но если мы пришли в театр со своим «быть или не быть» – оно немедленно зарезонирует с «быть или не быть» Гамлета. Как в сцене «Мышеловки», где бродячие актеры изображают фиктивных короля и королеву, фиктивную картину убийства старого короля Гамлета, а Король и Королева, настоящие, сидящие на сцене и смотрящие это представление, приходят от него в ужас, потому что их злодеяние на фоне этого фиктивного представления оказывается еще реальнее.

Как если бы вы с зеркалом подошли к другому зеркалу и ваше изображение отобразилось бы бесконечное количество раз. Или на картине была бы нарисована другая картина так же хорошо, как и первая. Какая картина более реальна? А если бы вторая картина была нарисована лучше первой? Это ведь очень часто случается на сцене и в кино – например в фильме Трюффо «Американская ночь». Съемочная группа, выведенная в этом фильме, для меня более реальна, чем съемочная группа, предположим, последнего фильма, где я снималась. И вот почему: актер, режиссер, помреж, реквизитор перестали быть на экране просто конкретными людьми имярек – они стали художественными обобщениями, символами, типами, вобрали в себя всю правду наблюдения, авторской мысли – и эта вторая реальность стала богаче обыденной жизни.

В связи с этим вспоминается одна старая китайская легенда.

В некую пору живые существа в мире Зазеркалья имели свой, отличный от людей земли облик и жили по-своему. Но однажды они взбунтовались и вышли из зеркал. Тогда Император силой оружия загнал их обратно и приговорил к схожести с людьми. Отныне они были обязаны только повторять земную жизнь. Но, гласит легенда, так не будет продолжаться вечно. Отраженные тени Зазеркалья однажды проснутся и вновь обретут независимость, заживут своей, неотраженной жизнью...

Истинное искусство никогда не было просто бесстрастным зеркалом. Сила и богатство второй реальности – в ее объемности, многомерности, синтезе всех тех черт, которые, как бы без всякой внутренней связи, разбросаны по жизни. Искусство вскрывает эти связи, находит их систему и создает глубоко осмысленную картину действительности».

Николай Подосокорский

30 сентября:

Минутка гордости за отечественную культуру. Уильям Гибсон, автор «Нейроманта» и отец киберпанка, признался, что из всех музыкантов на его труды особенно повлиял Виктор Цой.

Мир фантастики

«Руководство по истреблению вампиров от книжного клуба Южного округа», Грейди Хендрикс

(Астремль-СПб, 2022, пер. Татьяны Зельдович)

Патриция – южная леди, идеальная домохозяйка: муж-психиатр, дети-погодки, свекровь на попечении, смешная собака (спойлер для тех, кто переживает: с псом все будет хорошо). Изо дня в день главная героиня пытается быть хорошей для всех: трет и чистит, готовит ужины и собирает

сэндвичи в школу, лечит и утешает... В этой жизни нет только одного – самой Патриции. Но скоро у нее появятся подруги и отдушина – «книжный клуб», где они вместе будут читать то, что захотят. А еще – непостижимый, загадочный враг.

«Руководство по истреблению вампиров от книжного клуба Южного округа» в лучших традициях Стивена Кинга соединяет в себе хоррор и социальную драму. Невольно задаешься вопросом, что страшнее – вампир или собственный муж, который без конца врет, пропадает по ночам, а потом отчитывает тебя за любую мелочь? Или дети, которых ты любишь больше жизни, а они подросли и вдруг перестали тебя уважать? Мир вокруг Патриции словно расползается, а она латает его изо всех сил. Когда в неблагополучном районе начинают пропадать дети, она не может оставаться в стороне.

«Удел всех родителей – испытывать боль, от которой нужно уберечь своих детей».

В романе Грэйди Хендрикса немалую роль играют книги. И если любите тру-крайм, то «Руководство по истреблению вампиров...» вы будете читать с карандашом, пополняя свой бесконечный список. Главные герои обсуждают «Молчание ягнят», «Тита Андроника» Уильяма Шекспира, «Похороненные мечты: в голове у Джона Уэйна Гейси» и многие другие истории о реальных и выдуманных преступлениях. Они выбрали их, чтобы быть начеку – «подобное может случиться с каждым». И то, что начиналось как беседы о прочитанном за бокалом вина, объединяет женщин в момент опасности.

В предисловии автор пишет: «Я хотел показать противостояние Дракулы и моей мамы». И ему это удалось! Грэйди Хендрикс написал не просто острый хоррор, приправленный черным юмором. Это настоящий гимн материнской любви. Вызов древнему злу бросают женщины, которые лучше

всего умеют читать на ночь сказки, дуть на разбитые коленки, оберегать детей от любой беды – не только своих, но и чужих. И поэтому абсолютно непобедимы.

P.S. Кажется, у меня появился еще один любимый автор, планирую прочесть и другие его романы.

Даша Кельн

О том, что фантасты паршивые предсказатели, что надежнее заказать расклад Таро или астрологическую карту у проверенного звездочета, я уже сто раз говорил. Есть, впрочем, и другая теория: фантасты, дескать, будущее не предсказывают, а «заказывают» – создают картинку, рисуют образ, которому люди начинают следовать, сознательно или подсознательно. Но и это тоже чушь на уровне фантазий о 25-м кадре, о чем мне на днях как раз напомнили во время встречи в одной там библиотеке.

Пример. Самодвижущиеся дороги и летающие автомобили – неотъемлемая составляющая «образа будущего» чуть ли не с конца XIX века, с Герберта Уэллса, и как минимум до 1980-х. Хайнлайн, Стругацкие, Мёбиус, да хоть бы «Бегущий по лезвию» или «Назад в будущее»: не может быть города будущего без летающих автомобилей и без самодвижущихся дорог! Прямой, однозначный заказ: дайте, товарищи инженеры, хотим! Фантасты упорно повторяли эту мантру на протяжении ста лет. Но нет. Летающие машины – тупиковый путь развития малой авиации. От самодвижущихся дорог остались эскалаторы и траволаторы с узкой сферой применения. Технологии и индустрия пошли другим путем – фиг вам, а не города будущего «как в книжках и кино». Фантазируйте сколько угодно, но в реальности это не работает, не дает эффекта, а значит воплощено не будет.

И не только города будущего. Весь комплекс ожиданий, связанных с пилотируемой космонавтикой и колонизацией Солнечной системы накрылся медным тазом. Все эти поселения на Луне и Марсе, наблюдательные станции на орбите Юпитера, грузовые планетолеты, курсирующие туда-сюда, отважные Быковы и мудрые Дауге. Потому что хотелики хотелками, а реальность – вот она. Дорого, сложно, бессмысленно. Комплекс ожиданий, связанный с освоением мирового океана – гигантские «Наутилусы», глубоководные исследовательские станции, роскошные подводные города на морском шельфе (*viva Эндрю Райан!*) – не реализован и реализован в обозримом будущем, по ходу, не будет. Комплекс ожиданий, связанный с виртуальной реальностью – не реализован. Комплекс ожиданий, связанный с генной инженерией – не реализован. И так далее, и тому подобное. От того, что десятки тысяч фантастов твердят, как сектанты на радении, одну и ту же ересь, законы физики не изменятся и законы экономики тоже. Может, что-то в коллективном бессознательном сдвинется – ну, об этом исчерпывающе написал Уильям Гибсон в моем любимом рассказе «Континум Гернсбека», всем рекомендую. Но это уже из области психиатрии, а не истории литературы.

Василий Владимирский

© Источники:

RocketMan: https://t.me/RocketMan_kosmodrom

TheNewYorkerRu: <https://t.me/thenewyorkerru>

Александр Дубовский: DUBOVSKY cARToons HUMOR, https://t.me/gopakcartoons_dubovsky

Александр Егоров: Подчиняю примус, https://t.me/egorov_author

Александра Прохорова: Винишко под книжку, <https://t.me/culturehedonism>

Алексей Андреев: Alex Andreev Art, <https://t.me/alexandreevarts>

Алексей Пак: Пацанские полки, https://t.me/boy_shelfs

Алексей Севериан: Книжная Берлога, https://t.me/book_bear_lair

Анастасия Шевченко: Заметки панк-редактора, <https://t.me/UmiGame>

БВИ: Братия по Разуму: <https://t.me/bratrazum>

Василий Владимирский: speculative_fiction, <https://t.me/SpeculativeFiction>

Вертер де Гёте: Фантастика, хоррор, комиксы и другие удовольствия, <https://t.me/horrorfantastcom>

Виктор Язневич: mail

Владимир Бабков: Игра слов, https://t.me/igraslov_vb

Владимир Березин: березин, <https://t.me/berezin>

Владимир Киршин: Киршин, https://t.me/kirshin_70

Григорий Копейкин: Записки Копейкина, https://t.me/g_kopeikin

Дарья Бобылёва: Ход грибной королевы, <https://t.me/inomirj>

Даша Кельн: Бесконечные истории, https://t.me/keln_chitaet

Денис Лукьяннов: Денозавр в мезозое, <https://t.me/denosavor>

Дмитрий Волчек: Митин журнал, https://t.me/mitin_zhurnal

Дмитрий Злотницкий: Фантастика с Дмитрием Злотницким, https://t.me/zlo_i_sff

Дэвид Лангфорд: Ansible, <https://news.ansible.uk/>

Екатерина Звонцова: Misery Inc, <https://t.me/miseryinc>

Екатерина Каретникова: #прокнижное, <https://t.me/karetjni>

Инар Ис kennedirova: Так говорил Лем, <https://t.me/lemtalking>

К.А.Терина: Непонятная, но милая дичь, https://t.me/anyret_a_k

Майя Ставитская: <https://fantlab.ru/user117431>

Марина Аницкая: какая реальность, такой и реализм, <https://t.me/radioamarinn>

Мир фантастики: https://t.me/mirf_ru

Наталья Осояну: magie bizarre, https://t.me/magie_bizarre

Николай Карабаев: Звездные маяки капитана Норта, <https://t.me/starlighthousekeeping>

Николай Подосокорский: Подосокорский, <https://t.me/podosokorsky>

Павел Сидоров: Сай-фай ревью, <https://t.me/scifireview>

Сергей Жарковский: <https://www.facebook.com/sergey.zharkovsky>

Сергей Карелов: Малоизвестное интересное, <https://t.me/theworldisnoteasy>

Сергей Соболев: <https://fantlab.ru/user13240>

Ульяна Скибина: Сказки лесной ведьмы, https://t.me/Fairy_tales_of_the_forest_witch

Эдуард Геворкян: <https://gevorkyan.livejournal.com>